

ЕКАТЕРИНА БАКУЛИНА

ЗАКЛИНАТЕЛЬ ФЕР-СУХТА

ВОЛШЕБНАЯ АКАДЕМИЯ

Никогда не знаешь, чем может обернуться самостоятельная жизнь. В мечтах — это новые друзья и любовь, в реальности — потери и испытания. Я не по собственной воле оказалась так далеко от дома, отец меня отправил учиться в провинциальный холодный Бер-Сухт, вместо престижной академии магии рядом с домом. Тогда я не знала, что у него есть действительно веские основания. Не знала, что это единственный шанс для меня. Магия — это усилие воли. Я должна справиться.

Часть 1. Магия под запретом

— Вы когда-нибудь сознательно использовали магию?

— Нет, — тихо сказала я.

Было страшно, до тошноты. Кожаный Человек глядел мне в глаза. Я знала — он видит меня насквозь, всю, словно я голая, словно в моей душе не осталось ни одного укромного уголка. И мне нечем закрыться. Каждое событие моей жизни он доставал из глубин памяти, спокойно разворачивал, разглядывал со всех сторон. Он был деликатен. Профессионально деликатен, не позволяя ничего лишнего.

— А несознательно? Соле, скажите, были ли непроизвольные выбросы?

— Нет, — я мотнула головой.

У него были ослепительно зеленые глаза. Большие, круглые, лишенные век, утопающие в провалах под грубой бурой кожей. Кожа прошита мелкими ровными стежками, туго натянута, обхватывая надбровные дуги. Большая часть лица закрыта повязками — чтобы не пугать. У него не было век, не было ушей, губ, почти не было носа. У него не было кожи. Ее содрали. И все же, Олиш Ил-Танка оставался жив, благодаря магии. Собственную кожу заменили точно скроенные шкуры. Кожаный Человек. Псионик.

— Почему вы пришли к нам? — спросил он.

Голос у него был на удивление обычный.

— Отец отправил меня сюда.

— Хорошо. А его мотивы вы знаете?

— Нет.

У меня не слишком близкие отношения с отцом. Он всегда был сдержан и строг, а после смерти матери, с каждым годом, становилось только хуже. Последнее время мне казалось, что я живу в одном доме с посторонним человеком.

— Вы знаете, что у вашей матери тоже были способности, но она отказалась от обучения?

— Да, знаю.

— Вы знаете, от чего она умерла?

— Да. Хисирская оспа.

Кожаный Человек вздохнул.

— В наше время не многие выбирают Бер-Сухт. Ваш отец мог бы оплатить обучение в Литьяте, вас ждало бы прекрасное будущее. Почему он не сделал этого, вы знаете?

— Нет.

Я не понимала, чего он хочет. Он же все знает и без меня. Лучше меня. Зачем тогда мучить? Было так плохо, что сводило живот, трясло и немели пальцы.

Зеленые глаза глядели не мигая.

— Соле, вы уже совершеннолетняя и можете сами принять решение. Вы можете отказаться от обучения. Для самостоятельного получения гранта и стипендии в Литьяте вам, к сожалению, не хватает способностей, но вы можете просто отказаться.

Я поджала губы.

Нет, не могу. Если я откажусь — отец не пустит меня домой. Мне некуда идти.

Вода. Кап... кап-кап... Капли собирались под потолком, набухали, округлялись, потом вытягивались во всю длину и, наконец, срывались, летели вниз, разбиваясь вдребезги о прозрачный пиосский мрамор. Кап. Кап-кап. Кап. Одна за другой. Лужи и плесень. И погнившие балки. Оставалось только молиться, чтобы крыша не рухнула нам на головы.

Милосердные боги! Как же я хотела домой!

Было холодно. Просто ужасно, сырость и сквозняки. Меня почти непрерывно знобило, постоянно текли сопли, и от всего этого трещала голова. Я здесь всего месяц, но уже была уверена, что до зимы не доживу. Помру от этих соплей. Сейчас только сентябрь. У нас в Салотто даже зимой бывает лучше. Суше, по крайней мере.

Джара едва пи не с головой куталась в колючую шаль из козьей шерсти, пыталась записывать, но пальцы дрожали, буквы прыгали по листу. Лан сидел в теплой брезентовой куртке на меху, он не писал, просто слушал, откинувшись на спинку скамьи, хмурясь, сложив на груди руки. Ина тоже слушала, подперев кулачком щеку, ей, вроде бы, и не холодно было, но она из местных, привыкла.

Нас всего десять человек в аудитории, рассчитанной на две тысячи. Большая белая лекционная, ее строили, чтобы вместить три потока разом и всех желающих заодно, и, говорят, случалось, что сидели в проходах, не хватало места. Сейчас... Время ушло.

Нас десять на первом курсе. Семь человек на втором и аж двенадцать — на третьем. Пока еще относительно тепло, мы будем заниматься здесь, где светлее и меньше плесени, а вот зимой перейдем в лаборантскую, ее проще протопить.

— Вы должны запомнить одну вещь, — мастер Патеру строго обводил нас взглядом, одного за другим. — Только одну. Магия — это усилие вопи. Запомните. Не волшебные слова, не амулеты, не танцы с бубном у костра. Усилие вопи. Если этого усилия недостает — вся ваша магия превратится в пшик, если усилия достаточно — ничего больше не нужно.

Он стоял, держась за кафедру, слово вот-вот упадет. Маленький, сгорбленный, сморщенный, словно сушеная слива, на лице темные пигментные пятна. Грязно-серая рубашка висела на плечах, словно на вешалке, меховая жилетка засалена и затерта, местами расползалась от времени. Но голос у мастера глубокий и чистый. И такие же глубокие голубые глаза. Ему больше ста лет, он видел лучшие времена.

То, что он говорил — противоречит конвенции. Это дикая иррациональная магия старого Тарра, незаконная и небезопасная. Тарр был закрыт и разрушен почти пятьдесят лет назад, но мастер Патеру не только учился, но и преподавал в нем. Сложно представить. Словно в другой жизни. У нас он читал историю магии, и, только поэтому, ему позволено говорить подобную ересь. Это теория. История. Лан говорил, в Литьяте за подобные слова с него бы содрали шкуру, в самом прямом смысле. Но здесь можно. Тихо, осторожно, с оговорками, но можно. Бер-Сухт последнее место, где еще помнят...

Зачем я здесь?

Я родилась на юге, в Салотто, столице метрополии. Мой отец — управляющий портовыми складами. У нас был большой светлый дом на Персиковой улице на холме. Солнце пронизывало его насквозь, врываясь в широкие окна, отражаясь в зеркалах, играя тысячами бликов в хрустале изящных люстр. Нежно-розовые олеандры в палисаднике, во дворе сливы и инжир, а еще старый кряжистый гранат, который был, кажется, старше дома, а мама сидела под ним с рукоделием. В детстве мне казалось — это самое прекрасное место на земле, нет ничего лучше. Из окон видно море и корабли.

Маму я помню плохо, она умерла, когда мне было пять лет. В детстве казалось — из-за

меня. Конечно, я не виновата, но ведь я первая заболела хисирской оспой, не знаю уж, где подхватила, может быть в порту, куда бегала вместе с отцом. Отец не заболел, а вот мама, которая сидела у моей постели, заболела и умерла.

Отец очень горевал. И это он тогда убедил меня, что я виновата, что если бы не я — мама была бы жива. И я понимаю его, и не держу обиды. Он был не в себе в те дни, и потом просил у меня прощения, но... Я выросла с чувством вины. Даже сейчас не могу отделаться.

Оспа изуродовала мне лицо. Лет до двенадцати я вся была покрыта жесткими страшными рубцами, другие дети смеялись и не хотели со мной играть. Я, и без того не слишком общительная, стала совсем дикой. А отец с каждым годом становился все строже и жестче, он скучал, и, хоть и не говорил больше, но все равно винил меня.

В двенадцать он отвел меня к хорошему целителю, который привел мое лицо в порядок. Именно тогда и обнаружились способности к магии, не большие, конечно, но это сразу поставило перед выбором. Тогда я надела кольцо. А теперь, став совершеннолетней, я должна была либо согласиться на стерилизацию, получить инспектора и ежемесячно проходить проверки, либо пойти учиться и получить лицензию. Отец мог отправить меня в Литьяте, у нас были деньги. Но он настоял, чтобы я ехала в Бер-Сухт.

Иногда мне начинало казаться — отец ненавидел меня.

— Магическая энергия — это кровь нашего мира, — говорил мастер Патеру. — Мы можем почувствовать ее в каждом уголке, можем уловить, как биение сердца, можем прикоснуться, можем повернуть в нужное русло. Энергия повсюду вокруг нас. Магия — это жизнь.

Хаген передо мной, на нижнем ряду. Казалось, он не слушал, или, уж по крайней мере, не смотрел на мастера. Он сидел, опираясь локтями о стол, навалившись, опустив голову. Интересно, о чем он думал сейчас? У него-то, уж точно, выбора не было. Бер-Сухт или смерть.

Джара толкнула меня в бок, передала под стопом записку: «У нас картошка закончилась. Пойдем в город». О своем питании мы должны заботиться сами. Джаре платили небольшую стипендию, за меня платил отец, этих денег хватало, но без излишеств. Мы сами готовили на кухне, сами покупали продукты, скидывались обычно на четверых — я, Джара, Ина и Лан. Моя доля была чуть больше, но я освобождалась от готовки, потому что ничего не умела, дома у нас была кухарка. Готовили, в основном, Джара и Ина, мы с Ланом мыли посуду, я тарелки, а он кастрюли и сковородки, а еще Лан таскал с рынка самые тяжелые сумки. У нас все было распределено. А вот Хаген делал все сам, даже не знаю, как так вышло, жили-то мы все вместе, впятером. На наш курс, на десять человек, выделили две комнаты. И не потому, что не хватало места, уж места было предостаточно. Не хватало дров на зиму. Когда-то в жилых корпусах Бер-Сухта было центральное газовое отопление, но теперь в четырех комнатках стояли железные печки, высовываясь трубами в окна.

— Существует два подхода к овладению магией, — говорил мастер. — Сейчас уже начинают утверждать, что подход только один, что метод Тарра никогда не существовал, что это профанация. Но, поскольку этот метод запрещен, вы должны понимать, что технически им можно воспользоваться. Никто не станет с таким упорством запрещать невозможное. Вам будут говорить, что раз маги Тарра были такие великие, то почему они допустили разрушение академии и всей системы, почему допустили присоединения Этора? Это все так. Мы проиграли. Но вы должны знать...

Хаген начал кашлять. Сначала тихо, потом все громче, словно задыхаясь, сотрясаясь

всем телом. Ему тоже было нелегко в холодном климате. Мастер Патеру замолчал, ожидая, пока пройдет приступ и наступит тишина. Хаген, наконец, откашлялся, вытер ладонью лицо.

— Простите, мастер, — сказал тихо. У него был ужасный квакающий ригдельский акцент.

Мастер Патеру вздохнул.

— Вы будете изучать один из стандартных базовых наборов заклинаний. Как вы знаете, на каждый набор выдается лицензия, и вне этой лицензии вы не имеете права использовать ничего. Вы и не сумеете ничего, за пределами изученных заклинаний, потому, что не будете знать как. Заклинание — это алгоритм. В Литьяте утверждают, что когда вы точно знаете, что должны сделать, и что должно получиться в итоге, то вам проще справиться с поставленной задачей. Я не спорю, это действительно так. Когда вы действуете строго в рамках правил — это безопасно. Читая заклинание чтобы зажечь свечу, вы не сможете спалить дом, алгоритмом не предусмотрена такая мощность. Но, вместе с тем, вы лишены свободы маневра. Если вас научили зажигать свечку, но не научили зажигать дрова в камине, вы не сможете их зажечь. Почти любое заклинание узконаправленно. Метод Тарра — напротив, предполагает обращение напрямую, без специальных слов или действий. Вы хотите зажечь огонь, и вы зажигаете. В любом его проявлении. Его сила зависит только от вас. Ваша воля и больше ничего. Когда я вел практические занятия в Тарре, некоторые студенты не понимали, они спрашивали — что я должен сделать, объясните, покажите как. Но этому нельзя научить в привычной форме, это должно прийти само, изнутри, учитель может только направить. Дикая магия непредсказуема и неконтролируема извне, поэтому она так активно запрещается Литьяте. Истинная магия, как говорили раньше.

— Я бы хотела научиться не мерзнуть, — буркнула Джара. Совсем тихо, но мастер Патеру расслышал, покачал головой.

— Такое заклинание входит в вашу будущую лицензию, мисс Хе-Каи, — сказал он, — вы научитесь. А пока, советую одеваться теплее.

* * *

Над старой набережной плыли рыбы.

Когда-то уровень моря был ниже, а теперь набережная, старые доки и даже некоторые дома, оказались затоплены водой. Мостовая покрылась илом и галькой, заросла ракушками, уличные фонари покосились, стайки рыбок шныряли сквозь проемы окон.

Город поднялся выше, отгородившись от моря массивным каменным валом.

— Давай руку.

Лан помог мне забраться на смотровую площадку, ступеньки здесь очень крутые.

За валом открывалось море.

Джара уже давно поднялась и стояла у парапета, ветер трепал рыжие волосы. Она была так ослепительно прекрасна, что даже у меня захватывало дух. Словно морская нимфа — высокая, стройная, необыкновенно изящная, каждое движение похоже на танец...

— Так красиво... — сказала она, чуть откинувшись назад, чуть улыбаясь. Ее глаза сияли, ярко-зеленые, как и у всех хисирцев. Мне казалось, на море ей плевать, она глядела только на Лана.

А Лан все еще держал меня за руку.

— Очень, — сказал он. — Соле, смотри, там киты!

Я тоже видела их — вдали, на глубине, степенно появлялись и исчезали снова серые глянцево-спины, треугольные хвосты, высокие фонтаны водяного пара. Я замерла, затаив дыхание.

Лан обнял меня за талию.

У него очень сильные руки, но ладони такие мягкие... я вдруг подумала — как странно, ведь больше года он ходил на китобойце матросом, сам заработал себе на обучение, и сейчас подрабатывал грузчиком в порту. У матроса всегда много работы, руки загрубеют в любом случае, и пусть сейчас уже никто не ставит паруса, но и без того...

Он, словно услышав мысли, подмигнул, взъерошил мои волосы.

— Девочки, давайте выпьем вина?

Мы ведь отправились за картошкой, но купили немного вяленого мяса и здоровенную бутылку дешевого домашнего вина из черноплодки. Ина убьет нас, она не пошла, осталась дома... сама виновата.

Стаканов не было, мы пили прямо из горла, сидели на самом краю вала, свесив ноги. Волны плескались внизу, разбиваясь о камни, летели соленые брызги.

Вино было ужасное, кислое, вязущее, но такое крепкое, что сразу кружило голову. И мне было хорошо...

Нет, мне было ужасно плохо и ужасно хорошо одновременно, меня всегда разрывает на части в такие минуты.

Я ненавидела Бер-Сухт, меня достал этот холод, сырость, бытовая неустроенность, мне надоело спать в кофте и шерстяных носках, у меня все руки потрескались от стирки в холодной воде, я не слышала о магии ничего, кроме нудной философии и рассуждений о старом Тарре, сдался он мне! Я понимала, зачем тут Джара — ее таланта хватает, чтобы получить стипендию здесь, но слишком мало для Литьяте, у Джары нет денег, и пойти учиться — единственный шанс. Я понимала, зачем здесь Ина — ее талант невелик, за нее платит семья, но Литьяте им не потянуть. Да и уроженцы Этора традиционно предпочитают Бер-Сухт. Я знала, что для Хагена этот вопрос вообще не стоит. Знала, что Лан почти два года отучился в Литьяте, но потом разругался с отцом, и теперь пытается добиться всего сам. Быть сам по себе. Для него это вопрос принципа.

Для меня...

Меня просто отправили сюда, не спрашивая. Смириться...

Пожалуй, единственное, что могло примерить меня с Бер-Сухтом — это люди. Друзья. Лан... Да, особенно он.

У меня никогда не было настоящих друзей, я росла дикой и необщительной. Нет, я пыталась, но не выходило ничего. Надо мной смеялись, меня не принимали. Наверно, я виновата сама, что-то все время делала не так, глупо и неуклюже. Я все время казалась себе неуклюжей и бестолковой дурой, не смыслящей в жизни ничего. Из-за оспы очень долго была уродиной, да и сейчас не блистала красотой — маленькая, тощая, угловатая, больше похожая на мальчишку, волосы торчат в разные стороны.

Но здесь меня приняли сразу и легко. Может быть потому, что здесь все были такие же ненормальные, а то и еще хуже. А может... Мне все казалось — это из-за Лана. Он всегда был рядом со мной. В наших отношениях не было никакой романтики, никаких слов о любви, никаких поцелуев, даже намеков. Но он всегда был рядом. Как друг, как брат. Я очень долго не могла поверить, мне казалось, такие парни даже смотреть не станут в мою

сторону. Вообще никакие не станут. А Лан... Алатау Латаре. Он был принцем из сказки. Он был высок и атлетически сложен, и очень красив — у него были мягкие волосы цвета спелой пшеницы, правда очень коротко остриженные, у него были небесно-голубые глаза и длинные черные ресницы. Но, вместе с тем, он не выглядел смазливый мальчишкой, наоборот — очень строго и мужественно, может быть потому, что был на три года старше нас, и у него был богатый жизненный опыт. А еще он был старшим сыном сенатора Такату Латаре, родился на золотом острове Кито, получил самое лучшее образование, которое только может дать метрополия.

Когда я смотрела на него, у меня замирало сердце.

Как так вышло?

Лан улыбался мне.

Джара злилась. Мне казалось, она тоже не может понять, почему Лан со мной, а не с ней. Она ведь лучше, она больше это заслуживала...

Вот и сейчас.

Пошел дождь, сначала мелкий, потом все сильнее и сильнее, а мы все еще сидели на камнях. Мы были слегка пьяные, и, может, поэтому казалось, что дождь — это не страшно. У Джары в сумочке оказался зонт, она всегда была запасливая. У Лана — брезентовая куртка с капюшоном. А у меня — ничего. Я только подняла воротник, но это не спасало. Струи дождя текли у меня по лицу, волосы намокли, превратившись в противные сосульки. Я хотела попроситься под зонт к Джаре, но она не предлагала сама, а я слегка стеснялась.

И тогда Лан просто взял и снял свою куртку, накинул мне на плечи, натянул капюшон на голову.

— Ну, вот, — весело сказал он. — Так лучше. Тебе очень идет, ты такая смешная.

— А ты? Лан, ты что! Нет, я так не могу!

Я попыталась было снять, но он не позволил. Остался в одной рубашке в такой холод, под дождем.

— Не волнуйся, я знаю другие способы согреться. Я ведь чему-то учился два года.

— Ты не можешь использовать магию за пределами училища, — строго сказала Джара. — Иди лучше под зонт.

Лан отмахнулся.

— Ничего, немного воды мне не повредит. Настоящий заклинатель не должен бояться такой мелочи.

Я видела, как Джару это задело. То ли от того, что он действительно умел куда больше, то ли от того, что готов был промокнуть ради меня.

— Да? Не повредит? А слабо искупаться, Лан?

На секунду он задумался. Всего на секунду.

— Да легко!

Стащил рубашку и сапоги, штаны, разделся догола, совершенно не стесняясь нас. Сложил одежду кучкой, отдал Джаре.

— Вот, поддержи, смотри, чтобы не намокло.

Джара тоже ничуть не смущалась, взяла одежду, глядя прямо на него, словно разглядывать голых парней было для нее обычным делом. А я чуть отвернулась...

— Лан, не надо! — тихо пискнула я.

— Да брось, Соле. Хочешь, пойдем купаться вместе. Не замерзнешь, обещаю.

Я отчаянно замотала головой.

Лан пожал плечами и прыгнул в воду. Так просто, с места, не разбирая даже, какая там может быть глубина.

— Вот придурок, — холодно сказала Джара.

Лан исчез под водой и долго не появлялся. Так долго, что я не на шутку заволновалась. Я стояла на краю, напряженно вглядываясь в волны. И ничего... Чуть не расплакалась.

— Лан! — отчаянно крикнула я.

— Соле!

Он вынырнул так далеко, что я едва могла различить его среди мелькающей белой пены. Помахал мне рукой. И нырнул снова.

Я видела, как он доплыл до покосившегося флюгера, торчащего из воды, как, схватившись за него, встал на крышу. Саму крышу я не видела под водой, но он стоял, ему было, наверно, по колено. Потом он прыгнул с крыши и поплыл назад.

Когда он вылез, я поняла, что почти не дышала все это время, так, что темнело в глазах.

Лан тряхнул головой, словно пес, стер ладонью воду с лица. У него были тонкие белые шрамы на груди, словно кожу резали острым ножом. У него и на спине были шрамы, но другие, словно вцепилась огромная кошка, располосовала когтями.

У него были совсем синие от холода губы.

— Ты ненормальный, — фыркнула Джара. — Быстро одевайся, и домой, греться.

Я видела, как, подойдя за одеждой, Лан наклонился к Джаре и поцеловал ее.

Хагена я встретила в самый первый день, как только приехала, еще на лестнице.

Здесь ужасная лестница, я до сих пор не рискую ходить одна. Но когда приехала — была просто в панике.

Я всегда знала, что Бер-Сухт приютился высоко в скалах, над городом, но одно депо знать, другое — видеть своими глазами. Когда я поняла, на какую высоту придется лезть, то закружилась голова. И еще больше закружилась, когда я поняла самое главное — бегать вверх-вниз придется постоянно.

У меня с собой было два чемодана, и я не представляла, как затащу их наверх. Можно было попробовать по одному, один оставить, потом вернуться... Но подниматься два раза подряд я, пожалуй, не смогу, это уже слишком. Держа по чемодану в каждой руке, беспрестанно путаясь в длинных юбках, я изо всех сил пыталась прижиматься к боковой стене и не смотреть вниз. Никаких перил, никаких ограждений не было. Если вдруг я поскользнусь и сорвусь вниз... Даже думать страшно.

Вся красная и взмокшая, на трясущихся ногах, кое-как дотащила вещи до небольшой площадки, где-то на четверти пути, бросила все, села, пытаюсь отдышаться. И это еще притом, что склон пока был пологий, ступени низкие и широкие, а вот дальше, насколько я могу судить, пойдет настоящая жесть.

Как же люди тут учатся? Может поэтому никто не хочет ехать в Бер-Сухт?

Я сидела, стараясь прийти в себя и собраться с силами, даже на время закрыла глаза.

А когда открыла — передо мной стоял здоровенный бородатый мужик. Я чуть не подпрыгнула от неожиданности.

— Привет, — сказал он. — Любуешься видом?

— Что?

Он смутился, видимо, выражение лица у меня было такое... красноречивое. Я пригляделась... нет, он почти мальчишка, такой же студент, как и я, просто борода делала его старше.

— Прости, — неуверенно сказал он. — Отдыхаешь? Тебе наверх? Хочешь, я помогу донести вещи?

Акцент у него был жуткий, какой-то квакающий. И выглядел он, мягко говоря, странновато, больше похож на бродягу или бандита, чем на студента-закпинателя. Но кто в моем положении станет отказываться от помощи.

— Давай. Спасибо.

Он подошел, взял мои чемоданы.

— Ты тоже здесь учишься? — спросила я.

— Да... буду. Я тоже недавно приехал. Вот, ходил на рынок, за рыбой.

— За рыбой? Вас что, тут не кормят? — удивилась я.

Он кивнул, улыбнулся сквозь бороду.

— Не кормят. Хочешь, я угощу тебя обедом?

Я пожала плечами. Мне бы подняться сначала. Хотя, обед — было бы здорово.

Для него, кажется, в подъеме не было никакой проблемы, он шел с моими тяжеленными чемоданами легко и быстро, привычно так, словно они ничего не весили, поначалу даже прыгая через две ступеньки. Еще бы, у него ноги длинные, такой здоровенный лось, я ему и

до плеча не достаю. Но потом оглянулся на меня. Я шла остороженько, держась за стену. Пыталась, конечно, не отставать, но куда там.

Он оглянулся и снова смутился, очень искренне.

— Прости, я не подумал...

Подождал и пошел рядом, по самому краю... и не страшно ему, ступеньки здесь не очень широкие, на двоих — в обрез.

— А как тебя зовут? — спросила я.

— Хаген. А тебя?

— Соле. Ты здесь на стипендии, да?

Он неопределенно хмыкнул.

— Это так заметно?

Я пожала плечами. Но да, со своей бородой, потрепанной засаленной курткой и страшным акцентом, он не был похож на человека, способного заплатить за обучение. Только ведь это значило и другое.

— Везет, — сказала я, — мне до стипендии, как до пуны, способностей не хватит.

Он вздохнул.

Потом мы шли, почти не разговаривая, у меня дыхания не хватало на разговоры, а Хаген, похоже, не очень-то хотел. Чем дальше, тем круче становился подъем, выше и уже ступеньки, на каждую мне приходилось едва ли не вскарабкиваться. В конце концов я наступила на юбку, споткнулась и, наверняка, полетела бы вниз, если бы Хаген не подхватил под руку. При этом он еще умудрился не упустить чемоданы, держа один и подпирая ногой второй.

— Знаешь что, — сказал он, — ты посиди здесь, а я отнесу твои вещи наверх и вернусь.

Я попыталась улыбнуться.

— А потом отнесешь меня?

— Да, — совершенно серьезно сказал он. — Потом тебя.

— Я сама дойду...

— Хорошо, — согласился он. — Сама. Только пусть лучше у меня будут свободны руки, чтоб повить тебя, если снова поскользнешься.

Ну, что тут скажешь...

Идти самой страшно. Подожду. У меня ноги подкашивались, тряслись коленки, и не столько от усталости, сколько от нервов. Никогда не думала, что так сильно боюсь высоты. Оставшись одна, я осторожно села подальше от края, к самой стене. Честно говоря, даже пошевелиться было страшно, не то, что подниматься, все казалось — одно неверное движение и меня сдует ветер. А Хаген так резво ускакал вверх...

Я сидела и сидела.

Казалось — столько времени прошло, ужасно долго, целая вечность. Он давно должен был вернуться. В какой-то момент я даже решила, что Хаген забыл про меня, или, хуже того, решил посмеяться... Чуть не расплакалась. Сейчас посихсу немного и, если он не вернется, придется как-нибудь самой, хоть на четвереньках... Надо привыкать.

Я уже почти отчаялась, когда Хаген наконец появился из-за поворота лестницы.

— Соле! — помахал рукой. — Как ты тут?

— Прекрасно, — отозвалась я. — Любуюсь видами.

Он улыбнулся.

— Давай руку, пойдем.

— Пойдем.

Никогда не думала, что у магов, даже у будущих, даже у простых заклинателей, могут быть такие руки. Мне всегда казалось — у них должны быть тонкие длинные пальцы, чувственные и изящные, как у музыкантов. Мои руки, конечно, тоже не эталон, но... У Хагена была здоровенная, жесткая и даже шершавая ладонь, очень грубая, больше подходящая рабочему с завода, чем магу... Зато держал он надежно и крепко, я даже бояться перестала.

И еще, я сначала не поверила, ведь такого не могло быть...

— Хаген, у тебя нет кольца?

В его лице что-то болезненно дрогнуло.

— Нет, — сказал он. — Я принес присягу.

Широкое серебряное кольцо надевают, как только узнают о способностях к магии, я надела в двенадцать лет. Оно помогает контролировать энергию, помогает не допустить случайных выбросов. С помощью кольца можно всегда определить, где молодой маг находится, помочь ему, если он попал в беду. Некоторые сравнивают кольцо с ошейником, который держит на привязи, но оно, в первую очередь, призвано защитить... Магия слишком опасна, если не умеешь с ней обращаться, и для тебя, и для других.

Лан, к слову сказать, тоже носил кольцо, несмотря на два года обучения.

Присяга — это совсем другой уровень. Присягу приносят закончившие обучение маги. Литьяте, полностью овладевшие искусством, кольцо для них больше не имеет смысла, они овладели контролем и подтвердили свои знания. Их кожа прошивается тонкими, словно волосы, серебряными нитями. Нити выполняют ту же роль, но их влияние намного выше. Магу, принесшему присягу, можно отдать прямой приказ...

— Ты что, настоящий маг?

Хаген мотнул головой.

— Нет. Я никогда не учился. Но у меня очень высокий уровень магии, кольцо не справляется.

— Ого! — сказала я.

Хаген промолчал.

Я узнала потом, что уровень магии Хагена не просто высок, а запределен. Такого почти не встречается. Из-за этого его даже отказались брать в Литьяте, сказали, что слишком опасно, такую магию невозможно контролировать, это может привести к ужасным последствиям. Они не хотели с ним связываться. Предлагали тихо усыпить... так гуманно, да... За Хагена вступился мастер Патеру, забрал в Бер-Сухт. Но пришлось пойти на компромисс — принести присягу сразу. Хагену дали полгода, после этого специальная комиссия Литьяте решит, что с ним делать.

Жилой корпус высился мрачной громадой. Он казался пустым, многие окна были заколочены, какие-то просто выбиты. Слева от входа, между корявыми соснами, сушилось белье, ветер яростно трепал трусы и рубашки. Да, ветер на такой высоте был просто жуткий, пронизывающий насквозь.

— Здесь всегда так холодно? — спросила я.

Хаген пожал плечами, словно холод его не беспокоил вовсе.

— Пока еще лето.

Будет хуже.

Он провел меня через боковой вход, по узкому темному коридору, сама бы я не нашла.

Даже не верилось, что придется здесь жить, это как-то неправильно... Я не смогу так. Но больше всего меня добило то, что в комнате нас пятеро! Три девушки и два парня. В соседней — пять парней, тоже с нашего курса. Весь второй курс, в полном составе, всемером, живет в одной большой комнате слева от кухни, а третий — в двух, по шесть человек. Это мы еще удачно! А ведь изначально комнаты рассчитаны на двоих.

Нам с Иной досталась двухъярусная кровать у двери, она внизу, я наверху. У Джары отдельная кровать рядом, а Лан и Хаген — у окна, там дуло просто ужасно, рамы разваливались, но больше места не было, комнатка маленькая. Окна мы пытались кое-как подоткнуть тряпками, но это мало спасало, Лану особенно доставалось...

В тот раз Лана не было, он ушел на работу, Джара сидела на его кровати, закутавшись в плед, и шила платье. Она брала заказы в городе.

— Привет! Ты новенькая к нам?

— Да...

— Я Джара, — она встала, по-мужски протянула мне руку.

Потом позвала на кухню, пить чай.

Уже тогда я заметила, что Хаген держится отдельно, он положил пакет с рыбой в маленький ящичек за кухонным окном, и ушел. Мы сидели втроем — я, Джара и Ина.

Ина — невысокая пухленькая девушка из эторской глубинки, ее отец занимается овцами, и, вроде как, дела идут неплохо. Ее дядя — заклинатель, тоже учился в Бер-Сухте, даже ее кое-чему сумел научить управлять овцами и останавливать кровь... Нет, она не колдует, ведь без лицензии это невозможно. Ина смотрела на меня, как на дуру.

— Конечно, невозможно, Соле. Вот же — кольцо! — она помахала передо мной растопыренной ладошкой.

Я чувствовала подвох.

— Соле, ты никогда не снимала его? — спросила Джара, с легкой иронией.

— Но ведь снимать нельзя?

Однажды, еще в детстве, я сняла кольцо ненадолго, просто так, посмотреть, я и не собиралась колдовать. Через час к нам в дом приехал инспектор. Меня потом замучили проверками и тестами, целых попогода непрерывно... Потом стало спокойнее. Но то, что снимать опасно — я запомнила на всю жизнь.

А Джара легко стянула с пальца свое кольцо, повертела, подкинула на ладони, потом надела снова.

Мне стало не по себе.

— И никто не придет? — спросила я осторожно.

— Кто? — удивилась Джара. Ее зеленые глаза смеялись.

— Инспектор.

— Сюда? Нет, сюда никто не придет. Если, конечно, не будешь слишком наглеть.

— А ты когда-нибудь использовала магию? — спросила я Джару.

— Нет.

Она ответила так, что я хорошо поняла — она никогда не пыталась. Легкая доля сожаления — хотела бы, но не могла. Если для Ины магия была обыденной частью жизни, то для Джары магия — совсем другой мир, дверь в который она только надеялась открыть.

Джара насыпала нам в кружки немного чая, залила кипятком.

— Моя мать была шлюхой, — спокойно сказала она. Так спокойно, что мне стало как-то неловко. — Когда она забеременела, то была уже не молода, с ней не стали возиться,

выкинули на улицу. Я родилась в сточной канаве. Да, не бледней так, Соле, — она криво усмехнулась. — Я всегда рассказываю сама... лучше так, чем потом... кто-то все равно узнает правду и начнет тыкать в лицо. Лучше сама. Я не стыжусь. Я очень люблю свою мать, она делала для меня все, что могла. Когда я была маленькая, она бралась за любую работу, даже самую черную и грязную. Потом начала шить, из нее вышла замечательная швея. Сначала за гроши перешивала и штопала разные лохмотья, потом дела пошли в гору, к нам начали заглядывать даже дамочки, вроде тебя...

Джара протянула мне кружку. Я взяла, машинально отпила глоток, обожглась, дернулась и чуть не разлила оставшееся. Джара лишь снисходительно вздохнула.

— Ты аккуратнее, — сказала она.

Потом, слабо улыбнувшись чему-то своему, обхватила кружку ладонями, задумчиво, словно греясь. Наклонила голову на бок, разглядывая меня.

— Ты когда-нибудь работала, Соле? Приходилось самой зарабатывать деньги?

Я мотнула головой. Вдруг почувствовала себя маленькой девочкой, которая совсем не знает жизни.

— А мне приходилось, — тихо сказала Джара. — Три года назад мама ослепла. Мне было четырнадцать, и...

По ее лицу пробежала тень, она закусила губу, напряглась, потом встала, отошла в сторону.

В тишине стало слышно, как гудит за окном ветер...

Ина достала пирог с капустой, отрезала нам. Пахло сногсшибательно.

Шаги в коридоре. Джара тоже услышала, повернула голову.

Скрипнула дверь.

— А, вот вы где!

На пороге стоял парень...

О-ооох! Мне одного взгляда хватило, чтоб потерять голову. Если уж кто и похож на будущего мага, так это он.

— Привет, Лан. Хочешь чаю? — предложила Джара.

— У меня есть предложение лучше! — он покачал в руке небольшую корзинку, потом подошел, поставил на стол. — Приготовишь?

Джара заглянула, довольно потеряла руки.

— Какой красавчик!

В корзинке лежал, слабо трепыхаясь, здоровенный морской угорь.

— К нему бы еще хорошего вина...

— Ха! Вина ему! — Джара вытащила угря из корзины, с интересом разглядывая. — Вино будешь пить дома, с папочкой. Самогонку доставай, будем отмечать приезд Соле.

— Кстати... — он повернулся ко мне, посмотрел так, что замерло сердце. — Рад знакомству. Ты с нами?

— Да, — тихо сказала я.

Как я рада была в тот момент быть с ними!

Лан полез в шкафчик и откуда-то издалека извлек здоровенную бутылку, поставил на стол. Честно говоря, никогда не пипа такое... но ведь и не откажешься.

— И как тебе здесь? — спросил он.

— Хорошо, — сказала я, даже не очень понимая, о чем он спрашивает, просто смотрела на него...

Джара засмеялась.

— Это она еще не осознала, куда попала.

— А откуда ты, Соле, — спросил Лан.

— Из Салотто.

— О! — Лан очень натурально удивился. — А почему к нам?

— Так получилось.

Что я еще могла сказать. Объяснять не хотелось... да и сама я не слишком хорошо понимала.

Джара положила угря на стол, взяла нож, одним точным движением отрезала голову, принялась методично разделывать. Какое-то время угорь еще истерично дергал хвостом. Я отвернулась.

— У тебя не хватило денег на Литьяте? — спросил Лан. — Или ты что-то имеешь против него?

Я растерялась. Как можно быть против? Ведь это единственное... ну, в любом случае, лицензию выдают только там, даже после обучения в Бер-Сухте. Все знали — магия это Литьяте, в первую очередь.

— Меня отец отправил сюда... я не знаю...

— Понятно, — Лан улыбнулся, откупорил бутыль, взял наши чашки, выплеснул чай в окно и налил прямо в них примерно до половины. — Давайте. За знакомство!

— Да подожди ты, — фыркнула Джара, — дай с рыбой закончу, у меня руки грязные.

— Ина, Соле? — Лан поднял кружку.

— Алкаш, — категорично заключила Джара.

Лан улыбался, глядя на меня... у него были такие глаза... небесно-голубые, ясные, сияющие. Он ждал. У меня мурашки побежали по спине. Я должна была что-то сделать или хотя бы сказать, вот прямо сейчас, иначе никогда себе этого не прощу. Я... Я схватила свою кружку и разом, пока не передумала, сделала большой глоток. Обожгло горло и перехватило дыхание... О-ох, какая крепкая! Аж слезы из глаз. Лан засмеялся, поднял свою кружку в шутилом салюте и выпил — залпом, до дна, даже не поморщившись, словно воду.

— Что-то много у нас илитрийцев в этом году, — заметила Ина. — Да все прям из столицы.

— А кто еще? — спросила я.

— Да вот этот зажавшийся придурок. — Джара указала на Лана ножом, принялась дальше переворачивать кусочки угря на сковородке. — У него с рождения было все и даже больше, поэтому он ничего не ценит. Ты спроси, почему он здесь?

— Почему?

— Придурок, — сказала Джара.

Лан налил себе еще, целую кружку, и молча выпил.

Мы просидели до самого вечера, много говорили... самогонка так ударила мне в голову, что я плохо помнила о чем. В глазах все плыло и шумело в ушах... Мне кажется, Лан играл на гитаре... Я уже совсем клевала носом, когда он поднял меня на руки и отнес на кровать, снял ботинки, накрыл одеялом.словно маленькую девочку.

Сквозь сон я слышала, что они там еще сидят на кухне, слышала смех.

Хаген лежал на кровати у окна. А ведь он звал меня пообедать, а я... Глупо все... Неудобно вышло.

Проснулась от того, что Ина укладывалась на свою кровать подо мной, Джара с Ланом

шептались о чем-то, тихо хихикая, Хаген встал, пошел на кухню. Я слышала, как он гремел там сковородками...

* * *

Когда я проснулась утром, в комнате никого не было.

Очень долго лежала, пытаюсь собраться с силами и вылезти из-под теплого одеяла в холод. Утром все казалось еще хуже, если бы могла, я бы сбежала отсюда. Да еще голова...

Кутаясь в плед, вышла на кухню, там сидели старшекурсники, жарили яичницу, завтракали. Я поздоровалась, поставила чайник, пошла искать кого-нибудь из своих.

Никого.

Неужели теперь так будет всегда?

Было так непривычно, одиноко. Не по себе. Во двореке гулял ветер, завывая в разбитых окнах. Иногда еще мне казалось, что в его вое я слышу голоса, чужие, непонятные, на незнакомых языках... голоса кружили надо мной.

Очень хотелось есть, но за продуктами, похоже, придется идти в город. По лестнице. От одной мысли об этом тряслись коленки. Спускаясь, нужно смотреть под ноги, а от высоты у меня кружилась голова. Нет... Не сегодня. Как-нибудь обойдусь.

Я подошла к парапету смотровой площадки. Страшная высота, внизу скалы, камни... если вдруг навернуться отсюда — от тебя просто ничего не останется.

Вдали гудело море. Оно почернело, вздыбилось белыми барашками, низкие облака набухли от влаги, отяжелели, еще немного и прольются дождем. Кое-где, на горизонте, мелькали огненные всполохи.

Я стояла, смотрела на море, на облака...

Скорее почувствовала, чем услышала, что кто-то подошел. Обернулась, сначала не узнала. — Хаген?

Он неуверенно улыбнулся, потер гладко выбритый подбородок.

— Привет, Соле. Мне давно говорили, что студентам борода не положена, так что...

Сейчас он казался совсем мальчишкой, так изменился.

— Привет, — сказала я. — Без бороды намного лучше.

Он передернул печами, заметно смущаясь.

— А ты собираешься в город?

— Не знаю. В город я пока боюсь. С меня вчерашнего подъема хватило.

Хаген улыбнулся.

— Тебе уже показали, что тут и где?

Он показал мне учебные корпуса и небольшой огород, на котором кто-то выращивал летом тыкву, кабачки и морковь, там был еще небольшой парник с помидорами, но в панике уже все засохло. Показал мне, где можно помыться и набрать воды для стирки, сарай с дровами и небольшую кладовку, куда можно складывать запасы еды.

С ним было так просто и спокойно, словно я знала его всю жизнь.

Потом мы гуляли по городу.

С Хагеном по лестнице идти было не страшно, он крепко и надежно держал меня под руку.

Мы бродили по улицам просто так, без всякой цепи, разговаривали. Мне казалось —

обязательно нужно что-то говорить, молчание пугало меня, тяготило. Казалось, что глупо и неправильно бродить молча. И я старалась, как могла, рассказывала про дом, про Салотто, про корабли... про разное. Все, что приходило в голову. Хаген, в основном, слушал. Он молчал, и молчание ничуть не смущало его. Мы бродили, разглядывали людей, дома, вывески, каменное морское чудовище на главной площади. Чудовище было огромно. Хаген долго хмуро глядел на него.

— Оно живое...

— Нет, Хаген, это скульптура, оно же из камня.

Он покачал головой. Протянул руку, чуть погладил.

Мне тоже сначала показалось, что оно настоящее, живое, просто застывшее на минуту. Чудовище взрывало мостовую страшными щупальцами, ломая брусчатку, поднимаясь на длинных ногах едва ли не выше ратуши. Между ног, прямо под брюхом, ходили люди. Сбоку сиротливо прилепилось объявление о продаже дома.

Потом как-то незаметно мы вышли к рынку. Здесь, в отличие от Салотто, рынок казался маленьким, даже скромным — всего несколько рядов с местными товарами. Здесь жили просто, и как-то иначе...

* * *

— Что это у тебя? — Джара смотрела с легкой усмешкой.

— Бусы, — сказала я.

Мне вдруг начало казаться, что я опять сделала какую-то глупость или даже что-то неприличное.

— Детская игрушка из морских камешков?

— Нет... это кораллы...

Мне так сказали! Тетка в лавке так расхваливала свой товар... Я перемерила почти все, глядя в зеркало, а Хаген говорил, что мне очень идет... И тут...

Джара снисходительно усмехнулась.

— Это лягушка, купил тебе такие?

— Кто?

— Хаген. Он ужасно квакает... Это он?

— Нет... я сама...

Лан, до этого сидевший в стороне, подошел, долго рассматривал, потом покачал головой.

— Таких камешков много на берегу, — сказал он. — Мне казалось, что такая девушка, как ты, Соле, должна разбираться.

Щеки словно огнем обожгло — обидно и стыдно одновременно. Такая, как я? Что он может обо мне знать? Я выросла без матери, из женщин в доме — только старая усатая экономка. Серьги и ожерелья я видела только на других, отец никогда не покупал мне, всегда говорил, что мне еще рано, что девочкам не нужно, я же не собираюсь замуж прямо сейчас. А потом я увидела мамино на той...

Я закрыла глаза.

Что я могу об этом знать.

— Соле... — Лан протянул было руку, но я отшатнулась. Выскочила на улицу.

— Вечером в "Морского дракона?" — предложила Джара.

Она стояла у плиты, варила нам на завтрак овсяную кашу на молоке. На продукты мы уже тогда скидывались все вместе, но по кабакам чаще всего нас водил Лан.

— Не сегодня, Джар. У меня закончились деньги.

— Что? — удивилась она. — Куда ты их дел?

— Да вот, совсем забыл, — Лан усмехнулся, неожиданно подмигнул мне, похлопал себя по карманам. — Соле, у меня для тебя маленький подарок, еле нашел.

На его ладони лежала очень изящная серебряная подвеска в виде цветка, с крупной жемчужиной. Я замерла.

— Что это? — спросила очень глупо.

Лан улыбнулся.

— Это тебе. Мы вчера так раскритиковали твои бусы, ты так расстроилась, что я решил все исправить. Это настоящий жемчуг и хорошая работа.

В это невозможно было поверить. Почему?

Лан взял за цепочку, попытался застегнуть на моей шее. Я вздрогнула, попятилась.

— Нет, Лан, я не могу. Ты что...

— Не говори глупостей, — Лан уверенно поймал меня за талию, притянул к себе. — И стой спокойно. Я даже слышать ничего не хочу.

Цветок приятной тяжестью повис на шее. Я осторожно дотронулась пальцами.

— Нравится? — спросил Лан, на его лице играла блаженная улыбка.

— Да, — сказала я.

— И ты спустил на эту дурь все, что у тебя было? — Джара покачала головой.

— Угу. Мне даже скидку сделали, глядя, как я собираю мелочь по карманам.

Лан был очень доволен собой.

Но Джара этой радости не разделяла.

— У тебя нет денег, ты все потратил. У тебя нет стипендии. Скоро начнутся занятия и ты не сможешь работать. Что ты собираешься делать, Лан?

— Что-нибудь придумаю, — он пожал плечами.

— Надеешься, что я буду просто так кормить тебя?

— Джар, не будь такой занудой. Ты мне не жена, чтобы пилить.

Джара поджала губы.

— Хорошо, — с вызовом сказала она. — А слабо подарить мне такую же, но из золота? Я не люблю дешевые побрякушки.

Я не видела Лана несколько дней, почти до самого начала занятий, он не появлялся, не приходил спать. Да, я волновалась. И отчего-то чувствовала себя виноватой, хотя уж я-то точно ничего не сделала. И не нужно мне никаких украшений, если все выходит вот так. Я даже готова была подарить свой цветок Джаре...

Лан разберется сам, он большой мальчик, на три года старше меня, между прочим. Мне

будет ровно столько, когда я закончу Бер-Сухт, когда начну жить самостоятельно. Тогда уже никто не будет бегать за мной и переживать. И все же...

Это из-за меня.

С Джарой мы почти не разговаривали. Не ссорились, она не говорила мне ничего плохого, но каждый раз рядом с ней я чувствовала напряжение, она так смотрела на меня... Джара всегда была занята, что-то шила, вышивала, украшая бисером, а я только слонялась без дела. Старалась поменьше времени сидеть рядом с ней. Единственное развлечение — мы с Иной раскладывали пасьянсы. Но Ина больше времени проводила с Кером и Регаром, парнями с нашего курса, близнецами из небольшой эторской деревушки, ей было интереснее со своими. Ина вообще была очень практичной, спокойной и основательной девушкой.

Хагена я тоже почти не видела, он уходил рано утром, пропадал где-то весь день и возвращался только ночью, когда все спали. Мне казалось, он тоже чувствовал себя неловко, совсем как я. Мы в этом похожи. Я видела, что его избегают... он был немного странным, молчаливым... может быть, тут было что-то еще, чего я не знаю, сложно сказать. Иногда мне хотелось подойти, поговорить, я прекрасно знала, что такое — быть одной. Я и сейчас была одна. Но я боялась, что если начну дружить с Хагеном, меня тоже начнут избегать. Я думала даже, что если бы я не пошла с ним тогда гулять в город, все было бы нормально, ничего бы не случилось. И мне было немного стыдно за эти мысли.

Казалось, скоро вернется Лан и все изменится, мы снова будем всем вместе... все вместе.

Но нужно выбрать, на какой я стороне.

Салотто в огне. Мой родной город. Огонь падает с небес словно горящая гора, словно возмездие богов. Удар. И гигантская воронка на месте Девичьей гавани. Огонь поднимается столбом, падает снова и растекается стремительными волнами. Волны огня заливают все — от здания сената на Вейской площади и золотого дворца Элау, до последней хибары на окраине. Над развалинами поднимается пепел. Облако пепла. Мне кажется, я слышу крики.

Но живых больше нет.

И вслед за огнем приходит море.

Сон. Или что-то большее?

Так будет? Я хочу знать правду.

Первый раз этот сон приснился мне после беседы с Кожаным Человеком. Я подумала — это от страха, от того, что он напугал меня. Вскочила посреди ночи, мокрая, трясущаяся... села на кровати. Все спали. А я больше не смогла, даже глаза закрыть было страшно. Так и провертелась до утра.

Мастер Ил-Танка говорил со всеми нами, каждым по отдельности. После такого разговора Ина пришла бледная и притихшая, сразу пошла на кухню, налила стакан самогона.

— Ну и чудище, — сказала она. — У меня до сих пор в голове звенит...

— А что он спрашивал?

Ина хмуро посмотрела на меня, с каким-то недоверием... но подозрений ее я явно не оправдала.

— Он спрашивал, умею ли я колдовать. Какие заклинания выучила.

— И что ты сказала?

— А что я могла сказать? — огрызнулась она почти истерично, нервы на пределе. — Он же и так все знает. Он псионик. Он видит насквозь. Он может заставить говорить все, что угодно... Все! — Ина зябко поежилась, напила себе еще пол стаканчика. — Хочешь? — предложила она.

Я подумала, и кивнула.

Ина шмыгнула носом.

— Я ему все и рассказала, — ее голос дрожал. — Надеюсь, он не сдаст меня в Литьяте.

— Не сдаст, — сказала Джара. — У него с Литьяте свои счеты.

— Свои счеты?

— Они же содрали с него кожу, это обычная казнь за предательство. Он жив благодаря мастеру Патеру, и не может покидать Бер-Сухт. Но договора с Литьяте у Олиша больше нет, присяга аннулирована.

Меня поразило, что Джара назвала его просто по имени.

— Откуда ты знаешь?

Джара пожала плечами.

— Он сам рассказал. Я только не знаю, что он натворил, про это он говорить не хочет. Но, думаю, не слишком серьезное, раз его отпустили. Хотя... — Джара задумалась, — три года назад, когда это случилось, Патеру имел больше влияния...

— Он сам рассказал тебе? — Ина смотрела на нее во все глаза, с ужасом. — Ты с ним говорила?

— Вы тоже говорили с ним.

— Да я чуть не померла! — Ина вздрогнула, громко икнула.

Джара сморщилась.

— И что? Он псионик, это его работа. Лан, между прочим, тоже псионик, только он не закончил обучение, а Олиш закончил. От Лана вы же не шарахаетесь? Он, конечно, не представляет напоказ свои способности, но ему это и не нужно... ну, и, конечно, Лан — красавчик... Между прочим, Олиш не так уж сильно старше нас, ему всего двадцать семь лет.

Мы с Иной переглянулись, долго молчали.

— Ого, — сказала Ина, наконец. — Ну, ты даешь...

* * *

Лан появился неожиданно, поздно вечером. Мы с Иной уже легли спать, Джара еще сидела...

Он вошел. В первое мгновение я не узнала его, хотя, казалось бы, Лан совсем не изменился. Но что-то было в его лице — совсем чужое, взрослое. Я замерла, испугалась.

Не говоря ни слова, он подошел к Джаре, положил ей на колени маленькую блестящую вещичку. Глянул в глаза. И вышел. Все также, без слов.

Золотой цветок с черной жемчужиной.

Я видела, как Джара закусил губу, долго неподвижно смотрела на украшение. Потом вдруг швырнула ее в сторону, вскочила на ноги и выскочила за дверь, вслед за Ланом, наверно.

Этой ночью она больше не возвращалась.

Увидела Джару только утром... их вдвоем с Ланом, на кухне. Лан жарил яичницу на двоих.

* * *

— Закрой глаза и слушай музыку. Просто доверься мне.

Лан учил меня танцевать джигу.

Словно и не было ничего, словно никуда не пропадал. Словно...

Он беззаботно улыбался, держал меня за руки.

— Давай, Соле, сначала вместе, а потом сама. Закрой глаза.

Я не могла. Мы стояли рядом, боком друг к другу, одной рукой он уверенно обнимал меня за талию, другой держал за руку. Я не могла закрыть глаза, не могла расслабиться, все время пыталась подглядывать. Мне казалось, я выгляжу ужасно глупо. А Лана это забавляло.

На площади перед учебным корпусом горели костры, играла музыка. Отмечали первый день начала занятий, посвящение нас в студенты Бер-Сухта. Собрались все, даже преподаватели... всего человек сорок, не больше. Без особых торжеств, для праздника, как в старые времена, не было ни денег, ни сил.

— Мы приемники Тарра! — горячо и пафосно говорил Арек, парень с третьего курса. — Мы последние, кто еще помнит древнюю магию, кто может видеть суть вещей за блестящей оберткой. Последние, кто еще может что-то изменить. В наши дни, когда магия стала

формальным сводом правил, наш долг — хранить в сердцах живой огонь, поддерживать его, не дать угаснуть...

Он говорил и говорил — пространно и, по сути, ни о чем. Я слушала. Мне не нужно было никакого огня. Я хотела лишь нормальной человеческой жизни, удобной и комфортной, хотела домой, хотела, чтобы все было хорошо.

— Нам всем сейчас очень сложно, но у нас нет другого выбора, — говорил мастер Патеру, честно и просто. — Нам придется идти до конца.

Они говорили все, каждый по своему, а потом мы танцевали в кругу костров. И искры кружили...

Было радостно и немного тревожно. Странное ощущение неизбежности накрыло меня. Теперь я тоже часть Бер-Сухта, мне никуда не деться. Решение принято. Моя жизнь поменялась навсегда и по-старому уже не будет. Я не вернусь домой.

Наверно, именно тогда я приняла это... хоть отчасти.

Но стоило закрыть глаза, и я видела Салотто в огне, пылающую гору, падающую с небес. Картинка была такой четкой и ясной, что становилось страшно. Наверно, нужно было кому-то сказать, но я никак не могла признаться даже себе, что это может быть чем-то большим, чем моя фантазия.

Можно было сказать Лану.

— Закрой глаза, расслабься, — говорил он.

Я не могла.

Джара не танцевала, она сидела у костра, гордо, с прямой спиной, на ее лице играла странная улыбка. На ее шее блестел золотой цветок. Она смотрела на меня.

— Шаг правой вперед, шаг левой, теперь снова правой, в прыжке, — говорил Лан.

У меня кружилась голова. Я старалась, но вечно сбивалась с ритма, пугалась в ногах.

Ина танцевала с Регаром, легко и весело, я даже завидовала им.

— Лан, я не могу. У меня ничего не получается.

Он остановился, долго, сосредоточенно смотрел на меня.

— Соле, хочешь, я научу тебя по-другому? Я не доучился магии, но я кое-что умею. Ты просто расслабься, закрой глаза, не думай ни о чем и слушай свое тело, не сопротивляйся. Ты начнешь танцевать. А потом и сама сможешь. Давай?

— Магия? — осторожно спросила я.

— Да, — Лан кивнул. — Не бойся.

Он улыбался, словно это была просто шалость, словно ничего не значило.

— Не надо, — сказала я.

— Почему, Соле? Я всего лишь научу тебя танцевать.

Нет. Я не могла представить, что кто-то будет снова копаться в моей голове, что кто-то сможет взять под контроль мое тело, пусть только направить... Ужас. Так нельзя. Мастера Ил-Танка мне хватило с лихвой, я больше не хочу...

— Соле... — Лан держал меня за руку. — Ну, что ты, как маленькая.

Я поджала губы. Маленькой девочкой мне быть не хотелось. Хотелось быть взрослой, особенно для Лана. Достойной. Очень не хотелось его расстраивать. Я была готова на все, но...

— Я не могу, — сказала тихо. — Потанцуй с Джарой, смотри, она скучает.

Лан удивился, совершенно искренне, словно не мог представить, как кто-то мог ему отказать.

— Да ладно, Соле... Чего ты так боишься?

Я поняла, что сейчас расплачусь.

— Я... я не боюсь...

Слезы щипали глаза.

— Соле... — он взял меня за плечи. — Ну что ты? Ну, не хочешь, не надо.

Я шмыгнула носом, отвернувшись.

— Я посижу, — вышло больше похоже на всхлип.

Отвернувшись. Сначала хотела сесть на скамейку у костра, потом поняла, что не могу сейчас. Было так обидно, что страшно хотелось побыть немного одной. Я пошла прочь, буркнув мимоходом, что мне нужно в туалет, я скоро вернусь.

И только отойдя подальше, так, что никто не мог увидеть, разрыдалась по-настоящему. Ничего не могла с собой поделаться. Старалась только не очень громко, чтобы не сбежались люди, боялась объяснять.

И все же пришлось.

— Соле...

Он тронул меня за плечо. Я вздрогнула, чуть не подскочила, думала это Лан подошел. Нет. Хаген.

— Ты чего? — в его голосе ясно слышалось волнение, и от волнения акцент становился еще заметнее. Хаген-Лягушка...

— Ничего, — сказала я.

— Ты же плачешь...

— Да.

Я принялась вытирать слезы, размазывая по лицу.

— Аты... ну... что-то случилось?

— Все нормально.

Я шмыгнула носом. Вдруг поняла, что его не было с нами, Хаген не танцевал и даже не пил, не сидел у костров. Я видела его в самом начале, когда толкали длинные речи, а потом он незаметно пропал.

— Хаген, а почему ты не танцуешь?

— Не умею, — он пожал плечами.

— Но ты ушел, не сидишь с остальными... — я ляпнула, и стало немного стыдно за свою бестактность. Какое мне дело?

В его лице что-то дрогнуло, едва уловимо.

— Там слишком много огня... Соле... я не могу...

— Огня?

— Да.

Я не могла понять.

— Ты что, огня боишься?

— Боюсь, — просто согласился он.

— Но почему?

Наверно, глупый вопрос, но...

— Соле... — он нахмурился, вздохнул, подбирая слова. — Это все...

Я ждала. Наверно, я такая несчастная, зареванная, что не признаться мне было просто невозможно.

— Соле, ты ведь слышала про вспышки магии, да? — осторожно сказал Хаген. — У

меня было такое с самого детства. Огонь. Огонь вырывался из меня, и... В детстве еще не сильно... хотя однажды я чуть не спалил дом. Мать считала, что это проклятье, что я одержим демонами. Молилась, таскала меня к шаманам. Ничего не помогало. Я очень старался не огорчать ее, старался сам справиться. Старался держать это в себе.

Он замолчал, зажмурился.

Для меня это было дико. К шаманам? Неужели Ригдеп такая далекая и темная провинция, что они не понимают? И главное — неужели патруль Литьяте не дотягивается туда? У нас ведь и чихнуть с помощью магии невозможно было, чтобы тебя к тебе не нагрянула инспекция. Спички не зажечь, не то что дома!

— Я сжег всех, Соле... — сказал Хаген, голос дрогнул. — Всех. Я не хотел... Мы охотились на болотах, и на нас напал болотный змей, он схватил отца... Это вышло само. Я хотел спасти, помочь, хотел сделать хоть что-нибудь, но вместо этого убил всех. Черные головешки... знаешь... даже не поймешь, чем они были... Я думал, сойду сума. И от этого... ну, в общем, еще там... гром и молнии... — Хаген облизал губы. — Меня подобрал патруль. Они сказали, что это магия, что такое бывает, но только уже поздно. Поздно учиться. Если все зашло так далеко, если оно прорывается с такой силой, то я уже никогда не смогу взять магию под контроль. Слишком опасно. Даже отправлять учиться слишком опасно... Не хотели связываться.

Я смотрела на него во все глаза.

Я не верила, это было слишком невероятно.

Но ведь с такими вещами не шутят. Хаген никогда бы не стал... Он не из тех, кто может так врать. Потерять родных... нет, это не шутки.

Патруль...

— Что они хотели с тобой сделать? — тихо спросила я.

Хаген передернул плечами.

— Мне тогда было все равно, я не спрашивал, — сказал он. — Но за меня поручился мастер Патеру, сказал, что сам проследит. Только из уважения к нему...

— Хаген... — я не знала, что и сказать.

По сравнению с этим, все мои неприятности и страхи действительно казались детскими и глупыми.

Он молчал. Он сказал все, что мог, и слов больше не осталось.

— Ты не виноват, Хаген, — тихо сказала я.

— Какая разница.

— Нет, Хаген! Разница есть! Не нужно винить себя. Ты не виноват! Если бы ты родился в Илитрии, в Эторе или даже в Хисире, тебя бы учили с детства. Ты бы мог...

— Нет, Соле, — он нахмурился, не дал мне договорить. — Что толку. Это ничего не изменит.

Огонь. Кругом огонь...

Я тоже всегда винила себя в смерти матери. Знала, что это не моя вина, и все равно...

— Салотто в огне... — тихо-тихо сказала я, само вырвалось.

Хаген вздрогнул, посмотрел на меня так странно.

— Ты знаешь, Соле, — сказал он. — С тех пор я часто вижу один сон. Приморский южный город, большой, очень большой, высокие дома... Река делит его пополам... На левом берегу старый город, крепостные стены, какой-то дворец, крыша блестит на солнце и слепит глаза... вокруг большой парк с тремя прудами. Через реку мост с морскими драконами,

выкрашенными в синий цвет. На правом берегу — высокие новые дома. Около берега они стоят очень плотно, но чем выше, дальше к холмам, тем свободнее. Домики рассыпаны везде, куда не глянь, кажется, до самого горизонта. В гавани огромные корабли...

Он рассказывал, я слушала, и мне становилось страшно. Я знала, что будет. Это Салотто. Он видел мой город во сне.

— А потом с неба упал огонь и сжег все, — сказал Хаген. — Я видел, как людей пожирает пламя, как они кричат, пытаются спастись...

Мне кажется, я перестала дышать. Я смотрела на него и, в который раз, не могла поверить. Ведь это не шутка! Нет?

— Ты ведь не смеешься надо мной?

— Нет, — сказал он.

Если бы Лан рассказал мне это, я бы не поверила. Вот, не поверила бы и все. Но тут...

— Знаешь, Соле, — сказал он еще, — в Литьяте мне сказали, что я могу навлечь на мир большую беду.

У него стало такое каменное, непроницаемое лицо.

А у меня подкосились ноги, я взяла и села прямо на землю, закрыла лицо руками. Нет. Этого не может быть. Это не он. Нет-нет-нет...

* * *

Всю ночь, до утра, мы сидели с Ланом на старом полузатопленном пирсе, забравшись на ящики. Волны то с шипением захлестывали доски, то откатывались назад.

Мы пили вино, Лан откуда-то принес хорошее хисирское, из Най-Кану, страшно дорогое...

Я не удержалась, рассказала ему о Хагене и о своем сне. О Салотто. Лан не удивился.

— Такие сны снятся многим, — сказал он. — Повторяющиеся, страшно реальные сны. Многим, кто имеет отношение к магии.

— И тебе?

— Да, — Лан кивнул. — Мне тоже. Я видел его.

— Салотто в огне? Так будет?

Лан нахмурился. Под темным ночным небом его голубые глаза казались совсем черными.

— Это не пророчество, — сказал он. — Только предупреждение. Можно избежать, можно изменить судьбу.

Было что-то такое в его голосе, глубоко личное... или может просто показалось мне?

— Лан, скажи, а кто видит этот сон? Почему нам всем он снится.

Лан вздохнул.

— Не всем. Только тем, кто имеет к этому хоть какое-то косвенное отношение. Тебе, возможно, потому, что Салотто твой родной город.

— А тебе?

Он пожал плечами. Отвернулся, долго смотрел на волны.

— Никто пока не знает, что с этими предупреждениями делать. Никто не знает когда и из-за чего это может произойти. Каждый видит сны по-своему, со своими подробностями, со своих точек зрения. Вот, Соле, скажи, откуда смотришь ты?

Я задумалась... сложно сказать.

— Не знаю... Мне кажется с горы, с Каталау, со смотровой площадки.

— Даже так? — Лан немного удивился. — Ты понимаешь, откуда смотришь, и всегда с одной точки?

— Да. Что это значит?

— Не знаю. Я вижу с разных точек. То, словно я нахожусь там, бегу от этого огня, то словно откуда-то сверху, с воздуха. Всегда по-разному.

— Хаген тоже видит сверху. Он сказал — словно летишь...

— Я знаю.

— Он рассказывал тебе?

— Рассказывал.

— Знаешь, Лан, мне страшно... — я поежилась, подтянула к себе ноги. — Я думала, это просто кошмары, но теперь... Я боюсь. Я не хочу, чтобы так было.

Он обнял меня за плечи.

— Ничего, все будет хорошо. В Литьяте уже думают, как это предотвратить.

Я вздрогнула. Литьяте...

— Давай, выпей еще, — предложил Лан. — Это поможет успокоиться.

— Это не поможет. Я напьюсь, но завтра все окажется на своих местах, никуда не денется.

Лан усмехнулся, дружески потрепал мои волосы.

— Ты бываешь такой серьезной, Соле, что мне страшно.

— Мне тоже.

Несколько минут мы молча сидели рядом. Шумели волны.

— Слушай, Лан, — тихо сказала я, — ты все знаешь... А Джаре тоже снится такой сон?

Я видела, как он напрягся, мои вопросы ему не нравились.

— Я не знаю, — сказал он. Наверно, вышло чуть более резко, чем этого можно было ожидать.

— Но, послушай, если, как ты говоришь, эти сны снятся тем, кто как-то с этим связан, если это снится мне, тебе, Хагену... Даже если Салотто просто мой дом, то вам-то почему? Как связаны вы?

Он хотел встать, уже дернулся, но остался.

— Это и мой дом тоже, — холодно сказал он. — Я родился на Кито, но это совсем рядом. Я кучу времени провел в Салотто.

Я покачала головой, мне казалось, дело не в этом.

— Соле! — Лан облизал губы, хмуро глядя мне в глаза. — Соле, не спрашивай меня. Я не знаю. Я ничего не могу тебе сказать. Ничего. Ты понимаешь?

* * *

Утром я проснулась с ужасным похмельем, после вина Лан поил меня чем-то еще. Я плохо помнила тот разговор. То есть помнила, но в голове шумело и не хотелось ничего вспоминать, вообще думать об этом не хотелось.

Все как-нибудь образуется. Ведь маги — на то и маги, что бы...

Они придумают.

Все будет хорошо.

Мне вообще пора на занятия идти.

— Когда вы почувствуете, что немеют ноги, а ладони напиваются огнем, — говорила мисс Кеали, — когда вы почувствуете, как вибрирует в потоке магии все тело, то вдохните поглубже и задержите дыхание. Это значит — вы готовы.

Если вовремя не остановиться, у неопытного мага могут начаться судороги.

Мы должны почувствовать и запомнить это ощущение, запомнить свой предел.

Мисс Кеали вела у нас практику. Звания мастера у нее не было, она окончила только Бер-Сухт, а это дает лишь профессию заклинателя, но не мага.

Только вместо заклинаний и волшебства у нас была куча непонятных упражнений и медитаций. Нам говорили — это должно помочь настроиться и развить потенциал. День за днем. Сосредоточиться, почувствовать собственную силу, дотронуться до этой силы. Открыть дверцу внутри себя и позволить потоку силы растекаться по телу, ощутить, до мурашек, до покалывания пальцев.

К моему удивлению, Лан не отлынивал, хотя он-то уж точно прошел через все эти тренировки. Зачем ему подготовка, если он и так умел колдовать. Но Лан занимался вместе с нами. Он говорили — в Литьяте учили по-другому, интересно освоить новый подход.

Хаген же практикой занимался по индивидуальной программе, под особым контролем, с мастером Патеру и под контролем мастера Ил-Танки. Но общими и теоретическими предметами — вместе с нами. Теория тоже давалась Хагену нелегко, он едва-едва умел читать, в древне, где он жил, это было не нужно. Но Хаген был страшно упрямым, сидел с книгами целыми днями, разбирая по слогам. Над ним вечно подшучивали, но он мало обращал внимание.

Шел октябрь, дни становились все холоднее, с деревьев почти облетела листва, мы успели выслушать кучу лекций, но пока не выучили ни одного заклинания. Все готовились.

— Вы должны понимать, откуда взялся такой строго лимитированный подход к магии, как в Литьяте, — говорил мастер Патеру. — Он возник не просто так и не на пустом месте. И уж точно не с целью усложнить кому-то жизнь. Дело в том, что никакое магическое действие не проходит бесследно. Вы должны запомнить и подходить к делу с большой ответственностью. Каждый раз, используя магию, мы что-то изменяем в сущности вещей, мы меняем что-то в нашем мире, меняем баланс. Расходуем энергию земли. Нельзя колдовать что захочется и когда захочется. Первое, чему учили в Тарре — это ответственность. Вы должны очень четко осознавать, что делаете и зачем. Изначально, в Тарре училось не больше десяти человек на курсе, только люди с необычайно высоким потенциалом, избранные. Они учились по восемь лет. А Литьяте делал ставку на массовость и скорость. Массово научить ответственности нельзя, можно лишь установить четкие правила, ограничить возможности. В Литьяте поступают сотни человек в год и нужно контролировать их всех. Это даже не вопрос власти, это вопрос выживания. Без надлежащего контроля магия может разрушить мир.

— То есть, вы все же одобряете действия Литьяте? — громко спросил Лан.

Мастер Патеру нахмурился, очень долго молча смотрел на него.

— Дело не в одобрении, молодой человек, — холодно сказал он. — Я прекрасно понимаю, почему в Литьяте выбрали этот путь. Но это путь в никуда. В Гильдии мое мнение прекрасно известно.

Мне показалось, сейчас он скажет: «можете так и передать». Лан учился в Литьяте, а значит, здесь ему до конца не доверяли. Он чужой, почти враг.

* * *

— Лан! Ты совсем обнаглел!

Джара пихала спящего Лана в бок, он только неразборчиво ворчал в полусне и пытался закрыться одеялом.

Я села на кровати.

— Джар, ты чего?

До начала занятий еще долго, можно поваляться пол часика.

Джара схватила обеими руками одеяло и принялась стаскивать с Лана, он не отдавал.

— Тебе не кажется, Соле, что уже больше недели печку по утрам топит Хаген. А должны — по очереди.

Я задумалась... да, пожалуй, так и было.

Хаген молча подбросил еще пару поленьев в огонь.

Лан подрабатывал в порту грузчиком и разнорабочим, часто приходил очень поздно, сразу заваливался спать. Денег от родителей он не получал, как не получал и стипендии. И в то же время деньги тратил с необыкновенной легкостью.

Джара взяла стакан с водой и выплеснула Лану на голову. Он заворчал сквозь сон, отряхнулся, с трудом сел на кровати.

— Хватит дрыхнуть, — строго сказала Джара. — Твоя очередь печку топить.

Ина тоже проснулась, подошла.

— Да он пьяный совсем! От него перегаром несет. И когда успел? Вчера, вроде, пришел нормальный...

— Он ночью вставал, я слышала, — сказала Джара.

Лан сидел на кровати, слегка покачиваясь, хмуро глядя на нас всех.

— Ты совсем дурак? — поинтересовалась Джара. — Тебе сейчас на занятия.

— Да, — сказал он. — Все нормально.

— Да какого хрена, Лан!

— Джар... какая разница, — он отмахнулся.

— Тебя выпрут отсюда за такие дела!

— Не выпрут.

Лан принялся тереть ладонью лицо. Видно было, что продолжать разговор ему не хочется. Но Джара отчего-то завелась.

— Ты что, думаешь ты такой особенный? Думаешь тебе все можно?

— Можно, — жестко сказал он. — Мне — можно.

Поднялся на ноги и, шатаясь, пошел к двери.

— Ему сон приснился, — сказал Хаген.

Лан остановился на секунду, замер, но так и не обернулся. Потом что-то зло буркнул под нос и вышел, хлопнув дверью.

— Ага, сон ему приснился страшный, — фыркнула Ина. — Он что, маленький что ли? Соле, у вас в Илитрии все такие неженки?

Я покачала головой. Ина не понимала, ей такие сны не снились. Но ведь Лану

приснился не горящий Салотто, он видел такое много раз. Это что-то другое, личное. Личное предупреждение. Что-то страшное.

— Откуда ты знаешь, Хаген, — спросила Джара.

Л вот Джара понимала, в ее голосе слышна тревога.

— Он стонал во сне, говорил что-то... Потом проснулся, долго сидел на кровати...

— Говорил? Что говорил?

— Я не понял, — сказал Хаген.

Мне вдруг стало страшно жалко Лана, я видела, как ему не легко... я знала, что такое видеть страшные сны, я сама просыпалась в холодном поту и с трясущимися руками... Так захотелось поддержать. Поговорить. Я выскочила в коридор следом за ним, и только потом поняла, что босиком и в тоненькой кофте, в которой сплю. А в коридоре такой холод, почти как на улице, но возвращаться и одеваться уже поздно.

Лана я догнала уже почти у выхода.

— Лан! — крикнула я. — Подожди. Лан!

Он резко обернулся.

— Иди ты нахрен, Соле! Не лезь.

Я растерялась.

* * *

Море было тихим, прозрачным. Рыбы плыли у нас под ногами.

Помню, когда, приехав в Бер-Сухт, увидела рыб в море — была так поражена. В гавани Салотто рыбы не было. Совсем. Там море было другим — нежным и ласковым, так бережно охраняемым от штормов и хищников. Солнечные блики скользили по волнам...

Но там, я вдруг поняла это со всей отчетливостью, — море было мертвым. Вся рыба в Салотто — привозная, так было всегда и все привыкли. В море ничего не было. Белый ровный песочек, голубая вода... Не было даже водорослей, днища кораблей в порту не обрастали ракушками, а те, что обросли в дальних морях — очищались в Салотто за пару недель. Море было стерильно, словно теплая домашняя ванна. Прекрасно, безопасно и абсолютно стерильно.

В Бер-Сухте не только рыбы, тут вечно голодные алые кораблики скользили по волнам, словно сухие листочки. Здесь встречались даже белые тени, лишающие памяти. Тени я сама не видела, но говорят...

Здесь, в Бер-Сухте, море было другим, не таким, как дома. Диким. Страшным. И все же живым. Я долго не могла привыкнуть. Сначала пугалась, не решалась даже близко к воде подходить, потом...

Ко всему привыкаешь.

Наверно, я готова смириться со многим, когда Лан рядом.

Мы сидели на каменном валу. Лан держал меня за руку.

— Не обижайся, Соле, прости меня, — говорил он.

Он внезапно, за один день, очень повзрослел, изменился, хоть и уверял, что все хорошо.

Упорно отказывался рассказывать о том, что приснилось.

— Я не обижаюсь.

Он нащупал пальцами мое кольцо, немного покрутил, кольцо сидело свободно.

— Ты когда-нибудь снимала его, Соле?

Я замялась.

— Н-нет... ну, как-то разок немного снимала... но я ничего не делала, я просто так...

Лан усмехнулся.

Потом взял кольцо, легко стащил с моего пальца. Я вскрикнула.

— Лан! Ты что!

— Не бойся, — сказал он. — Никто не придет.

— Зачем?!

У меня колотилось сердце. Я хорошо помнила, как это закончилось в прошлый раз, сколько меня мучили... я не хотела снова. Но хуже всего — я не понимала, чего он хочет.

— Соле, успокойся.

Лан держал мое кольцо на ладони.

— Зачем? Отдай! Лан, ну, пожалуйста... отдай, ну...

На какое-то мгновение мне показалось, что он сейчас бросит кольцо в воду. Он сошел с ума! Он всегда был ненормальный. Я не могла даже шевельнуться.

— Соле, попробуй сейчас, — сказал он. — Давай, как учили. Закрой глаза, сосредоточься, почувствуй сипу внутри себя. Это не сложно. Попробуй.

— Зачем?

Я не понимала, мне хотелось плакать. Почему? Поему сейчас? За что? Мне хотелось схватить, вырвать у него кольцо, но я боялась...

— Соле, успокойся. Все хорошо.

— Нет! Так нельзя! Я не буду!

Он сжал кольцо в ладони, повернулся, глядя мне в глаза. Внимательно. Пристально.

— Попробуй, — сказал тихо, но так настойчиво.

— Нет.

— Соле, почему?

Он еще спрашивает!

Я вдруг не выдержала, психанула.

— Да пошел ты!

Встала на ноги, повернулась к нему спиной и пошла.

Он догнал меня уже через пару шагов. Улыбаясь, широко и довольнo.

— Держи, — сказал он, протянул кольцо.

Я осторожно взяла с его руки, хотела надеть на палец, но...

— Зачем ты это сделал, Лан?

Он заулыбался еще шире.

— Хотел посмотреть. Прости. Ты молодец, Соле.

Молодец? Я не понимала.

Лан смотрел на меня. У него были такие ясные голубые глаза, такие... такие серьезные, такой сосредоточенный взгляд. А губы улыбались. Лан взял меня за плечи, осторожно притянул к себе. Я никогда не видела так близко...

— Лан... — тихо сказала я.

Мне показалось, на его щеке на мгновение проявилась светящаяся полоска, тоненькая, словно волосок, и тут же пропала. Слабое свечение...

— Соле...

Он поцеловал меня. И земля ушла из-под ног. Мне казалось, я проваливаюсь в

бездонную пропасть, все лечу и лечу, такая легкость во всем тепе. Я еще чувствовала, как Лан обнимает меня, чувствовала его ладонь на своем затылке, чувствовала, как он подхватил меня на руки... но реальность расплзлась, терялась... Первый раз... Мне показалось, вокруг нас вспыхнул огонь.

Когда я очнулась, мы все так же сидели на каменном валу. То есть Лан сидел, а я почти лежала у него на коленях. В голове слегка шумело.

Я моргнула, попыталась приподняться.

— Тише, — сказал Лан буднично. — Ты потеряла сознание, чуть не упала. Полежи еще, сейчас все пройдет.

Потеряла сознание?

Мне стало страшно неловко. Как же это вышло? Я никогда не целовалась ни с кем, неужели... я и не думала, что такое бывает.

— Все хорошо, Соле, — сказал Лан. — Не переживай.

Кольцо было на месте.

Лан чистил картошку, деловито и обстоятельно, сегодня была его очередь. Он доставал картошины из мешка, тщательно отмывал от земли в небольшой кастрюльке, потом ловко снимал ножом шкуру — тонко и чисто.

Джара смотрела на это с интересом.

— Никогда не видела, чтобы мужчины так хорошо чистили, — сказала она.

— Он же из Литьяте, — усмехнулась Ина, переворачивая рыбу на сковороде, — снимать шкуру — там мастера!

На секунду Лан замер, я видела, как дрогнул нож в его руке. Но только на секунду.

— Хочешь, я и тебя научу, — предложил он. — В семейной жизни — особенно ценное умение.

Ина фыркнула, оглянулась на Регара, который тоже сидел с нами. Регар засмеялся.

— Меня научи, — сказал он. — А то у Ины такой острый язык, что, может, придется аккуратно подрезать. Шкуру вряд ли, но язык — может быть. Если дойдет до семейной жизни.

Ина хлопнула его прихваткой по голове.

— Договорились, — серьезно сказал Лан.

Я смотрела на Лана и думала, что если б не он, я бы не выдержала тут. Мне так хотелось домой! Чем дальше, тем тяжелее казалось, я бы сбежала, если б могла. Я бы сбежала, если б была уверена, что отец примет меня назад. Пусть это будет стерилизация и пожизненный патронаж, лучше так, чем... У меня не осталось сил.

Магия — не для меня.

У меня ничего не получалось. Я пыталась, искала в себе эту силу и не находила. Никакие медитации не помогали. У Ины получалось легко и органично. «Забудь обо всем, — говорила она. — Магия — это усилие воли. Это твое желание. Просто пожелай, сильно-сильно». Ее дядя так учил, не заклинаниям, а настоящей магии Этора, она выросла с этим знанием. Я пыталась пожелать чего-то, но ничего не выходило, может потому, что я илитрийка, у нас что-то по-другому устроено?

Джара брала усердием. Учила, повторяла день за днем. Все, как положено.

Она сидела за столом, тренируясь зажигать спички с помощью магии. Брала одну из коробок, держа ее перед собой, закрывала глаза, начинала тихо повторять слова заклинания. Иногда у нее получалось и спичка вспыхивала, иногда нет.

— Научи меня лучше зажигать спички, — сказала она.

— Это легко, даже ребенок справиться. Берешь коробок, берешь спичку, чиркаешь. И готово.

— Лан! — возмутилась она. — Я серьезно. Ты же умеешь? Покажи!

Он не ответил и не сделал ни одного движения, но коробок, лежащий на столе тут же взорвался ослепительной вспышкой. Джара подскочила на месте, потом быстро накрыла огонь крышкой от сковородки.

— Ты что?! Совсем с ума сошел?

— Ты же сама просила.

— Но не так же!

— Ты не уточняла.

— Вот ненормальный!

— Хочешь еще?

— А как у тебя получается так быстро? — спросил Регар. — Ты ведь не читал заклинание, на это нужно время.

— Хороший маг должен держать взведенными несколько простых заклинаний, на всякий случай. Они уже готовы, нужно только спустить курок. Не знаю, учат ли этому в Бер-Сухте, но в Литьяте учат.

— А нам покажешь?

Лан пожал плечами.

— Нужно посоветоваться с мастером Патеру, — сказал он. — Не знаю, позволяет ли это лицензия.

— Но ведь тебе позволяет?

— Мне — да.

Он дочистил картошину, бросил в воду.

— Как думаете, хватит? — спросил нас. — Или почистить еще парочку?

— Давай, чисть еще, — сказала Ина. — Соле, налить тебе еще чаю?

Я кивнула, шмыгнула носом. Снова простудилась. У меня страшно болело горло, из носа текло и все время хотелось спать. На кухне я сидела потому, что тут было теплее, хотя с большим удовольствием завалилась бы в кровать.

Ина заварила мне чай с малиной и медом. Малину, кстати, притащил Хаген, специально для меня, а вот мед был общий.

От горячего становилось немного легче, но лишь немного. Зато разморило, все казалось словно в тумане или во сне.

Я и не заметила, когда Джара удобно устроилась у Лана на коленях. Она сидела, перебирала пальцами его светлые волосы, и Лан был совсем не против. Он даже что-то тихонько шептал ей на ухо, Джара смеялась.

Потом они вместе ушли.

— А куда они? — не поняла я.

— Ты что, не видишь? — Ина смотрела на меня с сочувствием и легкой усмешкой. — Они давно спят вместе.

— Что? — мне показалось, что это только послышалось.

— Соле, не будь душой. То, что Лан крутится вокруг тебя — ни о чем не говорит. Он просто кобель. Вот Джара это прекрасно видит и ей плевать, она просто развлекается.

— Что? — глупо повторила я.

Я понимала, что она права, я видела... да, я видела, но не могла признаться даже сама себе, не могла поверить...

Ину моя растерянность забавляла.

— Они трахаются, Соле. Пока ты строишь из себя целомудренную добродетель, Джара раздвигает ноги. А парням только это и надо. Ты что, не знала?

Регар по-хозяйски обнял ее за попу.

— Когда следующий поезд до Салотто?

— Завтра, в восемь утра.

— Хорошо, давайте.

Я убежала посреди ночи. Даже вещей не собрала, не хватило сил. Единственное, что я смогла — тихонько вытащить из чемодана свои деньги. На билет хватало, но в обрез, больше уже ни на что. Через несколько дней отец должен был прислать еще, но ждать я уже не могла. Общий вагон, почти неделю... ничего, как-нибудь доберусь.

Я даже думать не хотела, что будет потом, и как меня встретят дома.

Хватит с меня.

Не могу.

На вокзале пусто... Я с опозданием поняла, что сидеть мне здесь больше суток. Сейчас почти час, а поезд в восемь, но не сегодня, а завтра. Из Бер-Сухта до Салотто поезда ходят не каждый день. На билете завтрашнее число.

Я посижу. Ничего, посижу как-нибудь. Главное — чтобы не пришли меня искать. Даже не представляю, как буду объяснять, почему сбежала. Объяснений хотелось меньше всего. Сейчас ночь, все спят, но завтра надо будет спрятаться. Главное — чтобы не пришли. Особенно Лан. Лучше помереть прямо на месте...

Вокзал тут маленький, больше похожий на сарай. Я села на пустую лавку в глубине зала. Слегка знобило, то ли от простуды, то ли от нервов. И клонило в сон.

— Соле!

Он окликнул меня, я едва не подскочила на месте, даже сразу не поняла кто это и откуда.

— Хаген?

Я была готова увидеть кого угодно, но не его.

Он подошел, остановился напротив меня. Неловко улыбнулся.

— Я так и понял, что ты здесь, — сказал он. — Не убегай, Соле.

— Почему? — я растерялась, не так себе это представляла.

Он нахмурился, помялся немного, сел рядом.

— Не надо, Соле... Здесь не просто, конечно, но... неужели там будет лучше?

— Я хочу домой. Мне надоело все это.

— Но ведь ты же хотела? Ты же приехала сюда.

— Меня отправил отец. Я не хотела.

— Ты хотела выбрать стерилизацию? Ты хотела, чтобы из тебя выкачивали всю силу, чтобы контролировали каждый шаг?

— Если я получу лицензию, меня тоже будут контролировать.

Хаген покачал головой.

— Это другое.

— Откуда ты знаешь?!

Он вздохнул, долго молча смотрел перед собой.

— Не знаю, — сказал тихо. — У меня такого выбора не было. Либо Бер-Сухт, либо смерть.

— У меня тоже не было. Меня просто посадили на поезд.

— Ты думаешь, отец примет тебя назад?

Я поняла, что сейчас заплачу.

— Хаген! Какое тебе дело? Что тебе от меня надо?

Он повернулся ко мне, потом поднялся со скамейки, постоял и присел на корточки рядом, взял меня за плечи.

— Соле... — он старательно подбирал слова. — Мастер Патеру говорит: магия это жизнь. Если ты лишишься своей силы, ты лишишься части себя. Это медленная смерть. Они вытянут из тебя все. Так нельзя, Соле. Не делай этого, пожалуйста.

— Но моя мама... — я начала и прикусила губу.

Моя мама умерла. Да, она умерла от оспы, но... Я плохо помнила ее.

«Вы знаете, от чего она умерла?» Зеленые глаза мастера Ил-Танки смотрят на меня. Мне вдруг показалось, что он знал больше...

— Останься, Соле, — попросил Хаген.

Тревога на его лице. Ему было не все равно, он за меня переживал.

— Нет, — сказала я твердо.

Я приняла решение и остаться не могу.

Ну, как я вернусь? Как я объясню, почему сбежала? Как я буду смотреть Джаре и Лану в глаза. Просто не могу представить, как я вернусь и все это продолжится... Нет!

Хаген долго молчал.

— Хочешь, я принесу твои вещи, — наконец спросил он.

Я покачала головой.

Если забрать вещи, они пойдут меня искать, будут спрашивать. Нет, я не хочу.

— Иди обратно, Хаген. Уходи.

— Я посижу с тобой, — серьезно сказал он. — Мало ли что.

— Что?

— Мало ли... Ты одна тут, посреди ночи.

Я тут, а Лан с Джарой, наверно. Им там хорошо... Как я могла ничего не замечать? Все понимали, кроме меня. Смеялись, наверно. И Хаген тоже все знал, он ведь даже не спрашивает, что случилось. Он все знает. Одна я...

Чувствовала себя полной дурой.

— Холодно? — спросил Хаген.

— Угу.

У меня уже зубы стучать начали.

— Слушай, Соле, «Морской дракон», в которого вы ходите, открыт до утра. Пойдем? Хотя бы погреемся.

* * *

— Не бойся. Просто слушай музыку, — сказал Хаген.

— Ты же говорил, что не умеешь?

— А я и не умею, — он улыбался. — Здесь никто не умеет. Ты посмотри, все просто прыгают как попало. Главное — попадать в ритм и не наступать соседям на ноги. Хочешь, я возьму тебе чего-нибудь выпить?

Я в «Морском драконе» не в первый раз, а вот Хаген никогда не ходил с нами,

сомневаюсь, что он был здесь один. Но, тем не менее, чувствовал он себя вполне уверенно. И с ним было спокойно. Удивительно, но намного спокойнее, чем с Ланом. Может быть с Ланом я как-то подсознательно чувствовала подвох?

Танцевать Хаген действительно не умел, даже у меня выходило лучше. Но он старался. И даже больше старался не наступать мне на ноги, чем танцевать.

Он принес мне водки, я выпила, и как-то сразу похорошело и стало плевать. Мы прыгали как сумасшедшие, веселились. В бездну все! Если спросят — скажу, что ходила с Хагеном на танцы. Имею я право, в конце концов!

От тепла, от выпитого и пережитых волнений быстро начали заплетаться ноги, да и простуда добавила свое. Я еще как-то пыталась держаться, не танцевать, конечно, но хотя бы сидеть. Но к концу ночи сипы мои закончились, я начала клевать носом, и даже чуть-чуть заваливаться Хагену на плечо. Еще немного и...

В какой-то момент поняла, что Хаген поднимает меня и куда-то несет.

— Что? Ты куда? Не надо... — попыталась было я.

— Все нормально, Соле. Спи.

— У меня поезд...

— У тебя поезд завтра, не волнуйся.

Он говорил так спокойно и уверенно, что я решила не протестовать.

* * *

Проснулась в своей кровати, в Бер-Сухте.

За окном уже светло.

Я затаилась, прислушалась, с моего второго этажа кровати комнату видно не очень хорошо. Внизу кто-то был. Я слышала, что топят печку — скрипнула дверца, поленья трещали, слышала, как шебуршали в углях кочергой.

Выглянула осторожно.

Перед печкой сидел Хаген. Больше никого.

— Хаген! — позвала я.

Он обернулся, улыбнулся мне.

— Проснулась? Как себя чувствуешь?

Я была готова убить его на месте.

— Это ты притащил меня сюда? Зачем? Ты что... и что теперь делать?

— Твой поезд завтра утром, так что не волнуйся, — спокойно сказал он.

Да как же не волноваться?

— Какого хрена?!

— Поспишь в тепле, — сказал он. — А то совсем разболеешься.

Поднялся на ноги, подошел ко мне. Он такой здоровенный, мог легко заглянуть на второй ярус, даже через бортик. У него были темные-темные, почти черные глаза. Сожаления в этих глазах не было.

— Я не собиралась возвращаться! — сказала я. — Как же уехать теперь?

— Точно так же, — сказал он. — Соберешь вещи и поедешь.

— Я не хочу никому ничего объяснять!

Вдруг подумала — ведь пока ничего нет, можно сбежать снова. Даже вещи собрать.

Главное успеть.

— Сколько время? Все на занятиях?

— Около двенадцати.

— А ты почему тут?

— Решил посидеть с тобой. На всякий случай.

— Так...

Я глубоко вздохнула, потрясла головой, пытаюсь собраться с мыслями. Быстро полезла вниз с кровати, чуть не навернулась со ступенек, но Хаген успел поймать меня. Я буркнула что-то вроде «спасибо», достала чемодан, принялась запихивать туда вещи.

Хаген стоял, смотрел.

— Останься, Соле, — сказал он. — Подожди, не торопись. Подумай еще немного.

— Нет. Я уже купила билет

— Его можно сдать.

— Хаген! — я вдруг поняла. — Это у тебя был такой коварный план? Напоить меня, а потом притащить сюда? Чтобы я быстрее согласилась? Ведь так?

— Так.

— А я тебе доверяла!

— Зря, — хмуро сказал он. — Доверяй только своему сердцу.

Мое сердце упорно говорило, что ему можно доверять. Что Лану нельзя, а ему можно. Но этого я, конечно, решила не говорить.

Он стоял передо мной, очень сосредоточенный, плотно сжав губы, словно внутри у него шла нешуточная борьба. Уставший...

— Слушай, — сказала я. — А ты что, нес меня от самого «Дракона»? И по лестнице?

— Да, — сказал он.

Это ведь только по городу полчаса ходьбы быстрым шагом, а по лестнице наверх вообще... помереть можно.

— Зачем?

Хаген не ответил, только тихо неопределенно фыркнул, пожал плечами. Что тут скажешь. Он хотел, чтобы я осталась. Неужели, это действительно так важно?

— Хаген, я не могу...

Он сделал шаг ко мне, и вдруг замер... словно увидев что-то за моей спиной.

— Можешь.

Это не он сказал. Это другой. Я даже не успела заметить, как он вошел, была слишком занята собой. Испугалась.

Кожаный Человек. Он стоял в дверях, смотрел на меня своими круглыми немигающими зелеными глазами.

Ну все, я пропала... теперь мне точно не удастся сбежать.

Я попятилась. Ближе к Хагену... он сделал шаг вперед и в сторону, частично закрывая меня собой. Но разве от мага-псионика можно так защитить? И все же, я была Хагену благодарна. Больше всего хотелось провалиться куда-нибудь сквозь землю.

— Выбор всегда за тобой, — холодно сказал мастер Ил-Танка. — Но ты должна понимать, что за пределами Бер-Сухта тебя никто защитить не сможет.

— От чего? — Хаген успел первым.

Ил-Танка теперь смотрел на него и говорил с ним.

— У Литьяте на нее свои планы.

— А у Бер-Сухта на нее планов нет? — в голосе Хагена был вызов.

Я видела, он не боялся Кожаного Человека. А если и боялся, то... Хаген был готов сражаться за меня.

Мастер Ил-Танка рассмеялся.

— Ты задаешь хорошие вопросы. Есть, конечно. Да, у Бер-Сухта тоже есть планы на Соле. Разница в том, что Литьяте видит в ней угрозу, а мы — союзника.

— Какие планы? — осторожно спросила я.

— Сначала я думал, что дела в твоих снах, Соле, — сказал мастер. — Салотто, огонь падающий с небес. Это может случиться скоро, и ты можешь сыграть в этом ключевую роль. Пока сложно сказать какую. Но дело даже не в этом. В Литьяте полно магов, которые способны защитить город от любой огненной горы. С тобой или без тебя. Я бы сказал даже, что огонь над Салотто выгоден им, это сразу развяжет руки. Но они видят угрозу в чем-то другом и хотят себя обезопасить. Ты опасна для них, и огонь тут ни причем.

— Что значит опасна? Как это может быть? — спросил Хаген.

— Я ведь никогда не сделаю ничего такого... — пискнула я.

— К сожалению, у меня пока нет всех ответов, — сказал мастер. — Но я бы не советовал Соле покидать город.

Я... это какой-то бред, так не может быть. Причем тут я? Уронить горящую гору на Салотто... Сделать что-то похуже? Это невозможно, просто никак! Я люблю свой город, и я... да я спичку не могу магией зажечь, какая может быть угроза?! Бред!

— Вы сказали, огонь над Салотто выгоден им? — переспросил Хаген.

Мастер Ил-Танка чуть усмехнулся, кивнул.

— Город они защитят, если захотят, конечно. Это не проблема. И обвинят во всем Этор. Даже войны не будет, тут не осталось магов, способных реально противостоять. Просто повод, чтоб прижать окончательно, ввести свои правила. Земля Илитрии истощена, море — мертво, а здесь еще хватает ресурсов. Гораздо проще брать не спрашивая и не советуясь.

От всего этого даже голова начала кружиться, пришлось схватиться за Хагена. Я ничего не понимала. Не хотела верить, что это может быть правдой. Это было уже слишком.

— А причем тут я?

Мастер пожал плечами.

— Сложно сказать. Есть точка пересечения множества лучей, и ты в этой точке. Или где-то поблизости. Ты можешь оказать влияние, возможно, не решающее, но значимое.

— А Лан? — не удержалась я.

— И Лан тоже. Но он стоит дальше.

И Хаген.

Это все неправда. Мне казалось, я сейчас проснусь, и все станет на свои места.

— Твой отец тоже знал это, Соле, — сказал мастер. — Он был уверен, что отправить тебя в Бер-Сухт — лучше, чем в Литьяте.

Что-то задело меня в этих словах... он был уверен...

* * *

К вечеру у меня поднялась температура.

Меня знобило, я то засыпала, то просыпалась снова. Хаген поил меня отвалом зверобоя

с календулой, сидел рядом.

Сквозь сон я слышала разговоры, иногда мне казалось, что говорят обо мне.

— Так она избранная? — смеялась Джара. — Прямо по-настоящему?

— Нет никакой радости быть избранным, — серьезно говорил Лан. — Избранные — либо герои, либо жертвы, что по сути, одно и то же. Много ли ты видела живых героев?

Джара вообще героев не видела и не верила, что они бывают. Это все глупости и народный фольклор, или грамотная политика, как вариант. Не бывает настоящих героев. Разве по глупости кто...

Ина говорила, что в герои я точно не гожусь. Если и сделаю что-то значимое, то только по недоразумению.

Я была согласна. Да, по недоразумению я могу.

Объяснять ничего не пришлось, все и так все узнали. Это было хорошо и страшно одновременно. Мне было стыдно за себя, неловко. И в то же время хорошо, что не нужно ничего делать самой. Хаген рядом...

Хаген аккуратно поправлял сбившееся одеяло.

* * *

— Вот, — Лан достал из кармана и положил на стол деньги.

— Что это?

— Я сдал твой билет, — сказал он. — Если захочешь уехать, то сможешь купить новый.

— Спасибо, — сказала я.

Он так странно на меня посмотрел.

— Только Ил-Танка не позволит тебе уехать, Соле.

Я уже поняла. Я хотела знать только одно — хочет ли Лан, чтобы я уехала. Я бы все отдала, чтобы тогда Лан, а не Хаген побежал а мной, чтобы вернул, чтобы уверял, что я нужна ему.

Лан смотрел мне в глаза. Все что угодно я видела, в его глазах, только не любовь.

— Я тоже не позволю, — глухо сказал он.

— Почему? — осторожно спросила я.

Он отчетливо скрипнул зубами. Словно я — его личное проклятие.

— Ты нужна мне, Соле.

— Вставайте! Эй, давайте! Там ваши парни что-то задумали.

Раннее утро, я еще толком не проснулась спать, и сквозь сон не очень понимала кто это и чего хочет.

Оказалось — Алара, девочка со второго курса.

— Там парни, которые в вашей комнате живут, взяли на кухне самые большие ножи и ушли. У одного нос разбит, он там всю кухню кровью закапал. И что-то мне это не нравится.

Она явно была взволнована.

Мне тоже не понравилось.

— А нос у кого разбит? — спросила Джара. Она уже одевалась.

— У Лана. Это который блондин, из Литьяте. Я сначала не обратила внимание, они так деловито выбирали, смотрели, этот Лан даже смеялся. Но кровь...

Алара нервно стискивала руки.

Смеющийся Лан с большим ножом и разбитым носом...

— Куда они пошли? — спросила Джара, натягивая сапоги. Настроена она была очень решительно.

Я поняла, что нужно тоже собираться. Вылезла из кровати, взяла куртку.

— Не знаю... куда-то вниз, — сказала Апара. — Они не стали со мной разговаривать.

— Ина, зови парней, — велела Джара. — Соль, ты со мной!

Она неслась по обледенелой лестнице, прыгая через три ступеньки, я совсем не поспевала за ней. Обычно, я ходила здесь осторожно-осторожно, по стеночке, хватаясь за все подряд, а еще лучше, когда кто-то поддерживал под руку. Теперь приходилось бежать. Я честно старалась. Но не могла. До слез. Кое-где на ступеньках виднелись капли крови. Джара уже давно скрылась где-то внизу, я торопилась... дрожа и поскальзываясь. Даже грохнулась и проехала на попе полпропета. Но, к счастью, меня догнала Ина. Кер, брат Регара, подхватил меня, поставил на ноги. Вместе было проще.

От лестницы в сторону вели три цепочки следов, две — больших мужских, и одна — от изящных сапожек Джары. Найти их было не сложно. За поворотом.

Джара стояла рядом с Ланом, что-то напряженно доказывая ему, Хаген чуть в стороне. Куртку он снял, бросил на камни рядом, в руке блестел большой нож для разделки рыбы. Никогда не видела Хаген таким, даже не представляла.

У меня ноги подкашивались.

— Что происходит?! — закричала я.

Хаген повернулся ко мне, он был страшно спокоен внешне, только в глазах яростно горел огонь.

— Все нормально, Соле, — сказал он. — Это просто игра, не волнуйся.

— Небольшой дружеский поединок, — громко сказал Лан. — Почти, как до первой крови. Кто скажет, что хватит, тот и проиграл.

Он широко улыбался, но в глазах был лед. Жесткие такие глаза. Жестокие. Никакой пощады ему не надо. Нос заметно распух, но кровь уже не капала.

Я смотрела на них и понимала — никто не сдастся, никто не попросит пощады, даже истекая кровью. Это не игра, это насмерть.

— Если убьешь его, я тебе не только нос, я тебе шею сверну, — сказала Джара.

Я понимала, она не шутит. Она может.

Мне стало так страшно...

— Да вы что! — почти всхлипнула я. — Так же нельзя! Лан, прекрати!

— Это не он, это была моя идея, — сказал Хаген, так неловко, словно извиняясь. —

Моя. Поняла? Либо так, либо я просто сброшу его с лестницы.

— Да вы что... почему?

— У него есть основания, — ухмыльнулся Лан. — Все честно. Это наше личное депо.

Регар шагнул вперед.

— Прекратите, — сказал он. — Не заставляйте вас растаскивать.

— Нет, — Лан покачал головой. — Либо мы решим все сейчас, либо потом, но более грязным способом. Рано или поздно. Не лезьте.

Я представила, как однажды, у подножья скалы найдут труп, припорошенный снегом. Представила, как буду бояться этого, смотреть...

— Если Патеру узнает, вас отчислят, — сказала Ина.

— Не отчислят. Все скажут, что мы подрались в городе, с местными. Такие драки случаются, и ничего.

— Тебе легко говорить, Лан, тебя в худшем случае просто выставят за дверь. А Хаген...

— Да плевать я хотел! — рявкнул Хаген. Никогда не видела его таким. — Давайте уже! Лан!

Лан кивнул, шепнул что-то Джаре на ухо, снял куртку, бросил на землю рядом.

— Начнем.

У него был настоящий армейский офицерский клинок, я видела такие у моряков в Салотто, у тех, что приходили к нам в дом. Кинжал, длиной почти в локоть, легкий, с хорошим балансом, удобно лежащий в руке. И Лан явно умел с ним обращаться. Даже взял, крутанул в руке, как заправский фехтовальщик, усмехнулся, словно это и правда только игра.

У Хагена, с его ножом, не было шансов.

До первой крови — пыталась убедить сама себя, ничего страшного не случится... пара царапин...

Хаген смотрел решительно и хмуро, очень серьезно... пара царапин его не устроит, он ведь уже разбил Лану нос. А теперь готов убить. На самом деле.

Меня трясло, от страха сводило живот, прямо до тошноты. Одновременно хотелось убежать и не видеть этого, и... не смотреть я не могла. Не могла оторваться.

Они стояли друг напротив друга. Хаген — огромный, словно медведь, чуть-чуть неуклюжий, насупленный. Лан — быстрый поджарый гепард... чушь все это. Двое мужчин, готовые сцепиться.

Кто...

— Ставлю на Лана, — усмехнулся Кер за моей спиной.

— Заткнись! — шикнула на него Джара, с неожиданной ненавистью.

Я понимала ее. И не могла пожелать победы ни одному. Нет... Если один победит, для другого это может кончиться плохо. Плохо для обоих. Мне было страшно. Я не понимала причины, и тем более не могла понять, как зачинщиком мог оказаться Хаген, от него сложно такое ожидать. Он всегда очень спокоен, уравновешен, а тут... Невозможно. Должно было случиться что-то невероятное.

Хаген не умел драться и понимал это.

Кухонный нож стиснут в кулаке, плечи и шея напряжены... Хаген пытался немного

обойти Лана сбоку... Лан легко и расслабленно переминался с ноги на ногу, едва заметно поворачиваясь. Кружили. Молча, ни единого слова. Бесконечно тянулось время.

Первым ударил Хаген. Он бросился вперед всем корпусом, широким мощным замахом. Едва не потерял равновесие, когда Лан уклонился — чуть в сторону и назад, почти неуловимо, но он оказался в недосягаемости, в двух шагах. Хаген ударил снова, пытался достать его. Лан не отвечал, даже не защищался, просто легко уходил в сторону.

Хаген терял терпение. Раз за разом его удары уходил в пустоту. Удар, целая серия, один за одним... но Лан вертелся угтем, он словно знал заранее... а, может, и знал. Лан, как маг, умел гораздо больше, чем кто-то из нас. Мне даже сложно представить, что он умел на самом деле. Это не честно. Лан старше и опытнее. И в магии опытнее, и уж в фехтовании — наверняка, учитывая его семью. Не честно. Но и Хаген не мог не понимать, во что ввязывался.

Зачем?

Выпад. Р-раз! Когда Хаген едва не растянулся, потеряв равновесие, за моей спиной заржал Кер. Брат толкнул его в бок, чтобы заткнулся.

У Хагена не было шансов.

Сколько это будет продолжаться? Почему Лан ничего не делает? Он ждет, когда Хагену надоест? Кошки-мышки.

Круг за кругом. Грязный, утоптаный снег под ногами.

Я уже не могла на это смотреть.

И боялась развязки.

Все случилось быстро и как-то... скомкано.

Очередной удар. И Лан, вместо того, чтобы уйти, хватает Хагена за руку, пригибается, перебрасывая через себя. И тут же, спустя мгновение, уже прижимает его коленом к земле. Нож к горлу.

— Сдаешься?

Напряженно, словно последний шанс.

— Нет.

Одним резким движением Лан прочертил у Хагена на груди широкую полосу. И тут же отскочил. У меня заложило уши — звон, словно лопались натянутые струны.

Хаген поднялся на ноги. Я видела его лицо — застывшее, злое. А Лан стоял ко мне спиной.

— Ну! — крикнул Лан. — До первой крови? Хватит?

Хаген зарычал, словно зверь, оскалился. И снова кинулся в бой.

В этот раз Лан не сделал ни единого движения, чтобы увернуться. Просто стоял. Хаген налетел на него, словно на скалу. Я видела руки Лана, видела, как он с размаху всадил кинжал Хагену в бок, рванул в сторону. Видела, как хлынула кровь. Алое на белом.

И звон...

Первая закричала Джара. Страшно, словно этот кинжал вошел в нее. Потом Ина. Я не могла. У меня ком встал поперек горла, я не то что кричать не могла, но даже вздохнуть.

Хаген упал молча.

Навзничь, широко раскинув руки.

Все кинулись к нему. Только Лан попятился, отошел в сторону. Вытер о штаны окровавленный кинжал.

— Ничего, он выживет, — сказал громко, голос дрогнул, но лишь слегка. — Выживет.

Тащите его наверх.

Я не могла даже шевельнуться. Так и стояла, прижимая руки к груди. Джара уже перевязывала Хагену рану его же сорочкой, порванной на куски, Ина помогала ей. Братья обсуждали, как лучше нести по лестнице, Хаген здоровенный, тяжелый.

Лан стоял чуть в стороне.

Прямо стоял. Неподвижно. Только прижимая к себе левую руку, локтем к боку. Я сразу не заметила и не поняла толком, но на сгибе локтя виднелась рукоять ножа. Так, словно все лезвие ушло под ребра... Я не видела крови, но на темно-синей рубашке сразу не разглядеть...

— Лан... — тихо начала я.

Он покачал головой.

— Соле, вы идите... я догоню...

Облизал губы.

Нет, такого не может быть...

* * *

Хаген лежал в своей кровати, никакой отдельной комнаты для больных тут не было. Мастер Сольве, маг-целитель, сидел рядом.

— Ему повезло, — говорил мастер, — что он прошел присягу в Литьяте. Это спасло его.

Серебряные нити, пронизывающие кожу, дают защиту. Не только от магии. Нити сохраняют и поддерживают тело, заживляют раны. Если б не это — Хаген был бы мертв.

Я видела такое впервые. Стояла рядом, смотрела, как рана затягивалась на глазах, почти невероятно. Сначала нити соединялись сами, такие тоненькие серебряные волоски, слово живые, сцеплялись, срастались... потом стягивалась кожа вокруг них. Три явных спайки, потом дальше. Так странно, словно не по-настоящему. Мастер сказал, что заживление идет и внутри. Процесс не быстрый, главное, чтобы у парня хватило сил, чтобы справился. Все же, Хаген потерял много крови. Пока он был без сознания, бледный и холодный, но все же...

А ведь Лан знал, что Хагена так просто не убить.

Я не понимала пока, как мне к Лану относиться. Ненавидеть за то, что Хагена чуть не убил? Жалеть? Был ли выбор?

Что же случилось у них?

Лан пришел минут через сорок. Он успел отдышаться после подъема, но волосы все еще были мокрые, слипшиеся от пота. Зашел на кухню, положил на место нож. Почти упал на свою кровать, сел, прислонившись спиной к стене, закрыл глаза.

Мастер Сольве уже собирался уходить.

— Мистер Латаре, — сказал он Лану. — Думаю, вам стоит зайти к мастеру Патеру и все объяснить.

А ведь за все время он даже не спросил, что случилось. Никто не рассказал ему нашу версию.

— Хорошо, — кивнул Лан. — Сейчас зайду.

— Вам тоже нужна помощь?

— Нет, — Лан покачал головой. — Мне не нужна. Все нормально.

— Как хотите.

К вечеру Хаген открыл глаза. Попросил воды.

Ина сварила ему куриный бульон.

— Что у вас случилось? — пыталась спрашивать я.

Он молчал. Смотрел на меня и молчал. Мне почему-то казалось... мне казалось, я знаю...

Лан вернулся ночью. Я лежала в кровати и все вертелась, не могла уснуть, слышала, как Лан прошел по коридору на кухню, как звякнул чайником, наливая воды. Все ждала, когда он придет спать, но он не шел.

А может, это не он?

Осторожно спустилась, завернулась в одеяло, выглянула.

Лан сидел на кухне, на табуретке, привалившись к стене, закрыв глаза.

— Лан, — позвала я.

Он открыл глаза, сел прямо. Какой-то осунувшийся, страшно уставший, нос еще немного распухший, красный с одного боку.

— Соле... ты чего не спишь?

— Я слышала, как ты пришел. Все нормально?

— Да, — сказал он.

— А мастер Патеру...

Лан отмахнулся — все нормально, нечего беспокоиться.

И все же я сомневалась.

— Лан... послушай... ты тоже ранен?

Он нахмурился, какое-то время молчал, обдумывая. Потом кивнул.

— Да, немного. Ничего страшного. — И тут же, упреждая мою попытку броситься и полечить. — Все уже перевязали и посмотрели, не волнуйся. На мне все заживает, как на собаке.

Я закусила губу. Как на Хагене — подумала отчего-то.

Лан — маг Лильяте... почти маг.

— Да, Соле, — Лан вымученно улыбнулся, — я ведь настоящий боевой маг.

Недоучка, тоже мне... Я вздохнула. Поплотнее завернулась в одеяло, подошла ближе, кричать через всю кухню не хотелось.

— А ведь ты знал, что Хагена... ну, что его невозможно убить?

Лан хмыкнул.

— Почему невозможно? Возможно. Если в сердце и или в голову, или артерию перерезать. Главное — быстро, тогда нити не успеют среагировать. У него вообще защита самая базовая.

— Откуда ты знаешь?

Глупый вопрос.

— Знаю, — он пожал плечами.

Я стояла... очень хотелось спросить о главном, но я не решалась. И так уже спрашивала, но никто не хотел мне отвечать. Может и правда, это не мое депо?

Уйти?

Тихо шмыгнула носом.

— Соле, — Лан снова улыбнулся, но на этот раз очень так легко и искренне. — Какая ж ты...

Встал, подошел, взял меня за плечи.

— Какая? — я слегка обиделась.

— Смешная, — сказал он. Его глаза улыбались тоже. Притянул меня к себе, обнял, чуть потрепал по волосам на затылке.

— И совсем не смешная, — фыркнула я.

Он тихо рассмеялся.

— Ты очень хорошая, Соле. Такая милая маленькая девочка.

Маленькая девочка! Джара, вот, не маленькая девочка, она женщина! С ней все иначе! На нее он смотрит совсем не так. А я... Я дернулась было из его рук, попыталась освободиться, но держал он крепко.

— Отпусти!

— Подожди, Соле. Не обижайся, ну, что ты... Соле! Мне нужно тебе многое сказать...

— Не надо, — попросила я. Обида и злость одновременно, я не знала, что делать. — Лан, не надо... мне все время кажется, что ты играешь со мной. Что используешь...

Я закусила губу.

Глаза у него такие голубые-голубые, ясные, я просто терялась в этих глазах. Таяла. Понимала, что как бы не обижалась, все равно не могу ничего сделать.

Лан вдохнул — глубоко, словно собираясь нырнуть, задержал дыхание. Долго смотрел на меня.

— Я люблю тебя, Соле! — сказал он вдруг, голос слегка дрогнул.

— Что?

Мне показалось, это только послышалось.

— Я тебя очень люблю. Соле... Это все не просто... Ты знаешь, почему Хаген разбил мне нос? Он хотел, чтобы я больше не подходил к тебе. Он считает, что с моей стороны это несерьезно, что я... — Лан тяжело вздохнул. — Соле, думаю, он просто ревнует. В любом случае, выбор за тобой. Ты сама должна принять решение. Никакой дракой это не решить. Только ты сама.

— Я? Сама? — У меня кружилась голова, я не понимала. Я должна выбрать? Что?

— Соле... — Лан опустил на колени, все еще держа меня за руку. — Соле, послушай, я люблю тебя и хочу, чтобы мы были вместе. Я не так уж много могу тебе предложить, я порвал с семьей, у меня ничего нет. Но ведь мы станем заклинателями, получим лицензию, а это хорошая работа. Ты не пожалеешь, Соле.

Мне все казалось, я чего-то не понимаю.

Лан смотрел мне в глаза...

— Соле, милая, ты станешь моей женой?

Самое странное — Джара смотрела на меня с сочувствием.

Я думала, она будет злиться, так же, как злилась в самом начале, когда Лан подарил мне серебряный цветок. Но нет. Джаре было все равно. Более того, она как-то тихо и незаметно начала меня опекать — помогать по мелочам, и в быту и в учебе.

Сначала я боялась — как все будет, что я скажу, как объясню... но, оказалось, говорить ничего не нужно. Лан совершенно четко и прямо давал всем понять, что я теперь его девушка. Он брал меня за руку, обнимал при всех, нежно целовал в щечку. Он каждый раз помогал мне подниматься и спускаться по лестнице, всегда старался быть рядом. Мне очень льстило его внимание...

Он никак не пытался оправдаться или объяснить то, что было между ним Джарой раньше. Мы не говорили об этом. Я старалась не думать. Что было — то было, уже не имеет значение. Важно только настоящее.

Счастлива ли я была? Сложно сказать. Наверно... Но я не чувствовала твердой почвы под ногами. Не было уверенности. Мне казалось, я иду по воде, какое-то волшебство держит меня, но один неверный шаг и...

Боялась ошибиться снова.

Пока мы ни разу не оставались наедине. То есть, мы были вдвоем, гуляли по городу и в окрестностях, иногда вокруг не было совсем никого. Но... хм... настоящей близости у нас не было. Пожалуй, и хорошо, я пока была не очень готова. Я хотела этого, но при мысли, что все может случиться вот-вот, у меня подкашивались ноги. Нет, — говорила я себе, — у нас ведь серьезные отношения, нам некуда торопиться.

Я знала, что у Ины с Регаром тоже все серьезно. Еще видела, что вечерами они часто уходят куда-то наверх. Краем уха слышала, что там есть специальная комната, где тепло, есть печка, дрова, конечно, все покупают сами... Побывать вдвоем... Я там ни разу не была.

Я знала, что Джара не скучала одна. Да она и не была никогда одна, Лан — так... Видела рядом с ней высоченного тощего парня с третьего курса, Вэя, кажется, видела, что Джара ему очень нравится. Да и может пи кому-то не нравится Джара? Джара — это огонь.

Я слышала, что Кер, брат Регара, встречался с какой-то девочкой в городе.

Хаген всегда был один.

И без того молчаливый и необщительный, он совсем замкнулся. Почти не разговаривал, лишь очень скупое, по необходимости. Я чувствовала себя виноватой... Это из-за меня. Он ведь так пытался мне помочь...

Я все хотела поговорить с ним, но при всех не решалась, а наедине не выходило. Никак не могла оказаться с ним наедине. Иногда мне казалось — Хаген сам избегает меня, уходит от разговора.

Я не понимала. Что-то произошло. Что-то очень нехорошее...

* * *

Рыба подорожала.

Еще не сильно, но заметно. Первая на это обратила внимание Ина, они с Регаром

ходили на рынок, пришли такие серьезные, хотели купить кальмаров, но ничего не нашли. Рыбы вообще стало меньше. Ина пыталась говорить с торговцами, пыталась узнать — да, рыбаки все так же ходят в море, но приносят меньше. Море постепенно пустеет. Говорили, что еще лет двадцать назад рыбы было полно, хоть руками лови, а теперь лодки все чаще приходят пустыми. Почему? Ну, вот вам, магам, лучше знать, это же вы...

Нет, прямо пока никто не обвинял, но смотрели косо.

С тех пор, как Этор стал частью метрополии — дела все хуже.

И у Лана тоже. Работы в городе стало меньше, едва хватало своим, студентам платить не хотели. Да и свободного времени у Лана мало, не то, что летом. С утра занятия, по вечерам он уходил, но все чаще приходил ни с чем. На еду пока хватало, но вот в «Морского дракона» мы почти не ходили. Наверно, к лучшему, у меня теперь совсем не было желания туда ходить.

Каждый раз я вспоминала, как мы танцевали с Хагеном. Тогда мне было действительно хорошо, было так легко и просто.

Иногда я повела себя на мысли, что если бы это он тогда взял меня за руку, сказал, что...

Я сама пугалась этих мыслей.

Почему все так вышло?

Нравился ли мне Лан? Конечно! У меня даже колени начинали дрожать, когда я видела его, сердце бешено колотилось, и в груди разливалось такое тепло... Порой, я не могла поверить в свое счастье — как такой парень мог обратить внимание на меня? Я сходила с ума, теряла голову...

«Еще бы, он же псионик,» — усмехнулась как-то Ина, они обсуждали Лана без меня, думали, что я сплю и не слышу. Но я слышала. Он же псионик, говорила Ина, ему ничего не стоит охмурить девушку, с ним надо держать ухо востро. Он учился в Литьяте. И вообще непонятно, что он тут делает. Может, он шпион, может, его подослали специально. Посмотрите, он же свободно пользуется магией, не скрывает это. Откуда лицензия?

Я знала, что в Литьяте выдают ограниченную лицензию уже после первого курса, потом расширяют.

Я знала, что Ина не любит Лана. Презирает его, как настоящий маг Тарра мог бы презирать мага Литьяте, как эторский пастух презирает илитрийских сенаторов. Маг и сын сенатора, золотой мальчик, у которого было все. Это слишком давняя вражда, это в крови. Я понимала и не относилась слишком серьезно.

И все же...

Ложась в кровать, я долго лежала без сна. Все думала... Я ведь совсем ничего о нем не знаю, Лан не любит рассказывать о себе.

Зато Лан играл на гитаре. И пел. Так чудесно пел. У него такой глубокий, низкий, хорошо поставленный голос. Он знал много песен, от грустных старинных романсов, до веселых и похабных, что пели моряки в порту. Но лучше всего у него выходило, когда он пел о любви. Лирично и нежно. Даже Ина слушала. А Джара уходила почти всегда, как только Лан начинал петь — сразу уходила. Лан смотрел ей вслед и пел о любви.

Я пыталась убеждать себя... но, даже не знаю. От этих песен у меня начинало болеть сердце. А потом Лан подмигивал мне, и начинал что-то веселое.

Он все время говорил, что любит меня, но я не могла ему поверить. Боялась поверить. Боялась, что он обманывает меня, что это очевидно всем и только я ничего не замечаю, как

не замечала раньше. Я видела, что Джара совсем не ревновала меня, но Джара...

Снова — я не выдержу.

Последнее время Лан возвращался очень поздно, подрабатывал разгрузкой угля. Поезда с Нанарских шахт приходили раз в три дня, по вечерам. Работа тяжелая, платили мало, но Лана устраивало. Зато стабильно и не слишком мешает занятиям, можно совмещать. Оттуда его пока еще не гнали, а может быть даже и не знали, что этот парень маг. Настоящие маги не должны заниматься таким...

Я немного задремала, не слышала, как Лан вернулся.

Проснулась только, когда он зашел за чистой одеждой.

Села на кровати.

— Ты чего не спишь? — тихо спросил Лан.

— Я сплю. Просто проснулась.

Он чуть улыбнулся.

— Хорошо. Я сейчас помоюсь и приду.

— Там воды нет, — виновато сказала я. — Вся закончилась.

Лан кивнул.

— Я знаю. Согрел чайник, мне хватит.

С минуту я колебалась.

— Подожди, — догнала Лана уже в дверях. — Давай, я помогу тебе, полью, а то неудобно.

В душевой было зябковато. Я поежилась, когда Лан стащил рубашку, бросил на скамейку. Мне даже в шерстяной кофте было не очень... Вода получилась чуть теплая, но если разбавлять не так сильно — будет мало, не хватит.

— Может, еще погреть? — спросила я.

— Ничего, нормально, — Лан махнул рукой. — Давай.

Я аккуратно поливала на руки, потом на голову, на спину, стараясь экономить.

Спина у Лана вся покрылась мурашками... холодно. И такие широкие шрамы на спине.

— Откуда это у тебя?

— Что?

Он старательно намыливал голову.

— Ну... шрамы.

Я хотела дотронуться, провести пальцем, но не решилась.

— А-а. Мы пытались приручить гарпий, — сказал Лан. — Но моя сорвалась.

— Гарпий? Как это?

— В Литьяте. Мы экспериментировали с псионикой. Но, поскольку, с людьми играть нельзя, а с животными не интересно, то играли с чудовищами. Мы купили трех гарпий на черном рынке, если есть деньги — достать можно что угодно. Они были уже старыми и уродливыми, но когти сохранили. Отвезли на небольшой скальный островок, подрезали крылья, приковали к скале. Как оказалось, плохо приковали, цепь соскочила.

— И она набросилась на тебя?

— Да, я стоял ближе всех.

— Ого... — только и смогла сказать.

Я видела гарпию лишь однажды, полумертвую, в клетке. Я видела, какие у нее когти — словно ножи, едва ли не с ладонь длинной. Один удар — и тебе конец. А если вцепится...

— Полей еще, — попросил Лан.

Я принялась лить ему на голову, смывая мыло, он тихо пофыркивал.

— И что было потом? — спросила я.

Лан дернул плечами.

— С гарпией? Ее пристрелили. У Мэта был револьвер. Мэт, между прочим отвратительно стреляет, просто удивительно, как тогда попал по гарпии, а не по мне. Со страху, наверно.

Я вылила оставшуюся воду. Лан выпрямился, взял полотенце.

Он стоял прямо передо мной... совсем рядом...

На груди тоже были шрамы, но другие, тонкие.

— А эти? — спросила я.

Лан улыбнулся. Чуть подался вперед, взял мою руку, приложил ладонь к своей груди.

— Спортивная рапира.

Я чувствовала его кожу под пальцами...

— Спортивная? С острым концом?

— Да, — согласился он, глядя мне в глаза. — Уроки фехтования.

Я облизала губы. Еще немного и... У меня кружилась голова.

Еще совсем свежий шрам — между ребрами. Это же они тогда...

Лан обнял меня другой рукой, притянул к себе. Я слышала, как стучит его сердце, чувствовала его дыхание.

— А у тебя есть шрамы, Соле? Можно посмотреть?

Я неуверенно мотнула головой.

— Нет... Откуда у меня? Это у тебя была такая насыщенная жизнь...

Что-то дрогнуло в его лице, одно мгновение и что-то изменилось. Игра перестал быть игрой.

— Была, — согласился он, голос неприятно царапнул.

Я видела, как сверкнули его глаза. Он еще подался вперед, на полшага, так резко и так горячо поцеловал меня, стянул с плеч теплую кофту, принялся уверенно расстегивать ночную сорочку.

Я замерла, хотела сказать: «Нет! Не надо, не сейчас». Но язык не поворачивался. Ну, я ж понимала, что так будет, вот сейчас вот, разглядывая шрамы на его спине — понимала. И ведь нельзя сказать, что я не хотела этого. Просто страшно. Это должно быть не так... Начинало мелко-мелко трясти.

— Тут холодно... — только и смогла шепнуть я, словно оправдываясь, так неловко пытаюсь помешать Лану раздевать меня.

— Сейчас будет тепло, — сказал он.

И правда, воздух начал теплеть. Он маг, поняла я, он может. Он может сделать так, что в этой крошечной сырой комнатке будет тепло и удобно, может сделать так, что никто не войдет и не услышит, даже проходя за дверью, даже если я буду кричать. Он может сделать со мной все, что захочет. Даже сделать так, что я буду думать, будто хотела этого сама.

А разве я не хотела? Разве не этого хотела? Зачем же я пришла?

Я любила его?

Сорочка упала к ногам.

Я стояла голая.

Лан обнимал меня... его руки на моей груди, бедрах... я... горячее возбужденное дыхание... сейчас...

Нет...

— Ты чего? — он вдруг отстранился, заглядывая мне в лицо. — Соле, ты чего?

Я неожиданно всхлипнула.

— Соле...

Такая растерянность на его лице.

— Ну ты чего, глупенькая? — он даже не понимал, что со мной, такой, делать. — Соле, милая, ну... испугалась? Ты чего?

— Угу.

Я всхлипнула еще раз, куда громче, вздрогнула, закрыла лицо руками.

Он коротко и чуть нервно рассмеялся.

— Соле, ну что ты. Все хорошо. Я же не... Ну... Соле, ну, давай, успокойся, пойдем спать, а то поздно уже.

Я кивнула. Уткнулась носом ему в плечо. И вдруг разрыдалась уже по-настоящему, навзрыд, судорожно глотая воздух.

Он обнимал меня за плечи, гладил по спине, по волосам.

— Ну, что ты, Соле. Ну, не плачь. Все хорошо...

* * *

Под ногами плыли белые тени.

Море черное-черное, и такое спокойное, словно зеркало, лишь звезды подрагивали, отражаясь в нем.

— Я вчера напугал тебя, — говорил Лан, глядя в сторону. — Прости, Соле, я не хотел.

Мы сидели на козырьке полузаброшенного пирса, снежинки кружили в воздухе. Огромные белые тени плыли под нами, их пустые глаза смотрели в небо.

Все утро мы не разговаривали, ни единого слова, а после занятий Лан взял меня за руку и повел сюда.

Мне было стыдно и неловко за все, а Лан... он был мрачен. Необычайно собран.словно сжатая до предела пружина. Это пугало меня. Может быть, даже еще больше, чем вчерашний порыв, вчера я хоть понимала, что происходит, а теперь нет. Молчание тяготило, давило, но то, что я могу услышать — тревожило еще больше.

За что мне его прощать? Без всяких рыданий и диких сцен я могла бы просто сказать «нет». Как маленькая. Я глупая девочка, а не женщина...

— Это я тебя напугала, — тихо сказала я.

Уголки губ Лана чуть дрогнули, но улыбки не вышло.

— Да, ты тоже.

Он провел рукой по своему лицу, вздохнул, сжал пальцы в кулак, потом разжал и с силой ударил раскрытой ладонью по доскам.

— Наверно, я должен тебе кое-что объяснить, — сказал он наконец. — Это не слишком честно, вываливать на тебя свои проблемы, но... наверно, я должен. Чтобы ты понимала, не строила каких-то дальних планов. Я знаю, как тяжело, когда твои надежды рушатся. Я бы очень хотел, чтобы мы были вместе, я говорил честно, искренне... но...

Я слушала, и не знала, что думать. Рушатся надежды? У меня сердце останавливалось. Он хочет меня бросить? Он любит Джару, а со мной было так... Нет, я не понимала.

Молчала.

Лан так и не глядел на меня, только в сторону, на воду, на скользящие между опорами пирса тени.

— Мне осталось недолго, Соле. Не знаю, доживу ли я до весны.

— Что?

Я вздрогнула.

— Сны, Соле. Нам всем снятся сны... предупреждения, предсказания. Мне тоже.

Салотто в огне... Неужели...

— Нет, — сказал Лан. — Не в Салотто. Это точно. Иначе. Но я вижу свою смерть. Я все надеялся поначалу, что это только сон. Но нет. Это не сон. Так будет.

Я хотела спросить — как? Как это случится? Когда? Но не решилась, было бы уже слишком.

— Ты же сам говорил, что это только предупреждение, что все можно изменить.

— Да, — сказал он. — Можно. Вся штука в том, что когда придет время, я, вероятно, сам не захочу ничего менять.

— Как? — я не понимала.

Лан покачал головой. Вдруг перевернулся, лег на живот, чуть свесившись вниз, протянув руку к воде. Белые тени...

— Лан! Ты что?!

Я испугалась. Хотела схватить его, потащить назад. Замерла. Не могла пошевелиться.

Тени забирают память. Некоторые говорят — даже душу. Тени выпивают все... стоит лишь коснуться.

Лан зачерпнул горсть воды, плеснул себе в лицо. Приподнялся, опираясь на руки, встал на колени, потом рывком поднялся на ноги.

Я поднялась тоже.

— Прости, Соле, — сказал он, — но когда ты сказала, что у меня была насыщенная жизнь, то я психанул. Да, была. Больше не будет. Я тогда подумал, что хоть разок с тобой...

Он не договорил, прикусил губу. Глаза у него... такие ясные-ясные, но глубоко, на самом дне — ужас и смерть.

— Лан... — у меня просто ком встал в горле, я не могла говорить.

Он моргнул. Грустно улыбнулся. И все... все прошло. Ужаса больше не было, только усталость.

— Лан, я... я больше не испугаюсь. Не заплачу. Честно.

* * *

Комнатка наверху такая маленькая, но нам пришлось постараться, прежде чем удалось натопить и прогреть как надо. На этот раз без всякой магии. Просто, по-настоящему.

Я больше не боялась его, его рук, его обнаженного тепа... я сама сняла платье и сорочку, залезла под одеяло, глядя, как Лан сидит на корточках, подбрасывая в печку поленья, как отблески огня играют на его лице, пляшут искрами в его глазах

А потом он пришел ко мне. Обнял.

Мне казалось, земля ускользает из-под меня, все плывет... мир исчезает, мы только вдвоем.

Лан был так нежен, так ласков, и, в то же время, я видела дикий огонь и страсть... Слово в последний раз. Словно для нас это не только первый раз, но и последний. Нужно успеть. Словно другого шанса уже не будет.

Мне было ужасно хорошо и ужасно страшно одновременно.

Не верилось, что все происходит со мной.

* * *

— Не нравится мне это, — сказала Ина. Налила в чай ложку коньяка, помешала. — Слишком много теней у берега, это не к добру. Говорят, никогда столько не было.

— Кто говорит? — спросила Джара.

— Алеса, девушка Кера. Ее отец — рыбак, он уже неделю не выходит в море, боится.

— Хреново, — сказал Лан. — Значит цены еще подскочат.

Он сидел, как ни в чем не бывало, жевал пирог с капустой, который Джара только что достала из печи. Словно и не было ничего. Я сидела в углу, у окна.

Мир изменился, перевернулся для меня... но здесь, снаружи, он остался прежним.

— В городе говорят еще, все беды от магии, — сказала Ина. — И не только Литьяте винят, но и нас заодно. Керу, кстати, уже сказали, чтобы он держался от Апесы подальше.

— А он?

Ина фыркнула. Мол, кто ж будет слушаться-то. Разве такого парня испугать?

— Дальше будет хуже, — сказал Лан.

— А ты бы вообще помолчал, — Ина зло сощурилась.

Чем дальше, тем больше Лан раздражал ее, хотя, кажется, не давал для этого никакого повода.

— Будет, будет, — подтвердила Джара. — Вчера двух девчонок со второго курса чуть не изнасиловали в городе, какие-то пьяные моряки. Девчонки, правда, отбились, но все равно. Раньше такое невозможно было представить.

— Ты б тоже не ходила одна, — сказал Лан.

— А я и не хожу. Что мне, ходить не с кем? Я тут с Вэйем ходила. Но, думаю, если что-то понадобится, надо Олиша с собой позвать, опасно же.

— Ил-Танку? — Лан даже не удивился. — Да, это хороший вариант. Возможно, мы все скоро будем ходить в город за едой и дровами только под его прикрытием.

А вот у Ины глаза на лоб полезли.

— Ил-Танку? Кожаного Человека? Позвать с собой? Джар, ты с ума сошла? Как ты себе это представляешь?

— Очень просто, — Джара пожала плечами. — Так и скажу: «Мастер, не проводите ли девушку в город, а то одной страшно».

— А с ним не страшно? — Ину аж передернуло. Кожаного Человека она боялась больше, чем всех городских разбойников вместе взятых.

— С ним — не страшно, — уверенно сказала Джара. — Не считая Патеру он самый сильный маг в Бер-Сухте.

— А тебе только самого сильного подавай?

Джара улыбнулась, тряхнула огненно-рыжими волосами

— Конечно, — сказала она. — Как же еще? Меня вообще интересуют только самые

лучшие мужчины.

— А вот, кстати, — заинтересовалась Ина, — он мужчина? В смысле, как мужчина — он как? Или ему все отрезали?

Я впервые видела, как смущается Джара, как дрогнули ноздри, и кровь прилила к щекам... Джара чуть отвернулась.

— Чисто технически, — сказал Лан, — сдирают только кожу. Хотя, учитывая его нынешнее состояние, сложно сказать — все ли функции работают нормально. Хотя, с другой стороны — магия. К тому же, он псионик, стоит ему захотеть, и ты будешь получать оргазмы от одного только взгляда.

— Я так не хочу — тихо сказала Джара, было видно, что обсуждение ее здорово задело. — Я хочу по-настоящему.

— О-о! — Ина засмеялась. — Она хочет! Джар, тебя возбуждают чудовища?

Джара мотнула головой.

— Нет, — довольно сказал Лан, — ее возбуждают только самые лучшие мужчины.

— Ах, ты! — Джара схватила со стопа кружку запустила в него. Лан ловко увернулся, кружка с грохотом разбилась о стену, осколки полетели в стороны.

А я сидела тихо, впрочем, как обычно. Мне вдруг показалось — все вернулось назад, ничего не было. У нас с Ланом ничего не было. Это сон... И больше не убежать.

— Мисс Наиро, сосредоточьтесь, — мисс Кеали смотрела на меня с легкой неприязнью, кажется, я была самой бестолковой ученицей. — Через месяц придет аттестационная комиссия, а вы еще ничему не научились.

Я не могла освоить даже самых простых упражнений. Иногда у меня почти получалось, но даже повторить я не могла. Вроде бы, я все делала правильно, учила слова, старалась передать нужные интонации, готовилась, делала все как надо, чуть ли не молилась. Ведь ничего особенно не надо, только собраться, сосредоточиться, почувствовать силу внутри себя и дать ей выход. Да, я чувствовала этот внутренний огонь, но, сколько ни бубнила, не могла ничего совершить. Ни огонь, ни вода, ни земля, ни воздух не хотели слушаться меня.

Лан как-то сказал, что, возможно, мои способности в первую очередь касаются не стихий, а псионики или медицины, но этому не учат в Бер-Сухте. Да и овладеть на базовом уровне стихийной магией мог каждый, кто имел хоть малейшие способности. Рано или поздно и я смогу.

— Ничего, не расстраивайся, — говорил он, — твой отец оплатил обучение за все три года вперед, тебя не выгонят, даже если ты не научишься совсем ничему. Получишь справку и будешь свободна.

Я так не хотела. Я должна была справиться. Если уж я здесь, то надо научиться хоть чему-то. Неужели я совсем ни на что не способна? Совсем-совсем? Разве так бывает? Обидно до слез...

У Лана, конечно, проблем не было, он мог с легкостью сделать любые упражнения и даже большее. И у Джары не было. Джара неожиданно ушла вперед. Если магия это усилие воли, то воли у Джары было хоть отбавляй. Но ей надо. Для того, чтобы получать стипендию, надо показать очень высокие результаты. Нам с Иной проще. У Лана свои заморочки...

А вот с Хагеном все плохо.

Он тоже ничего не мог сделать.

Но неудача грозила ему не просто отчислением.

Я все пыталась поговорить с ним, но он старательно уходил в сторону. Очень изменился, похудел, мне кажется, даже стал ниже ростом, ссутулился, темные круги легли под глазами.

Он занимался индивидуально с матером Патеру и мастером Ил-Танка, каждый день, по несколько часов. Занимался самостоятельно, каждый раз уходя куда-то подальше, в горы, чтобы не повредить никому. Он сам боялся своего огня. К нам Хаген приходил только спать, даже ел часто по ночам, чтобы не встречаться ни с кем на кухне. Я пыталась караулить его, но он словно чувствовал. Избегал меня.

В конце концов я начала спрашивать у Лана.

— У Хагена дела плохи, — сказал Лан. — Таких, как он, начинают учить с раннего детства и в специальных интернатах. Сейчас справиться уже почти невозможно. Он сам выстроил внутри себя стену, пытаясь защитить окружающих от своей силы, и чем дальше, тем выше и крепче эта стена. Внутренняя защита, предохранитель. Стена не дает магии освободиться и течь спокойно, а без этого невозможно волшебство. Для начала эту стену нужно сломать. Но Хаген не может сделать это сам, даже Ил-Танка, судя по всему, не

справляется. Все зашло очень далеко. Плюс еще защита, наложенная Литьяте. Может быть даже внешняя защита мешает больше всего... сложно сказать. Если ничего не сделать — рано или поздно стену сорвет.

— И что будет?

Лан пожал плечами.

— Ты видела Салотто в огне? Силы Хагена вполне достаточно.

У меня все похолодело внутри.

— Нет, это не может быть Хаген. Это не он! Он не может совершить такое.

— Соле, у Хагена куча причин ненавидеть Литьяте и Илитрию в целом. Удар по столице — вполне объясним.

— Н-нет... Мастер Ил-Танка сказал, что это не он...

Я сама топком не понимала, что это значит, но в то, что Хаген способен на такое — поверить не могла. Разрушить город, убить тысячи людей. Нет, это не он! Он скорее умрет сам, чем совершит такое.

— Соле, в центре всегда стоит чья-то воля, — тихо сказал Лан. — Возможно, Хаген станет орудием в чьих-то руках. Кто-то подтолкнет его и направит, а Хаген просто не сможет сопротивляться. Взорвется... Может быть даже, это будет Ил-Танка, ему есть за что мстить.

* * *

Кожаный Человек Ил-Танка появился у нас в пятницу вечером.

— Завтра вам надо проснуться пораньше, — сказал он. — Одеться потеплее и взять немного еды с собой. Мы идем в деревню на два дня.

— Туда, где ведьма? — спросила Джара. — С мастером Патеру.

— Туда, — согласился Ил-Танка. — Вы, наверно, уже слышали от старших, они тоже ходили. Только мастер Патеру не сможет пойти, он не очень хорошо себя чувствует. С вами пойду я.

Ина тихо выругалась.

Мастер Ил-Танка предпочел это не замечать.

— Доброй ночи, — сказал он.

* * *

Хаген не пошел с нами.

— Ему запрещено покидать Бер-Сухт, — сказал Лан. — У него приказ. Если он попытается ослушаться, нити начнут натягиваться, причиняя боль. Это не убьет его, но он будет терять сознание, если отойдет достаточно далеко. Ему лучше остаться.

Мы вышли вдсятером, включая мастера Ил-Танку, ранним утром спустились со скалы и несколько часов брели по горной дороге, даже не по побережью, а напрямик, нам нужно было на другую сторону мыса. К обеду пошел снег, ветер бил в глаза, я бы вообще не дошла, если бы не Лан. Он помогал мне, поддерживал за руку, не давая увязнуть в снегу или поскользнуться на обледенелых камнях, прикрывал от ветра. Ина шла с Регаром. А Джара

одна. Она держалась чуть в стороне, подчеркнуто независимо, но ловкости и силы ей было не занимать, Джара прыгала по сугробам с необычайной уверенностью.

К деревне вышли ближе к вечеру, уже начинало темнеть.

Невысокие аккуратные домики, лодки на берегу. Таких деревушек полно в Эторе.

Нас пустила на ночлег одинокая старушка. Я сразу и не поняла, что это она — та ведьма, о которой рассказывал мастер Ил-Танка. Совершенно обычная на вид, невысокая, худая, морщинистая. Ее звали Юнани. Она тут же усадила нас за стол, напоила горячим чаем, принялась жарить картошку с рыбой. Она расспрашивала нас об учебе, о жизни в городе и о том, как мы жили раньше. Обычная болтовня... Я думала, что ее будут интересовать последние события и то, что творится с морем, но нет, об этом ведьма не заводит разговор ни разу. Только простые, повседневные вещи. Ведьма? Или это была шутка? Но ведь Юнани и не удивлялась, почему мы пришли из самого Бер-Сухта и пришли именно к ней. Казалось, она ждала нас, это обычное депо.

Мы сидели за столом, ели, о чем-то болтали, только Кожаный Человек сидел чуть в стороне.

— А ты, сынок, чего не ешь? — спросила старушка.

— Я? — удивился мастер Ил-Танка.

— Да, иди за стол, не стесняйся.

— Не-ет... Я потом.

Мне показалось, мастер слегка растерялся, напрягся даже. Потом встал.

— Я, наверно, лучше пойду пока, погуляю, — сказал он.

Старушка вздохнула, взяла со стола сыр, горбушку хлеба и кружку молока, догнала мастера уже почти за дверью.

— Погуляй, сынок, — сказала она. — И, вот, ты возьми с собой.

— Спасибо, — тепло поблагодарил он.

Я видела, как Джара хмуро наблюдает за всем этим, поджав губы.

— Это он с нами есть не хочет, — фыркнула Ина. — Брезгует.

— Не хочет, — тихо, но с какой-то злостью, согласилась Джара. — А ты видела, как он ест? Я тут видела, пока шли, как он пьет воду — сдвигает повязки на лице, запрокидывает голову и запивает себе в рот. У него губ нет, мышцы на лице плохо двигаются, он даже жевать нормально не может, все вываливается, и он рукой придерживает...

— Фу, блин... какая гадость, — Ина скривилась. — Ты и это видела?

Джара мотнула головой.

— Вэй рассказал. Олиш ходил с ними на маяк в прошлом году, но там были одни парни, он их не особенно стеснялся, только отворачивался.

— Фу-у... какая гадость.

— Ина, прекрати! — Джара вспыхнула. — Ты думаешь, это легко? Думаешь, легко так жить.

— Не знаю. Я бы лучше сдохла.

Юнани вернулась. Достала нам еще свежих пирожков.

От домашнего тепла и сытной еды меня начинало клонить в сон. Мы с девчонками спали на печке, накрывшись тулупами. Непривычно, но как-то очень по-домашнему хорошо.

Разбудили нас на рассвете.

— Вы хотели посмотреть? Идемте, — старушка звала нас с собой.

Здесь солнце вставало не над морем, а за горами, но небо уже розовело и волны...

Сначала мне показалось, что это солнечны блики играют на волнах, и только потом, приглядевшись... Море было полно алых корабликов! Из сотни! Если не тысячи!

— О, боги! — я едва сдержалась, чтобы не вскрикнуть.

Невероятно! Красиво и ужасно одновременно.

— Тише, тише, — шикнула старушка. — Не пугайте их. Покормите лучше. Вот.

Она разломил лепешку, протянула нам по кусочку. Только Лану не дала.

— Тебе не надо, — сказала она, Лан не возражал, наверно, он знал что-то...

Повела нас на небольшой мосточек.

— Покормите. Покрошите немного. Но пока не трогайте их.

Как можно трогать алые кораблики? Если человек случайно упадет в воду, кораблики тут же облепят его, обглодают, буквально за минуту, оставляя одни белые кости. Вырваться невозможно. Я даже к морю подойти близко боялась, не то, что кормить.

Кораблики покачивались на волнах, крошечные алые паруса трепетали, играя в лучах солнца.

Джара не боялась. Она быстро забежала на мостик, села скрестив ноги, принялась крошить лепешку и бросать в воду. Сначала, кораблики брали угощение неохотно, словно присматривались к ней, потом осмелели. Даже радостно выпрыгивали из воды, ловя угощение. Старушка подошла, села рядом, потом и остальные наши: Микас, Ина и Регар, Дарек...

— Ну-ну, мои хорошие, — говорила старушка, словно это были не хищные кораблики, а голуби в парке. — Кушайте, кушайте... Не бойтесь...

Я осторожно подошла поближе.

Кораблики собирались у мостика, все больше и больше, они кружили, ныряли, подхватывали хлебные крошки, обволакивая их своим тонкими телами. Некоторые даже начали ловить угощение на лету.

— Цыпа-цыпа-цыпа! — Ина радовалась, словно ребенок.

Я тоже оторвала небольшой кусочек, размахнулась, бросила в воду.

— А теперь, кто смелый? Протяните руку, погладьте. Только тихонько, не машите руками и не дергайтесь.

Джара осторожно протянула. Я видела, что и ей тоже страшно, она тянется, но долго не решается дотронуться. Наконец, крупный кораблик сам подплыл прямо к ней, ткнулся круглым боком в пальцы. Джара вздрогнул. Я видела, что не отдернуть руку ей стоило больших усилий.

— Он такой теплый, — шепнул Джара.

Провела пальцами по парусу снизу вверх, почесала, словно котенка. Засмеялась.

Другие тоже погладили, а я так и не решилась. Пока я обиралась с духом, старушка позвала нас в дом.

— Ладно, хватит, — сказала она. — Не надоедайте им. И никогда не пытайтесь сделать это сами, они добрые только рядом со мной.

— Как вы это делаете? — спросила Джара.

Старушка пожала плечами.

— Никак. Я просто люблю их. Вся моя магия — это любовь.

Ил-Танка, как и Лан, стоял в стороне, глядя издалека, тихо разговаривая о чем-то. Со стороны казалось, они давно знакомы, скорее друзья, чем преподаватель и ученик.

День зимнего солнцестояния в Эторе традиционно отмечался как главный праздник — солнце поворачивает на весну, день становится длиннее, начинается новый год.

На площади горели костры. Играла музыка.

Я танцевала джигу с Ланом, на этот раз легко, не пугаясь... привыкла, наверно. Ко всему привыкаешь... Но почему-то все не давала покоя мысль, что лучше всего танцевать мне было не с ним.

Хаген не пришел. Даже не стал ничего объяснять, просто остался один.

Мастер Патеру сидел у огня, завернувшись в шубу такую огромную, явно с чужого плеча. Сжавшись, сторбившись. Он казался еще старше и еще меньше, словно высох... шея чуть-чуть подрагивала. Ему ведь страшно много лет, едва ли не последний маг Тарра.

— Плохо, — шепнул Лан. — Без Патеру Бер-Сухт скоро закроют, никто не сможет удержать... даже этот.

Рядом с Патеру стоял мастер Ил-Танка. Как приемник. Но даже он не сможет. Он силен как маг, но влияния и связей ему не хватало, с ним просто не станут считаться. Он молод, он отступник, его положение и так шатко... Кожаный Человек...

Я видела, как к нему подошла Джара, протянула руку.

— Вы танцуете, мастер?

Кожаный Человек не ожидал, он озадачено огляделся по сторонам, словно Джара могла обращаться к кому-то другому, потом, ища поддержки, посмотрел на мастера Патеру. Тот рассмеялся.

— Танцует он, танцует. Бери его.

Джара уверенно взяла за руку, повела в круг, Ил-Танка послушно пошел за ней. Удивительно, но рядом с Джарой он не выглядел чудовищем. Он был почти одного с ней роста, может совсем чуть-чуть выше, худой, слегка неуклюжий. Можно было подумать даже, что он одет в какой-то нелепый карнавальный костюм... если бы не глаза. Но Джара спокойно глядела в эти глаза и улыбалась. Ил-Танка неплохо танцевал.

Может, что и выйдет...

Когда мы только вернулись от ведьмы, Джара отвела меня в сторону.

— Ты знаешь, — тихо сказала она, — что Юнани не просто кормит кораблики. Она лечит людей. Ее кораблики лечат.

Джара была так взволнована, щеки горели.

— Я что-то слышала...

— Кораблики лечат, — повторила Джара. — Они могут не только убивать, но и помогать. Магия земли. Просто не нужно бояться, нужно знать подход. И не всегда это срабатывает, они не всех принимают... К Юнани привозят больных, часто совсем безнадежных. И она ставит их на ноги.

Я тогда все пыталась понять, к чему это Джара, ведь не спроста же...

— Соле, ты знаешь, она рассказала мне, как однажды к ней привезли мальчика, ему где-то в доках оторвало ногу, что-то упало... не важно. У мальчика уже гангрена началась, думали не выживет, но привезли к ней. Последняя надежда...

— И что? Выжил? — спросила я.

— Выжил, — Джара облизала губы. — Не просто выжил. У него новая нога выросла. Он

ушел от нее на своих ногах. Понимаешь?

В глазах Джары горел почти безумный огонь.

Я глупо хихикнула.

— Джар, ты в это веришь?

— Да, — неожиданно твердо и даже со злостью сказала она. — Верю. Когда дело касается магии, самое главное — верить!

Джара верила. Не смотря ни на что. Верила. И сейчас, держа за руку Олиша Ил-Танку счастливо улыбалась ему.

Я поняла, что завидую.

Джара ничего не боялась. Она готова была сражаться за свое счастье, свою любовь, за человека, который ей дорог. Это не игра, я не сомневалась, такое невозможно сыграть, мастер Ил-Танка чем-то крепко зацепил ее. Все было по-настоящему.

А я...

Я боялась.

Я не могла даже разобраться в себе.

Мы танцевали, а я думала о другом.

Лан обнимал меня.

— Лан, прости, — осторожно сказала я. — Ты знаешь... я что-то очень устала... я пойду, ладно? А то голова болит, и вообще.

— Устала? — сказал он. — Ну, давай, пойдем, посидим где-нибудь в тишине.

— Нет, Лан... Я одна. Хорошо? Я просто посплю... а ты веселись тут.

Я почти ненавидела себя. Я врала, выкручивалась. Боялась сказать прямо.

Мне нужно поговорить с Хагеном. Наедине. Пока все здесь, а он там, пока нам никто не может помешать.

— Я пойду, ладно? Лан, пожалуйста...

— Хорошо, — сказал он. — Отдыхай.

В нашей комнате было темно, и даже холодно, печку давно не топили.

Хаген лежал на кровати, глядя в потолок. Когда я вошла, он чуть повернул ко мне голову, потом отвернулся снова. Я видела, что он не спал.

Нерешительно постояла в дверях.

Прошла, села на Инину кровать.

— Хаген... — тихо позвала я.

Он не ответил.

Я не знала, что сказать. Пока шла — знала, а теперь все слова куда-то пропали, стали казаться какими-то пустыми и неправильными. Все нужные слова потерялись.

— Хаген... Как ты? Как у тебя дела?

Я даже сама зажмурилась — так по-дурацки это вышло.

— Хорошо, — глухо ответил он.

Все. Что еще сказать?

Я готова была расплакаться. Залезла даже наверх, к себе. Проклиная собственную глупость и беспомощность.

Может и лучше — заплакать? Хаген придет меня утешать, разговор завяжется сам собой. Да, надо заплакать. Я громко всхлипнула... получилось так ненатурально, что я даже испугалась. Нет, так не надо, это еще хуже. Надо по-настоящему...

Но от этих мыслей слезы высохли, застряли и никак не шли. Я даже на это не способна.

Так и сидела молча, пока не пришел Лан.

— Соль, мне там скучно без тебя, — шепнул он мне на ушко. — Можно я с тобой полежу?

Я кивнула.

И как-то незаметно уснула, уткнувшись Лану в плечо.

* * *

— Соле! — Хаген осторожно тряс меня.

Был вечер, я только легла, уже почти заснула... Лан еще не вернулся с работы.

— Соле, мне нужно с тобой поговорить, — попросил Хаген.

— Сейчас?

— Да. Оденься, пожалуйста.

Он был необычайно серьезен. Что я могла сказать?

— Хорошо.

На улице холодно, мы пошли в дальнее крыло, подальше от всех. Хаген шел впереди, я за ним, глядя ему в спину. Сердце колотилось.

О чем он хочет со мной говорить? Почему вдруг так — внезапно.

Пустые комнаты с разбитыми окнами, гуляет ветер... От холода и от волнения я начинала дрожать. Что все это значит?

— Соле... — Хаген остановился, повернулся ко мне, начал и умолк, словно собираясь с духом, его тоже ощутимо трясло. — Соле, мне нужно с тобой поговорить. Надо было раньше, наверное... Соле... Ты выслушай. Пожалуйста, только отнесись серьезно. Лан использует тебя. Я не знаю, чего он хочет, но он с тобой играет, крутит тобой, как хочет. Он может заставить тебя делать что угодно, думать — что угодно. Соле...

Такой странный квакающий у Хагена акцент, я так давно не говорила с ним, что уже немного отвыкла... Даже не сразу поняла, что он говорит и зачем.

Лан использует меня?

— Хаген! — у меня вспыхнули щеки. — Это неправда!

— Правда, — сказал он. — Подумай сама, Соле, пожалуйста. Вспомни все, что было.

Я ожидала от Хагена всего, что угодно, любых разговоров, только не этого.

— Нет, — сказала я.

— Соле...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Хаген был не большой мастак говорить речи, у него выходило совсем плохо, он запинаясь, заикался, неразборчиво квакал и только отчаянно сопел, вместо того, чтоб что-то сказать. Но он был твердо уверен в своей правоте. Он совершенно честно за меня переживал.

— Мы подрались с ним, Соле, помнишь? У нас был уговор — выиграет тот, кто уйдет на своих ногах. Я всадил ему нож под ребра — здоровый кухонный нож. Я две недели провалялся в постели, а ему хоть бы что. Помнишь?

Я мотнула головой. Нет... тут что-то не правильно. Я помню, конечно, я видела шрам, но...

— Ты ошибаешься...

Это не так. Не так должно быть...

— Соле!

Хаген потянулся, хотел взять меня за руку, но так и не решился, только стиснул пальцы в кулак.

— Ты не помнишь? — спросил он.

— Помню.

Я помнила, конечно. Я помнила, какой серый пришел тогда Лан, весь взмокший, едва стоящий на ногах. Ему было очень плохо. Я помнила шрам на его боку — широкий, между ребрами. Но обычный человек бы просто не выжил, такая рана — смертельна.

— Он не просто учился в Литьяте, Соле. Он его закончил. Он маг. Мастер. У него тоже серебряные нити под кожей, но защита куда сильнее, чем моя. Его послали сюда. Он все врет.

— Нет... — я не могла в это поверить. Не хотела верить. Это все не имеет значения. — Нет, Хаген! Это не так. А даже если так — неважно! Я люблю его. Понял! Я его люблю!

Я говорила это и чувствовала — внутри меня пустота. Звонкая пустота и больше ничего. Никаких чувств. Зачем я говорю это? Неужели я правда так люблю Лана?

Хаген на минуту закрыл глаза.

— Знаешь, Соле, тогда, в тот раз, я проиграл. Свалился и проиграл. И я обещал, что не подойду к тебе. Не стану ничего говорить. Если бы я выиграл — он бы не посмел сунуться. Но я не смог, не справился... Прости...

Хаген отвернулся.

На этом все.

Но ведь я тоже хотела поговорить, и совсем не о том. Не поговорила.

На берегу нашли мертвого кита с жуткими ранами на боках. Словно гигантские черви прогрызли в нем ходы, как в яблоке. Никто не видел такого раньше.

В городе боялись.

И рыбы стало совсем мало, море пустело.

А я сломала руку. Правую.

Буквально на ровном месте.

Нет, не на ровном, конечно. Мы утром выходили на улицу, на занятия, и я поскользнулась на порожке. Мы шли с Иной, чуть впереди, Лан тут же подскочил, пытаясь поймать, но я уже успела хлопнуться на попу, и на руку заодно. Ужасно больно. Все быстро распухло, пальцы почти не шевелились. Хотя пришедший мастер Сольве, наш врач, сказал, что тут не перелом, а только трещина. Все пройдет. Наложил шину, велел руку беречь, и вообще полежать.

Мы поменялись с Иной кроватями, потому что наверх мне теперь залезать сложновато.

Девчонки сустились вокруг меня, старались помочь, очень переживали, Лан держал за руку, он даже на занятия не пошел, весь день просидел со мной, пытался развлекать и успокаивать, кормил меня из ложечки... хотя есть я могла бы и сама.

В стороне, в углу, молча стоял Хаген. Никогда не забуду его лицо — даже не бледное, а совсем зеленое, враз осунувшееся. Он испугался... Испугался за меня. Словно это не трещина в руке, словно я едва ли не сломала шею.

* * *

Керу досталось еще больше.

Даже не представляю, как ему удалось заползти наверх по лестнице, добраться из города к нам. Весь в синяках и кровоподтеках, со сломанными ребрами. Он был почти без сознания, когда мастер Сольве колдовал над ним.

— Я убью их! — шипел сквозь зубы Регар. — Сволочи. Твари! Я их убью.

Он готов был сразу побежать, мстить за брата, если б не Ина. Она вцепилась в него, повисла на плече.

— Подожди, не надо, не сейчас... — тихо повторяла она, чуть не плача. — Что ты сможешь сделать против них? Один. Не надо!

— Не один, — говорил Микас. — Мы тоже пойдем.

Наши парни — Дарек, Амеш и даже Хаген дружно кивали, да, сейчас они все соберутся пойдут и набьют морду этим городским. Чтоб знали. Нечего связываться с будущими заклинателями. Нельзя этого так оставлять!

— А ты?

А Лан был против.

— Я не пойду, — говорил Лан. — И вам не советую. Да, его побили, но его предупреждали, чтоб не лез к девке в постель. Ты бы не побил придурка, который лезет к твоей дочери? Или сестре? У тебя есть сестра, Регар? Есть? Если бы я к ней в постель полез, неужели бы ты меня не побил? А? Кер сам виноват, тоже мне, герой-любовник. Это личные

дела. Семейные. Пока еще мало имеющие отношения к тому, что нас в городе стали недолюбливать. Пока это так... Это тебе простительно — пойти и подраться, это твое личное дело — за брата. Но если ты пойдешь один, тебя просто убьют. А вместе нам совсем нельзя. Пойти драться всем вместе — значит окончательно испортить отношения. Мы без города не выживем.

— Ты трус! — Регар со злостью сжимал и разжимал кулаки. — Ты испугался, что тебе попортят твою смазливую рожу! Испугался!

Лан не возражал.

— Ты можешь думать, как хочешь, — спокойно говорил он. — Я не пойду.

— Илитрийский ублюдок!

Регар медленно пошел на него. Я понимала, что это копилось давно, и злость на Лана и вообще... нужно было хоть как-то выплеснуть. А Лан все так же сидел на табуретке у стола, мне показалось, глядел на Регара как-то очень пристально.

— Думаешь, ты лучше других? — Регар схватил Лана за шиворот, рывком поднял на ноги, тряхнул с силой. — Думаешь, ты особенный? Да кто ты такой?!

Лан не пытался сопротивляться. И ничего не сказал. Только... Вш-ш-ших!

Короткая ударная волна. Хлопнуло так, что заложило уши, все затряслось, зазвенело... Регар полетел назад через голову. Досталось всем, даже меня впечатало в стену, хоть я и сидела далеко, руку больно дернуло. Ина ударилась головой о стол.

— Ах ты тварь! — Регар поднялся на ноги, ища глазами, что бы такое потяжелее схватить.

— Хватит! — голос от двери.

Тихий ровный голос. В дверях стоял мастер Ил-Танка. И Джара за его спиной.

И все. С минуты даже пошевелиться никто не решался. Магия это была, или что-то другое, только Регар разом сник, спорить с Ил-Танкой он не решился. Никто не решился.

А мастер повернулся и ушел, только кивнул Джаре. Он свое дело сделал.

Тишина. Даже на Лана подействовало.

— Ну что, мальчики, давайте пойдем, выпьем и подумаем, что будем делать дальше, — предложила Джара.

Она молодец, как только парни начали возмущаться, она тут же побежала за мастером. Она точно знала, кто сможет их остановить.

И теперь достали самогон, разлили по стаканам. Я поняла, что мне еще мало прилетело, так, задело краем, а Регар был совсем как пьяный, даже не начиная пить. Видимо, Ил-Танка бил выборочно, прицельно. Все сидели, медленно потягивая самогон в полной тишине. Жутковато даже. Звон посуды...

Джара толкнула Лана в бок.

— У тебя боевая лицензия? Да? — спросила тихо.

Он вздрогнул, нахмурился, взъерошил волосы на затылке, налип себе еще, выпил одним глотком, словно воду, и лишь потом ответил.

— Да.

— Высокая?

Лан болезненно сморщился.

— Не очень, «серая».

— А на псионику?

— Похуже, — сказал Лан. — Базовая.

— Понятно, — сказала Джара. — А у Олиша полная.

— Я знаю. Он за это и поплатился. Слишком высокие способности и слишком высокие принципы при этом.

— А у тебя, значит, хреновые принципы?

— У меня? — Лан чуть усмехнулся. — У меня вообще ни того, ни другого. Ни способностей, ни принципов.

Джара положила руку ему на плечо.

— Лан, ты только Сольку не обижай, хорошо?

Он вздохнул, закрыл ладонью лицо.

* * *

Салотто. Каталау, смотровая площадка.

Мне снился сон.

Я стою, судорожно вцепившись в мраморную балюстраду. Внизу город. Живой, цветущий, полный красок и ароматов наступающей весны.

Я смотрю в небо.

Через все небо летит огненная стрела. Все ближе.

Она летит, и у меня сжимается сердце.

Когда она упадет — я знаю, что будет.

За моей спиной стоит человек. Я понимаю, что знаю его, но не узнаю, возможно, мы встретимся позже, а, может, это просто какой-то бред. Он хисирец, такой же рыжий и зеленоглазый, как и все они. Невысокий, худой, он выглядит совсем мальчишкой, ровесником, хотя я точно знаю, что он старше. Такой лопоухий, и это еще больше подчеркивают совсем коротко стриженные волосы, все лицо в веснушках.

Он берет меня за плечи, руки у него очень сильные, крепкие.

— Давай, Соле, — говорит он. — Ты сможешь.

* * *

— Так, говорите кому чего и сколько надо. Давайте побольше брать, чтоб не ходить лишний раз, но и так, чтоб мы, все-таки, смогли это унести. — Вэй, парень с третьего курса, сидел за столом на кухне, составлял список.

Наши парни теперь ходили на рынок большой толпой, в основном старшие, те, что могли за себя постоять. Те, кто мог использовать магию.

Регар научился использовать огонь, мог достаточно быстро создать и швырнуть огненный шар. Но боевая магия не наша специальность, для самообороны нужно использовать что-то менее травмоопасное. Швырять шары не позволяет закон. Мастер Патеру сказал нам, что если кто-то применит заклинание вне рекомендованного списка, то тут же будет отчислен и отправлен домой, к мамочке. Я не сомневалась, что так и будет. У Бер-Сухта и без того сложное положение. Если подходить с умом — разрешенного хватит, чтобы защититься.

Джара научилась зажигать спички, поднимать и удерживать в воздухе небольшие

предметы, она могла даже устанавливать в воздух невидимый щит. От пули такой щит, конечно, защитить не мог, но брошенный камень потеряет скорость, увязнет и, пролетев еще немного, упадет к ногам. И людей не пропустит. Только на все это требовалось время и долгая концентрация. А на улице время может не оказаться. Да и не все выходило с первого раза.

Ина могла управлять водой, могла заставить капли собраться вместе или разбежаться, могла устроить бурю, не в море, конечно, а только в небольшой миске. Она старалась.

Старшие могли больше и быстрее. Вэй мог создать такой же воздушный удар, как Лан. Проблема была в том, что заклинания он читал вслух, нараспев, закрыв глаза.

А как же все эти слова о «наследниках Тарра»?

Мы пытались задать этот вопрос. Ина пыталась.

— Даже не думайте, — серьезно говорил Вэй. — Вы можете знать и помнить, можете даже пробовать что-то у себя в комнате за закрытой дверью. Но даже не пытайтесь использовать на улице. Под влиянием мастера Патеру многие хотят попробовать совершить волшебство одним усилием воли, но уже после первой аттестации это желание резко улетучивается. Хотите выжить и чего-то достичь — делайте как положено. Особенно сейчас.

— Почему сейчас?

Арек, его сокурсник, покачал головой.

— Два года назад нам разрешали пробовать. Нельзя было только использовать в работе, на виду. Но после того, как этой весной Хедер, выпускник Бер-Сухта, в одиночку обошел охрану Литьяте и разнес на клочки илитрийского сенатора на глазах у всех, нас чуть не закрыли.

Я что-то слышала об этом... В Одле, столице Этора, во время выступления, прямо на трибуне, представителя и консультанта метрополии взорвали с помощью магии. Я помню статьи в газетах. «Какая дикость! Какой кошмар» — кричали они. «Всех этих безумных колдунов без лицензии надо запретить. Стерилизовать. А лучше перестрелять, для верности». Помню, как отец обсуждал это с капитаном Баретом. «Это провокация, — говорил капитан. — Они ищут повод, чтобы еще больше прижать Этор. Ты бы лучше держал девочку при себе, а то мало пи...» Потом меня выгнали наверх, в свою комнату... это взрослые разговоры. Тогда я не отнеслась серьезно, магия и училище были слишком далеко и вообще, как казалось, не имело ко мне никакого отношения. В следующем плавании капитан погиб. Как сказали — напился и упал за борт. Отец не поверил, конечно.

— Я помню Хедера, — сказал Вэй, — позапрошлым летом он приезжал к мастеру Патеру. Он родом из Ригдела, окончил Бер-Сухт пять лет назад, потом работал в каком-то крупном поселке на юге Этора, в основном по аграрной части. Тихий, скромный парень, женился там на местной девушке. Все рассказывал, как у них хорошо растет виноград, не боится никаких заморозков, и к осени должны собрать первый урожай. Про дочек еще рассказывал. Сложно поверить, что он способен на убийство.

— Хедер поругался с мастером Патеру, — сказал Арек. — Мастер, кажется, раскритиковал его работу, сказал, что нельзя излишне использовать магию, нельзя с помощью волшебства выращивать то, что не растет. Никакого винограда в снегу. Это убивает землю.

— Но у нас всегда так делают... — сказала я.

— Вот именно, — сурово сказал Вэй.

Мертвое море Салотто, каменистые пустоши под Ладеей... В Налар-Сухте винят магию

Она постучала к нам в дверь глубокой ночью, все уже спали. Наша комната ближе всего к выходу из жилых.

Открыла Джара.

— Ого! — сказала она. — Пойдем, он не здесь.

— Что там? — спросила Ина.

— Алеса. Сбежала из дома, пришла к нам.

Когда мы с Иной переглянулись, встали, зашли к нашим парням. Алеса уже рыдала у Кера на груди. Кер еще не вполне пришел в себя, сидел, опираясь спиной на подушки. Он выглядел ошарашенным, но довольным.

— Этого еще не хватало, — буркнул Лан за спиной.

Алеса сбежала из дома. Отец запер ее, но она все равно сбежала. Отец грозился, что убьет, кричал, что она обесчестила семью. Приличная девушка никогда бы не пошла на такое. Побоялась бы родителей. Подумала бы, что скажут люди! Грозился, что если еще хоть раз увидит рядом Кера — обязательно убьет. Обоих. Виданное ли депо — спутаться с илитрийскими магами.

— Мы не илитрийские маги, — возмутилась Ина.

— Да? — удивился Лан. — А где мы все получаем лицензии и проходим аттестацию? Разве не там?

Там. Но никто не ответил, все промолчали. Как бы там не было, Бер-Сухт всегда стоял чуть в стороне. По крайней мере присягу в полной мере заклинатели не приносят. Литьяте не контролирует их.

Но разве людям объяснишь? Колдуешь — значит враг.

— Не прогоняйте меня, пожалуйста, — плакала Алеса. — Я не вернусь домой. Никогда не вернусь! Я хочу быть с тобой! Пожалуйста!

Кер обнимал ее, счастливо улыбаясь.

— Я тебя никуда не отпущу, — говорил он. — Мы всегда будем вместе. Все будет хорошо. Не волнуйся...

Регар зловеще поглядывал на Лана, с плохо скрываемым торжеством. «Вот, смотри! — говорил его взгляд. — Мы выиграли! Уделали их. Девчонка теперь с нами».

Утром, вместо занятий по истории и мастера Патеру, нас встретил Кожаный Человек. Регар заметно подобрался, словно рассчитывая получить хорошую взбучку. Керу повезло, он пока на занятия не ходил. Ина тоже напряглась.

— Уже разболтала? — зло, в полгопоса, она поинтересовалась у Джары.

— Нет. Когда же я успела?

— Не знаю. Что, по-твоему, ему надо? Эта глупая Алеса прибежала сама, а мы окажемся виноваты.

Кожаный Человек не спешил нас ругать. Он сидел за столом, прямо перед нами.

Мы уже давно занимались в маленькой лаборантской, здесь теплее.

— Регар, подбрось дров в печку, будь добр, — сказал он.

— А где мастер Патеру? — спросила Джара.

— Мастер Патеру просил меня позаниматься с вами, — сказал Ил-Танка. — Неофициально, конечно. Будем считать, что я заменяю его на время болезни. Попробуем разобрать с вами основы псионики. Я, конечно, не смогу за короткое время научить вас чему-то серьезному, но, возможно, и эти скромные знания пригодятся.

Ина закатила глаза. «Только не это», — читалось на ее лице.

Регар открыл задвижку, поворошил угли в печке, подбросил еще дров. Какое-то время было слышно только как потрескивают искры и гудит в трубе.

— Для начала, — сказал Ил-Танка, — попытаемся научиться не думать слишком громко. Я прекрасно слышу большинство из вас, и не потому, что хочу услышать, а потому, что вы полностью открыты. Вас всех учат в детстве не бубнить под нос, не разговаривать вслух сами с собой. А теперь надо научиться сами с собой не думать. — Ил-Танка хмыкнул и, если бы мог, он бы, наверно, улыбнулся.

— Между прочим, закрываться — это первое чему учат на юридическом и финансовых факультетах Салотто. И учат совсем не магов, а обычных людей. Псионика вообще не так уж сильно связана с магическими способностями. Магия дает широкие возможности, усиливает действие во много раз. Но сама по себе псионика — это лишь ваша воля. Стоит захотеть. Да-да, именно об этом мастер Патеру и говорит. Это другая магия. Даже в Литьяте не нашли способа делать это иначе. Усилие воли.

— Но какой смысл закрываться? — спросил Регар. — Вы, если захотите, и так узнаете, что мы думаем.

Кожаный Человек кивнул.

— Я — да. Но для этого мне придется применить силу, а это, обычно, запрещено. Инспектор, проводящий аттестацию, не имеет таких полномочий. А вот если вы думаете вслух — он имеет полное право слушать. Решайте, хотите ли вы выложить ему все.

* * *

На работу Лан не пошел, остался со мной.

С работой совсем плохо. Ему еще в прошлый раз сказали, чтоб больше не совался. Сказали — извини, парень, но и своим работа нужна, а ты, колдун недоделанный, иди-ка лучше... Больше для тебя ничего не будет.

К морю мы тоже не пошли. Сидели на старой скамейке на заднем дворе, с видом на море. Лан обнимал меня, и от этого становилось теплее. Было так хорошо, только рука еще немного ныла.

— Что ты теперь будешь делать? — спросила я.

— Там поглядим, — Лан отмахнулся. — Пока придется экономить.

Денег у него оставалось совсем мало, а заработать теперь негде. В городе давно уже не хотели давать работу для нас, только он еще как-то умудрялся держаться.

— У меня есть, — осторожно сказала я. — Отец прислал, пока хватит. Мы могли бы...

— Нет.

Лан так странно на меня посмотрел, я смутилась.

Море катило громадные волны, черные, с белыми барашками на гребне. Гудело... Да, отсюда был слышен только далекий гул. А ветра почти не было.

— Лан, а ты умеешь читать мысли? Ну, ты тоже слышишь, что я думаю?

— Немного, — сказал он. — И не очень разборчиво. Тебе не стоит бояться, что я услышу что-то лишнее. Не думай об этом.

— Я и не думаю.

Лан со значением поднял одну бровь. Он, конечно, все знал.

Я смотрела на море.

Мелкие снежинки кружились и падали на его плечи.

— Лан, скажи... почему я?

— Что?

— Почему я, Лан? Почему ты со мной? Почему не с Джарой, например? Чем я лучше?

— Глупенькая. Разве любят за что-то?

— Не знаю... я не...

Он чуть-чуть развернул меня к себе, заглянул в глаза.

— Соле, скажи, ты меня любишь?

Я закусила губу. Пришлось собрать все свои силы, чтобы найти ответ.

— Не знаю, — сказала честно, только сейчас поняла, что это действительно именно так. — Прости, Лан, но я не знаю.

Лан нахмурился. Чуть наклонил голову на бок, разглядывая меня. Он не обижался на мои слова, нет... что-то другое. Ему было сложно поверить.

— А ты меня любишь? — спросила я снова. — Только честно, Лан. Я не умею слушать твои мысли, но не думай, что я не способна понять.

— Ты меня так удивляешь, Соле, — серьезно сказал он. — С каждым разом удивляешь все больше. Ты... Знаешь, Соле, наверно я тоже не знаю, любовь ли это. Но я все больше и больше привязываюсь к тебе. И еще я знаю, когда... если, да, если понадобится, Соле, я буду готов отдать за тебя свою жизнь. Честно.

Он закрыл глаза, отвернулся. Очень долго сидел молча. Снежинки ложились на его воротник, на лицо, таяли...

Потом он резко поднялся на ноги.

— Знаешь, я все-таки очень люблю тебя, Соле! — в его голосе звенел вызов. — Я люблю тебя, поняла! Пойдем.

Он подхватил меня на руки.

Я лежала на Лане, задумчиво рисовала пальчиком замысловатые узоры на его груди. Он обнимал меня и придерживал одновременно, чтоб не падала. Было тепло, уютно и очень хорошо.

— Тебе снятся такие интересные сны, Соле, — сказал он.

Мы только что проснулись. Вдвоем. Если спишь вместе, можно увидеть один сон на двоих.

Мне снилась смотровая площадка и огненная стрела в небе.

— Ты думаешь, это интересно?

— Да, — серьезно сказал он.

— Я не понимаю, что я должна сделать? Что у меня должно получиться?

— Видимо, спасти всех, — сказал Лан.

— Спасти? Я? От огня?

— Мне кажется, твой сон именно об этом.

— Этого не может быть.

Лан пожал плечами.

— Неизвестно, получится у тебя или нет.

— Неизвестно... Но почему я?

Да чего уж тут, конечно, не получится. Разве смогу я?

— Значит, у тебя есть силы такое совершить, — спокойно сказал он, словно это было само собой разумеющимся. — Не зря же тобой интересуется Литъяте.

— А они мной интересуются?

— Да.

— Они... Тот человеку меня за спиной?

Лан вдруг засмеялся.

— Нет, не думаю.

— А кто это? Лан, ты знаешь?

— Ну, догадываюсь, — сказал он уклончиво.

— Догадываешься? Кто?

— Соль, придет время... Не спрашивай.

— Мне все время кажется, что ты чего-то не договариваешь.

— Есть немного, — Лан улыбался. — Солька, не обижайся, но всего сказать я действительно не могу.

— Может быть ты сам агент Литъяте?

Я сказала наобум, просто так, но вдруг поняла, что угадала. Внутри все похолодело. Я осторожно сползла с него, села рядом.

Он промолчал, потом чуть приподнялся на локтях.

— Лан...

— Это ничего не меняет.

Это многое меняло и многое объясняло. Даже удивительно, как хорошо теперь складывалась картинка, все сходилось. Как же я не видела раньше?

— Ты и матросом на китобойце не работал, да? — сказала я.

Он покачал головой.

Конечно, какой матрос с такими руками, я помню...

— И ведь, наверняка, не после второго курса сбежал. Ты закончил? Лицензию получил? Так? Лан, сколько тебе лет?

— Подожди...

Он приложил палец к губам, вытянул шею, прислушиваясь.

Вначале показалось, он просто хочет меня отвлечь, тянет время.

Потом я тоже услышала.

Тихий гул, словно из-под земли. Вибрация, сначала едва уловимая, потом все нарастающая. На столе задрожала и запрыгала керосиновая лампа.

Я испугалась.

— Лан! Это твои фокусы?!

— Нет, — он вскочил на ноги, быстро поднял меня. — Давай, одевайся.

— Что это?

— Землетрясение. Скорей.

Он натягивал штаны и быстро-быстро бормотал что-то под нос. Я поняла что, только когда с потолка посыпалась штукатурка. Лан тут же дернул меня к себе, заставляя прижаться. Над нашими головами развернулся защитный купол, куски штукатурки отскакивали от него.

— Скорей!

Я кое-как справилась с сапогами, схватила куртку, а Лан уже тащил меня из комнаты.

— Шапку! Подожди, я шапку забыла!

— Потом.

Мы бежали через пустые коридоры, все ходило ходуном, падало, лопались стекла. Я что-то кричала... даже не помню что. Паника, ужас... Лан крепко держал меня, не давая упасть, замешкаться. По коридору...

Потом по лестнице вниз, и мимо жилых комнат на улицу.

Мороз ударил в лицо.

Все наши уже выскочили. Стояли сейчас с круглыми глазами и трясущимися руками застегивали пуговицы, плотнее заворачиваясь в одеяла, натягивали шапки, варежки, кто что успел схватить.

Лан обвел их взглядом.

— А Джара? Где?

— Понятия не имею, — сказал Регар. — Не видели.

— Она что, не выходила с вами?

— Нет.

Секунда колебания, и Лан рванул назад.

— Стой! — крикнула Ина. — Она к своему пошла. С вечера еще.

Лан на бегу споткнулся, растянулся во весь рост. Щит не сработал, он здорово ободрал об лед ладони.

* * *

Алеса плакала.

Она и сразу была не рада, лишь увидев, в каких условиях придется жить. В комнате

вшестером. Не то чтобы в городе было намного лучше, но в городе все знакомо, там родители, братья и подружки. А здесь только чужие люди, многие из которых вовсе не рады Апесу видеть.

Даже мне было ее жаль, такая растерянная, несчастная... Чем-то напоминала меня саму — и не убежать, и не остаться. Но у нее был Кер, а у меня... Был ли у меня кто-то, на кого я действительно могла бы опереться? Лан? Я боялась ему полностью доверять. А Хаген... Этс ведь он вернул меня, он... Не знаю...

Алеса убежала бы обратно домой, если бы не боялась отца. Если бы была хоть какая-то возможность. Она не ожидала, что здесь будет так.

Нет, она любила Кера. Конечно, любила, но...

Землетрясение окончательно доконало ее. Холод, сквозняки. Стекол почти не осталось, достать целые оказалось совсем не легко... найти, вынуть, поставить в свои рамы. Одно из трех окон на кухне вообще просто забили досками.

И шаткое положение, в котором она оказалась.

Кер ходил страшно мрачным. Он считал — это его вина, его ответственность. Из-за него она здесь.

— Я не могу так больше! — всхлипывала Алеса, забравшись с ногами на кровать, обхватив колени руками.

— Не можешь — иди домой, — Ина смотрела на нее с плохо скрываемым раздражением.

— Я не могу домой. Отец убьет меня.

— И правильно сделает, — говорила Ина.

— Ина прекрати! — возмущался Кер. — Так нельзя.

И нежно обнимал Алесу за плечи. Алеса плакала.

— Хочешь, я пойду с тобой? — говорил он.

— Даже не вздумай, — строго говорил Регар. Алеса качала головой.

— Нет, не хочу. Не надо, так будет хуже.

* * *

— Не нужно все делать строго по схеме, — говорил мастер Ил-Танка. — Если у вас получается — прекрасно, вы сможете использовать это легально. Но если по схеме не выходит, делайте по-своему. Иногда это необходимо. Вы должны знать, что у некоторых способность закрываться срабатывает рефпекторно, независимо от магических способностей. Проверить это обычными способами почти невозможно, а если уж депо дойдет до силовой проверки, значит вы прокололись в чем-то более серьезном.

Мастер Ил-Танка сидел за столом, сложив перед собой руки, сцепив пальцы. Пальцы его больше походили на кожаные перчатки... и казалось, перчатки можно снять, под ними обычные пальцы.

— То, что я говорю сейчас — незаконно, — Ил-Танка внимательно разглядывал нас своими ужасными глазами. — Но мне уже давно нечего бояться, а как поступать вам — решайте сами. Это ваша жизнь и ваша ответственность. Но знать о такой возможности вам следует.

У меня традиционно ничего не получалось. Я выучила заклинание, могла все правильно

и четко повторить, но ничего не выходило.

По-своему — это как?

— Попробуйте вспомнить что-то из вашего прошлого, может быть из детства, — говорил Ип-Танка.

— Может быть, вы пугались чего-то, пытались спрятаться, может быть кто-то обидел вас. Может быть вы даже пробовали закрыться, убежать, представить между вами и обидчиками невидимую стену, может быть, вы пытались представить себя в коконе, где хорошо и спокойно, может быть, как-то иначе. Даже если не пытались, то попробуйте представить это сейчас. Используйте то, что вам близко и понятно, что-то личное. Что-то из вашего прошлого.

У меня было. Честно говоря, вспоминать такое было неприятно, я всегда старалась забыть, не думать вообще. Я пряталась. Убегала в самые дальние уголки дома. Представляла себя под огромной стеклянной банкой. Если подумать — смешно, наверно. Под банкой. Но тогда мне было не до смеха. Я чувствовала себя такой одинокой, мне вечно казалось — от меня одни беды. Я виновата во всем. Мне казалось — я чудовище, все мое лицо покрыто шрамами от оспы... Другие дети не играли со мной. Я ненавидела и боялась их, всех разом, за то, что они так обходятся со мной.

Ип-Танка смотрел мне в глаза. Я слишком громко думаю. Да, мастер, я тоже была чудовищем... по крайней мере, мне так казалось.

Однажды, уже будучи достаточно взрослой, спрятавшись, отгородившись, я начала задыхаться, потеряла сознание. Меня едва спасли, откачали, отец говорил, я была вся синяя. После этого отец отвел меня к магу-цепитепю, который вылечил кожу и обнаружил способности. Тогда на меня надели кольцо. Больше прятаться я не пыталась.

— Снимите кольцо, Соле, и попробуйте снова.

— Но ведь снимать нельзя.

— Не бойтесь. Под мою ответственность.

Я сняла. Неуверенно покрутила, положила на стоп.

— А теперь попробуйте. Представьте, что вы тут одни, что все остальные далеко-далеко, за стеной. Закройте глаза.

Я представила.

Сначала было очень трудно, я не могла сосредоточиться, постоянно думала, получится ли у меня, думала, как там другие?

— Не думайте ни о чем, — сказал мастер Ил-Танка, голос у него такой спокойный, ему сразу хотелось верить. — У вас полно времени, можете пробовать хоть до вечера. Не волнуйтесь. Все хорошо.

Не знаю, как там другие... я сидела, закрыв глаза.

Вспомнить свое детство. Что делать, если я не хочу его вспоминать? Как это мне поможет?

Я еще девочка, совсем одна... Я ведь не хочу, чтобы мои мысли слушали посторонние. Не хочу, чтобы они знали то, что я не хочу рассказывать. Мои мысли — мой мир. Я сижу под своей банкой и никого не хочу пускать... я представила. Позволила энергии свободно течь по моему теплу, заполнить все. Между мной и миром — стена. Я хочу, чтобы все от меня отстало, оставило в покое. Я хочу домой. Не хочу никого видеть. Не нужно мне всего этого, я не хочу магии, не хочу той ответственности, которую на меня хотят взвалить, не хочу никого спасать!

Оставьте меня в покое!

И тут меня накрыло.

Я очнулась уже на попу, рядом суется Ина, за ней Джара и Лан, Хаген перепуганный до смерти.

Я судорожно глотала ртом воздух. Совсем как в детстве.

— Ну ты, мать, даешь! — Ина протянула мне водички попить. — Ничего не умеет она!

— А что?

Ина потерла плечо.

— Щитом своим как шарахнула! Хорошо не в лоб. А потом прям припадок случился.

— Это не припадок, — сказал мастер Ил-Танка. — Просто Соле решила не мелочиться, и вместе с ментальным щитом создала еще полный физический. Такой, что даже воздух не пропускает. Знаете, Соле, вы в следующий раз, что ли, представляйте в вашей банке небольшие отверстия, а то задохнетесь.

Я растерялась. Так значит...

Никогда не воспринимала это как магию. Так значит и в детстве тоже?

Значит, я все-таки, что-то могу?

Невероятно.

Мастер Ил-Танка протянул мне мое кольцо.

— Будьте осторожнее, Соле. И побольше верьте в себя.

Я протянула руку, взяла кольцо с его ладони. Стоило дотронуться, и словно ударило током.

* * *

Наши парни, вернувшись вечером из города, принесли ведро мелкой бросовой рыбы, несколько лепешек и десяток яиц.

— Это на всех? — спросила Джара.

На тридцать человек. Нет, у нас, конечно, есть запасы крупы и муки, но и они не бесконечны.

— На всех. Это Лан как-то уболтал, а то бы и рыбы не было.

И этого не хотели продавать. Настроения в городе были не веселые, самим не хватало, а тут еще эти заклинатели. Море наступало, волны налетали, грозясь перемахнуть каменный вал, еще немного — и затопит. Поговаривали, что пора строить новые заграждения, и если так пойдет депо, придется уходить совсем.

Но многим уходить некуда, не у всех есть родственники в других городах, не всех там ждут. Не у всех есть деньги для переезда, в конце концов. У людей здесь вся жизнь. Особенно у стариков...

И без того беспокойно.

Землетрясение добавило паники.

Напар-Сухт — небольшой городок, живущий в основном за счет моря. Рыбная ловля, китобойный промысел, перевалочный пункт для судов из Одле или Сатара. Без моря не выжить.

И дальше будет хуже.

— Хаген! — я догнала его в коридоре, рано-рано утром, все еще спали, а Хаген, как обычно, уже пошел умываться. — Хаген, подожди.

Он остановился, но так и остался стоять ко мне спиной.

— Почему ты бегаешь от меня?

Я обошла его, встала напротив, пытаюсь заглянуть в глаза, но он отворачивался.

— Я не бегую.

— Тогда можно с тобой поговорить?

— Сейчас? — легкая досада в голосе. — Уже пора собираться.

Я так долго тянула, что больше ждать не могла.

— Хаген... — я и сама не верила своей смелости. — Послушай, скажи мне, как у тебя дела? Через две недели аттестация...

Я не знала, как сказать. Волновалась. Мне ведь все равно ничего не будет, даже если ничего не смогу комиссии показать. Ну, что мне может быть? А ему?

Хаген покачал головой. Отвечать ему не хотелось.

— Но ведь можно же что-то сделать? Ведь можно? Еще есть время. Как же...

— Можно, — спокойно ответил он. — Ты не думай об этом, Соле.

— Я сама решу, о чем мне думать, — сердито сказала я.

Хаген улыбнулся, я наконец-то увидела его глаза. В глазах были только усталость и безразличие, я даже испугалась. Да и сам Хаген похудел, наверно, вдвое с начала осени, куртка мешком видела на плечах, щеки ввалились.

— Мастер Ил-Танка говорит, что я сам выстроил внутри себя стену, и теперь не могу справиться с ней. Что бы я не делал — выходит только хуже, — он говорил так спокойно, словно не о себе. — Если слишком пережать, то защиту может сорвать, и тогда вообще не понятно, что будет. Я боюсь, Соле. Боюсь, что от моих попыток справиться с магией и тем огнем, что спрятан внутри... я боюсь, что пострадают люди. Я не хочу так.

— Не пострадают, Хаген... ведь тут маги, они смогут...

Хаген не очень-то верил.

— Да, маги. Мастер Эйфен и учитель Макато не хотят со мной связываться, бояться. Мастер Патеру пытался, но... ты знаешь, последнее время ему уже ходить тяжело, не то что со мной.

— А Ил-Танка?

Я вдруг поняла, что у меня дрожат руки. Ну как же! Ведь обязательно должен быть выход!

— Мастер Ил-Танка сказал, что может сломать защиту силой. Но, скорее всего, я потеряю память и вообще... сильно изменюсь. Эта стена — часть меня, я жил с ней слишком долго.

— Хаген... — голос дрогнул, я поняла, что еще немного и польются слезы. — Хаген, ну так же нельзя...

— Все нормально, Соле... не переживай.

Он улыбнулся. Но от этой улыбки мне стало совсем нехорошо.

А потом повернулся и ушел.

После занятий выяснилось, что сбежала Алеса. Оставила записку Керу на кровати и сбежала. «Я иду домой. Не ходи за мной, пожалуйста. Люблю тебя. Прости».

Вот так.

— Дура малолетняя, — буркнула Ина. — Сама не знает, чего хочет.

Кер напился. Они с Регаром сидели на кухне, прикончили на двоих нашу бутылку. Ина пыталась подойти, но ее прогнали.

— Подожди, ладно, — сказал Регар. — Не сейчас.

Кер был не столь вежлив, он орал что-то на счет: «все бабы дуры, от них все зло». Ина, впрочем, была согласна.

Братья так и просидели весь вечер в дальнем углу. Мы сначала пытались не ходить на кухню и не мешать, но есть хотелось, поэтому просто не лезли к ним с разговорами.

Наварили перловой каши, достали немного солонины из запасов — вот и весь обед. Рыбу уже съели, а за новой идти в город теперь не так-то просто. Кто знает, как там встретят.

Я села за стол подальше от Лана, он сделал вид, что не заметил. А, может быть, ему на самом деле все равно. Не знаю... Он ведь почти признался. Я хотела знать, что еще он скрывал от меня, в чем врал. Но разговаривать не хотелось. Ведь не было никакой любви. Не было. Зачем все это? Сначала я старалась не думать, все гнала от себя эти мысли, но потом — накрыло.

Видела, как к Лану подошла Джара, что-то тихо сказала, он отмахнулся. Джара посмотрела на меня, так, со значением. Я непроизвольно выпрямилась, подобралась, поджала губы. Джара улыбнулась.

Она знала. Мне теперь кажется, она все знала с самого начала. Поэтому и жалела меня. Лан использовал меня, а Джара знала и жалела, и вовсе не ревновала... чего уж тут ревновать? Джара не только фантастически красива, но и умна, я вечно чувствовала себя ребенком рядом с ней.

Да, Лан, сволочь, меня использовал.

Литьяте мной интересуется! Ну, конечно.

Мало того, мастер Патеру, да и Кожаный Человек тоже, знали наверняка, от них не спрячешься. Одна я...

Ради чего вся эта игра? Для чего я им? Бред какой-то. Такие серьезные люди рассуждают о моей причастности к страшным событиям, все эти сны... Как я умудрилась во все это вляпаться? Почему я?

Вновь почувствовала себя одинокой. Страшно одинокой. Выродком, чудовищем, за которым нужно следить, которого нужно остерегаться. Хуже Ил-Танки, с ним хоть сразу все понятно, а я...

Я старалась не думать об этом. Закрывала глаза.

Не хочу.

Я всегда хотела только, чтобы меня оставили в покое. Чтобы меня, если не любили, то хотя бы относились хорошо, по-человечески. Неужели я не заслужила нормальной жизни и нормального отношения к себе? Еще недавно мне казалось, что все наладилось, что я справлюсь.

Как так вышло?

Больше всего мне сейчас хотелось побыть одной. Чтобы оставили в покое. Да, оставили в покое! Совсем!

Сухой треск.

Я вздрогнула. Разом открыла глаза. Мне показалось, вокруг мелькают искры. Туман...

— Соле! Соле! — кричит кто-то. Зовет меня. А я даже не пойму кто это.

Я делаю глубокий вдох. И еще. Стараюсь прийти в себя, взять себя в руки.

Я опять делаю что-то не так.

Что-то...

Чуть не запаниковала.

— Соле!

Я моргнула, тряхнула головой.

Передо мной стоял Лан.

— Все нормально, Соле, — говорил он. — Просто дыши. Все хорошо.

Так пристально, очень сосредоточенно смотрел на меня.

За одно мгновение поднялась волна злости — он ведь опять лезет ко мне в голову! Поднялась, и тут же улеглась. Спокойно, Соле. Дыши. Все хорошо. Не здесь и не сейчас. Возьми себя в руки.

На нас смотрели. Оборачивались. Кто-то даже встал с места.

Нет, никаких представлений не будет. Я не упаду в обморок.

— Соле, — голос Лана такой спокойный и ровный, что диву даешься, — ты совсем бледная. Пойдем, подышим воздухом.

Наверно, к лучшему.

— Пойдем.

Он взял меня за руку, помог одеться.

На улице ветер сбивал с ног, какие уж тут разговоры?

Мы стояли на крыльце. Я все шурилась, снег летел мне в глаза. Лан улыбнулся. Чуть-чуть подвинул меня, встал, загораживая ветер спиной.

— Я плохой маг, — сказал он. — Если бы на моем месте был Ил-Танка, ты бы никогда в жизни меня не раскусила. Прости меня, Соле. Это моя работа. Но я ведь не так много тебе врал. Я не врал в главном. Ты действительно очень дорога мне. По-настоящему. Ты нужна мне.

Он стоял совсем близко, я чувствовала его дыхание, видела его глаза...

Меня разрывали настолько противоречивые чувства, что я никак не могла справиться.

Я ненавидела его. Но, боги всемогущие, как же я хотела быть с ним! Несмотря ни на что.

Земля уходила из-под ног. Я столько всего хотела спросить, и не могла.

Голова кружилась.

Я же хотела спросить...

— Ты выиграл, Лан, — сказала я. — Ты выиграл, а Хаген проиграл.

— Что?

Он не ожидал такого, аж в лице переменялся.

— Объясни мне, Лан. Объясни, и я поверю тебе. Как это вышло? Хаген ведь хотел тебя убить. У него были причины, я... Он понял, что ты не тот, за кого себя выдаешь. Он хотел с тобой драться. Как вышло, что ты заставил его замолчать? Он ведь даже шарахается от меня.

Вообще не разговаривает. Что это? Только честность? Проиграл, значит проиграл? Только это? Или магия? Или... Я не знаю... Он ведь готов был умереть... — я запнулась, вздохнула, собираясь с силами. — Лан, скажи мне. Если ты хочешь, чтобы я верила тебе. Скажи.

Лан нахмурился, скрипнул зубами.

— Объясни, что случилось, — попросила я.

У меня сердце замирало и била дрожь.

Лан кивнул. Глаза стали жесткими, холодными.

— Он боится за тебя, Соле. Он боится, что ты снова сломаешь руку, или случится что-то еще. Поэтому молчит.

Я...

Как?

Я не могла поверить.

— У-у... у него что, есть основания бояться?

— Есть, — сказал Лан. — Ты хотела правду, Соле. Это правда. Ставки слишком велики.

* * *

Утром пропал Кер.

Регар пытался найти его, ходил, звал, кричал... не нашел. Как прозевал? Проснулся, а его нет. И даже следов не найти, все замело.

Часть 2. Усилие воли

Его нашли следующим вечером на лестнице у подножья скалы. Мертвого.

Лицо разбито так, что почти не узнать, только по одежде... и еще по серебряному кольцу Литьяте на пальце. Весь в грязи и крови. Руки переломаны в нескольких местах.

Я даже не пыталась разглядеть, мне просто становилось плохо. Не нашла в себе сил подойти.

Регар на руках занес его наверх. Молча. Вообще ни слова.

Ина рыдала. Джара пыталась успокоить ее, но у самой слезы текли по щекам.

За что его так?

Из-за Алесы?

Мастер Ил-Танка подошел, встал рядом.

— Послушайте меня внимательно, — громко сказал он. — Больше никто не ходит в город без моего разрешения. Никто не ходит один. Вообще никто.

Ина посмотрела на мастера с ненавистью.

— Такое горе, а ему только командовать.

— Я хочу, чтобы это не повторилось.

— Не повторилось?! — Ина злилась, ей хотелось хоть на кого-нибудь выплеснуть горе. Даже мастер Ил-Танка уже так не пугал ее. — А вы знаете, мастер, за что его? Кто это сделал? Просто за то, что учится на заклинателя? Мы теперь будем шараться от каждого куста.

— Я узнаю, — холодно сказал Ил-Танка.

— Как?

— Я пойду и узнаю.

— Один? А как же «не ходить в одиночку»? Вам можно?

— Можно, — Ил-Танка слегка задумался. — Латаре! Пошли, ходим.

Лан ошутимо вздрогнул. Наверно, он не рассчитывал никуда идти.

— Сейчас?

— Сейчас. Испугался?

Лан рассмеялся, встал.

— Пойдем, — сказал он. — Обеспечу тебе огневую поддержку, если что.

— Даже не вздумай, — Ил-Танка не был расположен к веселью.

Джара догнала их уже у выхода.

— Олиш! Подожди... — взяла его за руку. — Будь осторожен, хорошо.

Ил-Танка коротко кивнул, неуклюже высвободил руку, казалось, беспокойство Джары смущало его.

— А я? — спросил Лан.

— Да иди ты...

Джара фыркнула, отвесила ему подзатыльник.

На столе лежал мертвый Кер.

Регар, не обращая внимания ни на кого, принес ведро теплой воды, начал осторожно смывать грязь и кровь с лица брата.

— Это Алеса, — сказал Лан. — Она так хотела домой, что свалила все на нас. Мы, маги и заклинатели Бер-Сухта, лютые пособники Литьяте, похитили ее, силой и колдовством затащили на скалу, в свое логово. Она сопротивлялась, как могла, но мы задурили ей голову. Нас же, колдунов проклятых, хлебом не корми, только дай посовращать невинных девушек. Они теперь ненавидят нас еще больше.

— Вот сука, — зло зашипела Ина. — Сама втянула его в это, сама сбежала, а потом свалила на нас. Я убью ее, если увижу. Похитили ее! Надо же! Совратили!

— А кто вам это рассказал? — спросила Джара.

— Отец Алесы. Ил-Танка только глянул на него, и он сразу все рассказал. Задрожал весь, чуть не обоссался от страха. Теперь в городе нас ненавидят по-настоящему.

— Надо объяснить им, что мы тут не причем, — сказала Ина. — Так же нельзя.

— Зачем? — удивился Лан. — У них своя правда, наша им не нужна.

* * *

— Соле, я очень советую вам освоить еще хоть что-то, кроме защиты. Иначе ваши старания могут быть неправильно трактованы комиссией.

Мастер Ил-Танка попросил меня остаться после занятий.

Я стояла, нервно переминаясь с ноги на ногу.

— Я не могу. У меня ничего не выходит.

— Значит, вы плохо стараетесь.

— Я стараюсь изо всех сил.

— Нет, — Ил-Танка покачал головой.

Он говорил жестко и строго, но я чувствовала, никакой магии в этом не было. Он не давил на меня, не пытался испугать. Просто говорил что думает. Но все равно было ужасно обидно. Ведь я старалась!

— Я пыталась, но не выходит! Я просто не знаю как.

— Мастер Патеру говорил вам с самого начала — магия это усилие воли. Если у вас не выходит, значит этого усилия не достаточно. Вы плохо стараетесь. Заклинание, правильно выученные слова, могут направить энергию, дать вам уверенность, что все получится, но главное зависит только от вас. Вся магия здесь, — Ил-Танка положил руку на сердце, — внутри. Знаете, как учат в Литьяте? Первый месяц новичков непрерывно захваливают, убеждают в собственной исключительности, говорят, что они могут абсолютно все, что они невероятно круты, уже одним тем, что попали сюда. На волне эйфории у многих получают первые простые упражнения. И тут же их начинают бить по рукам. Вы бездарности, вы все делаете не так, ваше депо зубрить и делать строго как велят. В Литьяте работают профессионалы, они знают что и когда нужно сказать детям. Для магии нужна вера в себя, особенно в начале.

— А что происходит с теми, у кого не получилось сразу? — спросила я.

— Их отчисляют. Те, кто не успел начать с общей волной, уже, скорее всего, не смогут. Отношение к студентам изменилось, уверенности в собственных силах больше нет. Некоторым удастся остаться, в основном за деньги семьи, но хороших магов из них уже не выйдет.

— Меня бы отчислили?

— Скорее всего. Но сейчас вопрос стоит не совсем так, Соле, вы должны понять. Если бы вы совсем ничего не могли, на вас бы махнули рукой. Но вы научились закрываться, и от магии в том числе. Только закрываться. Причем, делаете это очень хорошо. Учитывая, что в Литьяте вами интересуются, закрываться — не то, чего от вас ждут. Постарайтесь освоить что-то еще.

Я кивнула, хотя совершенно не представляла, как смогу это сделать. У меня не получится. Да, у меня не хватало веры. Не хватало воли. Но откуда ее взять?

— Найдите что-то, что вам близко, что-то личное, что нужно именно вам. Подумайте, что вы бы еще могли бы. У вас хороший потенциал. Все в ваших руках, Соле.

Я честно пыталась найти что-то свое, но не могла. Просто не понимала.

Что мне близко и нужно?

Да ничего.

Я не видела в магии своего будущего, я вообще его не видела. Все, что я хотела — чтобы меня оставили в покое. Все, что я умею — отгораживаться от мира. Я даже не уверена, что хочу что-то менять.

Наверно, так нельзя...

«Возможно, со временем ты поймешь», — сказал отец, провожая меня. «Не делай ошибок твоей матери. Она отказалась от магии, и ей казалось, что это правильно. Она выбрала дом и семью, она предпочла меня, мы же с ней были знакомы с детства. Я очень любил. Но если бы мог все вернуть, то не позволил бы сделать такой выбор».

Тогда я не понимала. Да и не слушала особо. Мне казалось — он хочет избавиться от меня. У него появилась женщина, я страшно ревновала... Мне все казалось — она задурила ему голову. Мне казалось — как он мог! Забыть маму! Боги, он двенадцать лет был один. Молодой, красивый, состоятельный. Да совсем молодой, ведь он был едва ли старше Лана, когда мама умерла, и двенадцать лет он не смотрел ни на кого. Но невозможно жить прошлым вечно. Я только сейчас начала понимать. Если она задурила ему голову — хорошо. Пусть будет с ней счастлив.

Я стояла у парапета смотровой площадки, чуть в стороне от жилого корпуса, смотрела на город, на далекие огни. Длинная гусеница поезда побежала вдаль, может быть даже в Салотто.

Я так хочу домой! Все бы отдала...

Мастер Ил-Танка спрашивал, чего бы хотела? Увидеть — как там, дома. Ведь это возможно? Иногда магия дает возможность уведт на расстоянии. Потянуться, закрыть глаза... Я очень хочу.

— Соль...

Он подошел, тронул меня за плечо, я вздрогнула, обернулась. До сих пор не решила, как к нему относиться. Я не верила Лану, даже боялась его, и в то же время...

— Как дела, Соле? — спросил он.

— Прекрасно, — сказала я.

В темноте его голубые глаза казались черными, в них мерцали отблески звезд.

— Хочешь прогуляться? — сказал он. — К морю?

— Нам в город нельзя.

— Мы не пойдем в город, — сказал Лан, — мы пойдем в другую сторону, на дикий пляж.

— Зачем?

Лан тихонько засмеялся.

— Ты настолько не веришь мне, Соле.

Я вздохнула.

— У меня нет повода тебе доверять.

— Я хочу это исправить. Постараюсь ответить на все твои вопросы.

— Хорошо, — согласилась я. — Тогда скажи, зачем тебе это нужно.

Лан закусил губу.

— Не можешь? — я усмехнулась. — Только не нужно рассказывать про любовь.

— Не буду. На самом деле, все не так просто, Соле. Не так просто объяснить. Знаешь, ты сильно изменилась за последнее время. Наверно, просто повзрослела. В таких условиях любой повзрослеет. Ты мне очень нравишься, Соле... да, не перебивай, пожалуйста. Это правда. Я тебе не враг, и никому здесь не враг. Моя задача — разобраться в этих снах, с предсказаниями. Постараться понять, как и когда это должно случиться, понять, как предотвратить. Ты ведь тоже хочешь спасти свой город, Соле? И я хочу. Я здесь, чтобы понять, как катастрофу можно предотвратить. Чтобы понять твое предназначение, помочь.

Мое предназначение! Как вышло, что это случилось со мной? Что во мне такого, что Литьяте даже посыпает агентов? Я не верила.

— Ты сказал... тот мой последний сон... ты сказал, что, возможно, я должна защитить?

— Да. Если это так, значит, моя задача — помочь тебе. Не нужно бояться.

То, что он говорил, так сильно походило на правду. Так искренне. И, все же... Может быть, я просто боюсь снова ему поверить?

Я смотрела Лану в глаза, он ждал.

— Не знаю, — сказала я наконец.

Лан протянул мне руку.

— Пойдем, погуляем? Очень хочется посмотреть на море вблизи, а одному не интересно. Ты ведь тоже любишь море?

— Люблю, — сказала я.

От лестницы к морю вела небольшая каменистая тропинка, петляющая среди камней, идти выходило дольше, но, пожалуй, оно того стоило. Дикое море. Совсем дикое, я не привыкла к такому. Без причалов, набережных и песчаных пляжей. Море гудело, разбиваясь о прибрежные скалы, на волнах покачивались белые тени. Белое на черном. И белая пена на гребнях.

— Вина у меня на этот раз нет, — сказал Лан, улыбаясь, — есть только сухарики. Хочешь?

Он достал небольшой пакетик из-за пазухи, протянул мне.

— Давай.

— Если замерзнешь, говори сразу, хорошо. Здесь такой ветер.

— И что ты сделаешь?

— Ну, могу снова поделиться курткой, — сказал он. — Потом можем пойти домой.

— Надеюсь, купаться ты не полезешь?

Он улыбнулся, мотнул головой.

— Только если вместе с тобой.

— В тот раз ты весь посинел от холода, — сказала я.

— Ну и что? Выжил же, ничего страшного. Бери еще сухарик.

Сухарики были вкусные, солененькие. Я отсыпала немного себе в карман.

— Скажи, Лан, если говорить честно... ты ведь любишь Джару?

Он вздохнул, чуть-чуть сморщился.

— Тебе действительно важно это знать?

Не знаю...

— Наверно, нет, — сказала я.

Как бы там ни было, это ничего не изменит.

Лан промолчал.

— Лан, а сколько тебе лет?

— Двадцать шесть, — сказал он, глядя на гудящие волны. — Я, между прочим, помню Ил-Танку еще по Литъяте, я учился на год младше. Не могу сказать, что мы дружили, но я знал его. Он всегда был очень способным, но, в тоже время, удивительно тихим и скромным парнем. Я увел у него девушку...

— А теперь он увел у тебя.

Лан кивнул.

Кто бы мог подумать.

— Ты же закончил, да? И принес присягу?

— Да, конечно. Двойная специализация. Но ни в том, ни в другом я не преуспел. Так, посредственные способности. Я всегда пытался доказать, себе прежде всего, что я чего-то стою, что я что-то могу. Очень боялся оказаться на вторых ролях. Готов был соваться куда угодно, лишь бы показать всем, что действительно что-то могу сам. Принимать решения. Делать то, что считаю нужным, и чтоб на это хватило сил. Смешно, наверно, да?

Мне было совсем не смешно. Чужая жизнь, как чужая реальность... что-то менялось во мне, перестраивалось.

— Знаешь, Ил-Танка говорит, что если маг сомневается в себе, то у него ничего не выйдет.

— Так и есть, — сказал Лан.

— А у тебя сразу все получилось?

— Да, как ни странно. У одного из первых. Дурацкой самоуверенности и меня всегда хватало.

— А какое было твое первое заклинание?

Лан усмехнулся.

— Звучит так, словно мы обсуждаем наш первый опыт в постели.

Я вдруг смутилась.

— Огонь, — сказал Лан. — Первое, что у меня получилось — огонь. Я же боевой маг по основной специальности. Огонь обычно проще всего.

Я кивнула.

— А у меня так ничего и не выходит.

— Получится, не волнуйся.

— Откуда ты знаешь?

— Я просто в тебя верю.

Лан чуть наклонил голову на бок, долго смотрел мне в глаза, разглядывая, потом вдруг вскочил на ноги.

— Хочешь салют?

И, не дожидаясь ответа, сложил ладони, словно в них что-то было, поднес их к губам, что-то тихо и быстро сказал, а потом словно выкинул в небо. Из его рук взметнулась

огненная стрела, взмыла высоко-высоко и, бабахнув так оглушительно, раскрылась огромным шаром мерцающих огоньков.

Просто дух захватило!

— Ух, ты!

Такие представления устраивали на площадях по праздникам, я всегда любила смотреть, мы ходили с отцом.

— Еще?

— Да!

Потрясающе!

Он выстреливал их один за другим — желтый, красный, зеленый! Я смеялась и хлопала в ладоши, словно маленькая. Было так здорово! А потом вместо шаров пошли звезды, сердечки и даже настоящие цветы, они взмывали в небо и падали мерцающим дождем. ОД Я прыгала от радости, забыв обо всем. Лан тоже совершенно искренне веселился.

— Давай вместе! — неожиданно предложил он. — Это не сложно, я тебя научу. Давай, сделай руки вот так...

Он подошел, обнял меня, сложил мои ладони.

— Поднеси к губам. Так. Теперь повторяй...

Я повторяла, очень старалась. А потом мы вместе выбросили в небо стрелу из моих рук. Вш-ш-ших! Она ушла в небеса!

— О-о-о! — кричала я. — А-а-а! Здорово!

— Это ты сделала. Ты! Давай еще, только теперь сама!

Первая стрела только пшикнула в ладонях и упала в море. Но у меня получилось!

Вторая взлетела метра на три, едва не обожгла...

— Давай, Соле, давай! Ты можешь!

Вш-ш-ших! Ба-бах! Огромный шар взорвался у меня надо головой.

— Ура! — кричала я.

От радости кружилась голова. Надо же, как это просто! Я тоже могу! У меня получается!

Мы пускали салют, наверно, больше часа. Кричали, смеялись, резвились. Потом, выбившись из сил, упали на снег, лежали обнявшись и смотрели на звезды.

* * *

Кера похоронили на небольшом плато на самой вершине. Я и не знала, что там целое кладбище. Ровные ряды могил. Большая часть — времен Эторской войны, защитники, маги...

Ина рыдала. Обняв ее, Джара рыдала тоже. Регар был предельно сдержан, он нарушил молчание только для того, чтобы прочесть молитву. Он не смотрел нам в глаза, отворачивался.

Мне было страшно. Мне все казалось, это не последняя смерть, я еще приду сюда. Так не должно быть, но...

Лан подошел, взял меня за руку. Я благодарна кивнула. Вдвоем легче.

Сколько я ни старалась, но больше никаких чудес сотворить не могла. Никакого салюта, никакого огня, даже маленьких искорок.

Мне все казалось — там, на берегу, за меня это делал Лан, а я лишь так... Все неправда. Не знаю.

Но, наверно, если меня спросят, то смогу ответить, что запускала с Ланом салют. Наверно, лучше, чем ничего.

Не могла сосредоточиться, не могла поверить в себя, да и ничего не могла. Мысли разбегались, в голове лишь звенящая пустота.

Я старалась тренироваться так, чтобы никто не видел моего позора. В одиночестве. Уходила подальше, на задний двор.

И однажды вечером, возвращаясь, увидела Хагена.

Хаген стоял у парапета, там, где и я в прошлый раз. Он был совсем белый, словно тень, сосредоточенный. Снег идет, а он в одной рубашке, кажется, рубашка уже начала покрываться корочкой льда. Что случилось?

— Хаген! — окликнула я.

Он повернулся, улыбнулся, так странно, словно извиняясь.

— Привет, Соле, — сказал он. — Я очень рад тебя видеть, я очень рад... Соле... мне надо тебе сказать...

Он запнулся.

Я не знала, что сказать. Испугалась.

— Соле... — он потянулся, коснулся моей руки кончиками пальцев, вздохнул глубоко-глубоко. — Соле, я очень рад, что встретил тебя.

Черные-черные глаза на белом лице. На секунду мне показалось, что он похож на покойника. Что он следующий...

— Что случилось? — тихо спросила я, голос дрогнул. Я и так понимала, но мне казалось, что пока есть время, все обойдется, все обязательно будет хорошо.

Но ведь времени-то совсем нет.

— Ничего, — сказал он. — Все нормально.

— Хаген, скажи, ведь уже скоро... скажи, как у тебя с магией?

Он покачал головой.

— Никак.

— Хаген... Как же так? Времени осталось меньше недели...

— Это ничего. Соле... — его пальцы сжали мою ладонь, такие холодные. — Я должен сказать тебе... Я люблю тебя.

Он смотрел мне в глаза, не ожидая никакого ответа. Я испугалась еще больше, почти до паники. Не понимала, как себя вести. Это было похоже на прощание. Нет! Только не так!

— Хаген! Ты с ума сошел! — от страха я закричала, удивляясь сама, никогда такого себе не позволяла. — Ты с ума сошел! Ты что?! Ты замерз! Окоченел весь, руки такие холодные! Иди домой, греться! Ты что! Ты... Зачем ты стоишь тут?!

Он молча смотрел мне в глаза. Я почувствовала, как щиплет глаза, как подступают слезы.

— Хаген...

Он крепче сжал мою руку, потянул к себе, и я поддалась, обняла его, сначала осторожно, потом крепко... прижалась... Он был такой холодный. Ледяной. Весь в снегу. Я прижималась к его груди, под моей щекой таяли снежинки.

— Сейчас, я согрею тебя, — мне отчего-то показалось, что я смогу. — Сейчас, сейчас.

Обязательно смогу. Если надо — можно все. Я учила заклинание, позволяющее согреться и просушить одежду, очень полезное для нашей жизни. У меня толком не получалось никогда, но теперь я чувствовала, как внутри разгорается тепло, нужно только выпустить его наружу. Сейчас... Одними губами, зажмурившись, я повторяла слова...

— Сейчас, сейчас...

Я бормотала нужные слова, одно за другим... кажется, я запуталась в них, но... Не важно, не нужны никакие заклинания. Я просто хотела помочь, я знала, что это необходимо. Сейчас.

И у меня получилось. Так просто, словно я делала много раз. Я поняла это, когда увидела, что ткань сначала становится мокрой от растаявшего снега, что идет пар. Я чувствовала, как Хаген начинает сначала начинает мелко-мелко дрожать, словно бьет озноб, потом мышцы расслабляются. Как меняется, становится глубоким и ровным дыхание.

Он очень мягко отстранил меня. Молча, глядя в глаза.

Я немного смутилась.

Первый порыв сошел, и я...

— Ну вот, — сказала тихо, — так лучше?

— Да, — сказал он. — Спасибо, Соле.

— Тебе нужно в дом, — сказала я.

— Да, — сказал он, — хорошо.

Это было так странно. Он согрелся, но лицо оставалось белым. И мрак в глазах. Даже отчаянье... еще хуже.

Я видела, что что-то происходит, видела идущую в нем борьбу. Но не понимала.

— Соле, — сказал он, — прости меня. Я не должен был.

Хаген взял меня за плечи. Сделал глубокий вдох, словно собирался решиться на что-то. Потом взял и поцеловал меня в лоб.

— Прости, Соле, — что-то было такое в его голосе, что-то холодное, жесткое.

Он отпустил меня, резко повернулся, быстро пошел к лестнице.

— Хаген! Ты куда?

— Хватит, — бросил он, не оборачиваясь.

* * *

Я пулей влетела в нашу комнату.

— Там Хаген!

Лан повернулся, он сидел у окна, читал толстенную книгу.

— Что?

— С ним что-то происходит!

— Что? Он светится?

Я почти обиделась, мне показалось, в его словах насмешка.

— Нет. Ему надо помочь.

Принялась рассказывать, но Лан отмахнулся.

— Мы-то что можем сделать?

Ничего. Я понимала, что это не в наших и не в его силах, даже Ил-Танка с Патеру не справились. Но ведь нельзя оставлять как есть!

Ина смотрела на меня с насмешкой.

— Что, Лягушка, наконец, признался тебе в любви? То-то ты так засуетилась.

У меня вспыхнули щеки — от стыда и обиды сразу. Ведь так и было. Ведь я с самого начала знала, как у Хагена обстоят дела, но припекло только сейчас.

— Ил-Танка предлагает взломать защиту силой, — сказал Лан.

— У него получится?

Лан пожал плечами.

— Взломать-то он взломает, силы у него достаточно, но это очень тонкая работа. Здесь очень много зависит от опыта, а именно такого опыта у него мало. И еще от Хагена. Если Хаген будет сопротивляться, то, скорее всего, это для него плохо кончится. А он будет сопротивляться, неосознанно, он привык держать оборону. Вряд ли он выдержит.

— И что тогда?

— Ты же и так знаешь, Соле. Он может потерять память, а может и вообще умереть. Сознание — сложная штука.

— Но ведь можно же как-то помочь?

— Ты можешь поддержать его за руку.

Ина засмеялась.

— Я серьезно, Соле, — сказал Лан. — В таком деле очень важна поддержка.

— Но неужели нет других способов?

Лан тяжело вздохнул.

— Нет времени на другие способы. К тому же, Соле, ты спроси Хагена, а хочет ли он попробовать что-то еще? Хочет ли он тянуть дальше, или уже устал. Иногда проще закончить разом. Он всю жизнь борется с этим.

— Мне кажется, он больше не хочет, — сказала я. К горлу подступил ком. — Он ушел куда-то... в одной рубашке...

По щекам покатились слезы, вдруг прорвало.

Лан тихо выругался, с силой ударил ладонью по колену, поднялся на ноги.

— Ладно, — сказал он. — Я разберусь.

Лан пошел разбираться, и я побежала за ним.

— Останься, — попытался было он. — Не ходи за мной. Это мое дело, моя работа. Не лезь.

— Нет, — сказала я, сама удивляясь собственной смелости и упрямству. — Это и мое дело тоже.

Как же могу я оставаться в стороне? Никогда себе этого не прощу. Я должна была раньше...

Главное, чтобы Хаген не пошел в город, там найти его будет сложнее.

— Пойдем для начала, с Ил-Танкой поговорим, — сказал Лан.

— С Кожаным Человеком? — я даже вздрогнула. — Куда?

— К нему. В это время он, наверняка, у себя. Боишься?

— Боюсь, — честно сказала я. — Но все равно пойду с тобой.

Лан улыбнулся.

— Давай руку, ступени скользкие.

Преподавательское жилье находилось ниже, рядом с учебным корпусом. Была небольшая надежда, что Хаген тоже пошел сюда.

На подходе меня начало слегка трясти.

Небольшое кирпичное здание, в некоторых окошках горел свет.

— Ну, по крайней мере, Ил-Танка у себя, — сказал Лан.

— А нам сюда можно? — спросила я запоздало.

— Тебе, вообще-то, не положено. А мне можно. Ничего, пойдем уже.

Входная дверь открыта, длинный полутемный коридор, сыро и холодно, совсем как у нас.

Лан шел уверенно, точно зная, какая дверь ему нужна. Не в первый раз он...

Я вдруг испугалась, что кто-то выйдет, спросит, что мы тут делаем. Мастер Патеру или мисс Кеали, например. Что мы будем им объяснять? Хотя, объяснять, наверно, будет Лан.

— Сюда, — тихо сказал Лан. — Не волнуйся.

Постучал.

— Открыто! — отозвался Ил-Танка.

Мы с Ланом зашли. Сначала он, а я осторожно, почти прячась за его спиной. Ил-Танка был один. Сидел за столом, писал что-то.

И без обычных повязок на лице.

— Ох, — у меня прямо ноги подкосились, я схватилась за Лана.

Сейчас Кожаный Человек выглядел еще страшнее. Небольшой треугольник носа с глубоким провалом внизу, отверстия вместо ушей. Огромный рот — почти от уха до уха, в котором отчетливо проглядывают зубы, даже задние. Как же он разговаривает?

— Голос — это иллюзия, — спокойно сказал Ил-Танка, отвечая на мой незаданный вопрос. — Вы слышите не так, как это есть на самом деле.

Лан покосился на меня.

Я слишком громко думаю, совершенно не контролирую. Это даже как-то неприлично выходит.

Изо всех сил постаралась сосредоточиться и задвинуть свои мысли подальше.

— К тебе Хаген не заходил? — спросил Лан.

— Нет. А должен?

Лан рассказал ему всю историю, включая то, что нам именно сейчас так приспичило Хагену помочь, упустил лишь личные подробности.

— Может, он у Патеру, — сказал Ил-Танка. — Я сейчас схожу, узнаю. Вы садитесь пока.

Он ушел, и я немного выдохнула.

Комнатка была крошечная, с такой же печкой, как у нас. В углу свалены дрова. Кровать, стол, две табуретки, сундук и полки с книгами, все сделано очень просто, но вполне добротно. Личных вещей почти не видно. Стены выкрашены зеленой краской, подтеки у потолка, мелкие трещинки.

Интересно, а у мастера Патеру — лучше?

Лан сел на одну табуретку, я на другую. Было неудобно и неловко, казалось, я сунула нос, куда не надо.

— Соль, скажи мне, — Лан задумчиво смотрел на меня, чуть наклонив голову на бок, — ты сама готова идти до конца? Тебе самой это нужно?

— Да, конечно, — поспешила заверить я, хотя больше всего, конечно, хотелось убежать и ни в какие дела не лезть. — Я сделаю все, что в моих силах.

— Возможно, придется сделать больше, — серьезно сказал Лан.

— Больше? Как это?

— Вот так, взять и сделать. Прыгнуть выше головы. Я должен понимать, можно ли на тебя рассчитывать, прежде чем начинать.

— Я... Да, конечно, я все сделаю!

— Не испугаешься?

Я судорожно мотнула головой.

Испугаюсь, конечно. Но я постараюсь.

— Хорошо.

— Лан, а что ты задумал?

— Точно сказать не могу, нужно еще обсудить с Ил-Танкой. У него нет опыта силового взлома, зато есть у меня. Я, конечно, делал не сам, но участвовал. И еще нужна твоя помощь.

— Держать за руку?

— Вроде того.

Лан был страшно серьезен, никогда не видела его таким.

— А еще нужно будет отключить защиту Литьяте, — сказал он. — По крайней мере заблокировать на время.

Я даже не поверила...

— И как ты собрался ее отключать? — спросил Ил-Танка от двери.

— С помощью Соле, — сказал Лан. — Ты Хагена нашел?

— Он в большом лекционном зале.

— Один?

— Да, один. Латаре, скажи, чего ты хочешь от меня? Я готов сделать то, что и собирался. Но вся эта история, — мастер Ил-Танка кивнул в мою сторону, — мне не нравится.

— Ты и будешь делать, именно то, что собирался. Только я тебе помогу. Если ты попытаешься сам, то скорее всего убьешь парня, или сделаешь его абсолютным овощем,

который будет пускать слюни и ходить под себя.

— Ты сказал, что хочешь отключить защиту?

— Да. Внешнюю прикроет Соле, она мастерски умеет ставить щиты. А внутреннюю отключу я. Если ты помнишь, я официальный представитель Литьяте, у меня есть некоторые полномочия.

Ил-Танке это явно не нравилось. Он сложил руки на груди, прошелся по комнатке туда-сюда, раздумывая, присел на корточки у печки, поворошил кочергой угли.

— Полномочия? — сказал он наконец. — Если ты собираешься делать это таким образом, то значит в обход приказа. Сознательно. Какие тут могут быть полномочия? Ты же понимаешь, чем это тебе грозит?

— Понимаю, — сказал Лан. — Но я тут видел один сон, и, вроде как, помру я не здесь и не сейчас. Так что готов рискнуть. Думаю, это сойдет мне с рук.

Ил-Танка повернулся к нему всем корпусом.

— Зачем?

— У меня есть свои причины, — жестко сказал Лан. — Я же не спрашиваю, какого хрена ты отказался промывать мозги проповеднику. И как-то, видать, очень круто отказался.

Ил-Танка встал.

— Это было мое лично дело, — сказал он. — Я никого не тянул за собой. А ты тянешь. Поэтому я хочу знать.

— Я просто хочу помочь. Что в этом такого?

— Про свой альтруизм будешь рассказывать девочкам, на меня эта дурь не действует.

Лан усмехнулся.

— Ты стал циником, — сказал он.

— Пришлось.

— Ты боишься? Я готов рискнуть жизнью, а ты? Чем ты рискуешь? Репутацией? Положением? У тебя ничего нет.

Ил-Танка оскалился. Это выглядело так устрашающе, что я зажмурилась.

— Да, я боюсь, — сказал он. — Потому, что я отвечаю не только за себя. А еще и вон за нее, в том числе, — он кивнул в мою сторону. — У нас тридцать студентов, Латаре. Я не могу рисковать их будущим. Шаг в сторону, и Бер-Сухт закроют.

— Конечно! — Лан презрительно сморщился. — Лучше по-тихому убить одного, чтобы у остальных не возникло сложностей с карьерой.

— Может, и лучше.

— Ты трус! Нельзя всю жизнь просидеть, спрятавшись, не вмешиваясь ни во что!

Ил-Танка молчал. Лан злился все больше, у него не хватало терпения. Все его доводы разбивались о холодное равнодушие, и Лана это бесило. Я уже знала, что он привык все делать по-своему, но с Ил-Танкой это не проходило.

Я тихо сидела, глядя как Лан орал на Кожаного Человека. Даже не представляла, что такое вообще возможно.

Ил-Танка оставался совершенно спокоен и просто слушал, даже тогда, когда Лан перешел уже все границы.

— Тебе на все плевать, — орал он. — Ты боишься лишний раз дернуться, чтобы тебя не пришибло окончательно! Держишься за свою шкуру? Она даже не твоя. На кой хрен нужна такая жизнь, если ты даже с любимой женщиной быть не можешь? Ты не мужик. Ты знаешь, как она мучается? Ночами не спит. Ты знаешь, какая она? А? Ты...

Я дернула Лана за рукав.

— Что? — рявкнул он так, что я сжалась. Сейчас тоже попаду под горячую руку, и мне достанется.

Ил-Танка молчал.

На мое счастье дверь открылась. На пороге стоял сгорбленный старик, тяжело опираясь на стену.

— Мастер Латаре, — сказал он, — потрудитесь объяснить, что это за истерика?

«Мастер» — я не могла не отметить это. Патеру знал.

Надо отдать должное, Лан мгновенно взял себя в руки. Поднялся.

— Простите, мастер, — сказал он. — Я сорвался. Я пришел поговорить о Хагене, мне кажется, я знаю, как помочь.

— Хорошо. Расскажите, — разрешил Патеру.

Ил-Танка подошел, взял его под руку, помог мастеру пройти и сесть на кровать, подложил подушку под спину.

Лан повторил ему еще раз всю историю, рассказал, что он хочет сделать.

— Вы понимаете, — сказал мастер Патеру, — что Бер-Сухт и так находится в сложном положении. Пытаться обойти присягу и защиту Литьяте, значит нарушить договоренности. Мы сейчас не в том положении, чтобы позволить себе это.

— Но ведь вы понимаете, мастер, что защита мешает. Внешний блок, пропускающий только узкоспециализированные операции. Если бы Хаген не принес присягу, то наверняка бы уже научился обращаться с магией.

— Понимаю. Но мы не можем рисковать.

Лан шумно вздохнул, скрипнул зубами.

— Бер-Сухт закроют весной, — сказал он. — Выпуска не будет, это уже решенный вопрос. Несколько студентов отберут для дальнейшего обучения в Литьяте, остальных забракууют.

* * *

— Хаген, — позвала я.

Тихо. В огромной аудитории никого, только Хаген одиноко сидит на третьем ряду. Холодно.

Мои шаги отдаются гулким эхом.

— Хаген, — снова позвала я.

Он вздрогнул, поднял на меня глаза. Несколько секунд словно в пустоту, потом — узнавание... он хотел было что-то сказать, но тут же увидел стоящих у входа Лана и мастера Ил-Танку.

— Пойдем, — сказал Ил-Танка. — Попробуем что-нибудь с тобой сделать.

* * *

— Нет, я не согласен, — говорил Хаген. — Не вмешивайте сюда Соле.

Лан ругался — грязно и витиевато. Уговаривать еще и Хагена было выше его сил.

— Кроме меня никому не нужно, что ли? — зло поинтересовался он.

Хаген молчал, опустив голову.

— Выходит, что так, — сказал Ил-Танка.

Вот сейчас Лан плюнет на все и уйдет спать. И все. И ничего не будет.

Собралась с духом.

— Мне нужно, — сказала я, они все разом обернулись в мою сторону. — Это я попросила Лана помочь.

— Соле, ты понимаешь, что это может плохо для тебя закончиться? — спросил Ил-Танка.

— Да, — сказала я. — Но я не хочу терять друзей. Если есть хоть какая-то возможность помочь, я постараюсь сделать все, что в моих силах.

— Не надо, Соле, — попросил Хаген.

— Если я ничего не сделаю, то никогда себе этого не прощу.

Лан смотрел на меня, потом на Хагена, потер ладони о колени.

— Так, — сказал он, — давайте заканчивать это развлечение. Надоело уже. Можете считать, что это действительно нужно мне. Потому, что нужно. Считайте, это эксперимент. Хаген, если будешь дергаться, учти, я могу сломать шею так же легко, как и руку. Понял. Давайте уже.

Лан встал.

Сломать шею, как руку — я знала, что это не просто слова. И Хаген знал. У него прямо лицо вытянулось. Но думать сейчас об этом не хотелось. Сейчас главное — справиться. Если у Лана действительно все получится, я даже готова простить... Не знаю... сейчас не до этого.

Хагена уложили на широкую скамейку в лаборантской. Лан и Ил-Танка сели рядом.

— Соле, давай тоже сюда. Ближе. Ты начинаешь первая.

— А если у меня не получится? — запоздало испугалась я.

Ил-Танка повернулся ко мне.

— Боишься — уходи. Seriously, Соле. Если ты не уверена, то лучше не начинать.

Я поджала губы, глубоко вдохнула. Выбора уже нет. Получится. Куда я денусь.

— Давай, — сказал Лан. — Только постарайся, чтобы нас всех накрыло, и заодно постарайся не перекрыть воздух, а то мы все задохнемся. Считай, это тренировка. Не бойся, я подстахую.

— Угу...

Я смотрела на Хагена и не могла... Что если все пойдет не так? Что если ни у меня, ни у Лана, ни у Кожаного Человека не выйдет как надо? Хаген может погибнуть. Из-за меня. Из-за того, что я не справилась.

Зачем я вообще влезла во все это?

Хаген повернул ко мне голову, чуть заметно улыбнулся. В его глазах не было страха.

Мне так много хотелось ему сказать... Но сейчас не время, совсем не время. Надо было раньше. Только в такие минуты понимаешь, сколько времени было упущено и ничего уже не вернуть.

Страшно.

Ничего, вот сейчас все сделаем, и поговорим. Обязательно.

Все получится.

Надо собраться. Сосредоточиться.

Только бы получилось!

У меня просто нет выбора.

Вдруг возникло такое чувство, словно это уже было со мной когда-то. Не здесь и не так, но было...

Ил-Танка протянул руку, легонько коснулся моего плеча.

— Давай, Соле, — мягко сказал он. — Ты сможешь.

Словно током ударило.

Но стало легче.

Как во сне...

* * *

Хаген лежал совсем белый, холодный, словно неживой, только едва-едва было заметно дыхание.

— Вроде, получилось, — сказал Лан.

Он выглядел не лучше, такой же белый и мокрый насквозь. Ил-Танка сидел, навалившись на стол, закрыв ладонями глаза, часто-часто дышал.

Такие вещи даются нелегко. Даже ему.

— И что теперь? — спросила я.

— Пока Хаген будет спать. Несколько часов — уж точно. Так что советую пойти поспать тоже. Потом приходи. Когда он очнется, лучше, если ты будешь рядом. А там посмотрим.

Лана слегка пошатывало.

— А ты?

— Я пока посижу с ним, мало ли что. Защиты у него теперь почти нет, зато силы — через край. Когда очнется, если все пойдет нормально, то он справится, восстановит баланс. А пока... Иди, отдохни пока, Соле. Ты еще понадобишься. Потом меня сменишь.

Я хотела полежать где-нибудь рядом, но меня выпроводили к себе, наверх. Там безопаснее. Мне такая безопасность не нравилась, не доверяла я как-то, но что делать. Спорить с Ланом не было сил.

Только выйдя на улицу я поняла, что уже утро, начинает светать. Чистый свежий морозный воздух, снежинки поблескивают, и даже ветра почти нет... так хорошо. Словно другой мир.

Значит, мы сидели всю ночь? Ничего себе.

Почти вся эта ночь прошла в тишине. Лан с Ил-Танкой не разговаривали, общаясь, скорее всего, на каком-то другом мысленном уровне. Они понимали друг друга. Только иногда тихо постанывал Хаген. А я просто сидела и смотрела. Нервничала и грызла ногти. Я никак не могла понять, что происходит, идет ли все как надо или наоборот. От меня ничего не требовалось, ничего больше не зависело, только в самом начале, и то, мне кажется, без помощи мастера Ил-Танки тут не обошлось, он помог, подтолкнул.

И все равно я страшно устала. Сказывалось нервное напряжение.

Ина с Джарой еще спали, хорошо им. Ведь они даже не знают. Казалось — прошла целая вечность.

Я зашла, скинула куртку и сапоги, завалилась на кровать.

Спать.

Голова гудела. Мне казалось, я усну сразу же, но...

Где-то через час поняла, что не сплю и не смогу уже. Постоянно думаю, как там Хаген, волнуясь, прокручиваю в голове целый клубок разных мыслей, одна неприятнее другой.

Что будет со мной? Ведь об этом случае станет известно. Скоро аттестация, меня спросят, чему я научилась. И что им расскажу?

О чем я только думаю — я удивлялась сама себе. Об аттестации!

Да что мне будет? То, что сделала я, всегда можно списать на глупость или поплакаться, что я тут вообще ни причем, это все они... Но то, что сделал Лан... То, что сделал он, на случайность или неопытность не спишешь. Я пока не понимала всего до конца. Действительно ли это был так ужасно? Но мне было страшно. Я боялась за себя, за Хагена за Лана, даже за Ил-Танку.

«Выпуска не будет», — сказал Лан, какая, в бездну, вообще аттестация?

Но что тогда?

Не могла глаза закрыть. Вертелась.

— Эй, Соле, — позвала Джара, — что у вас там случилось? Расскажи. Все равно не спишь.

Я поняла, что не могу ничего рассказывать. Вообще говорить не хочу.

— Да ничего, — сказала я.

Взяла куртку и пошла обратно.

Лан мерил лаборантскую шагами, от стены к стене.

— Соль, ты чего? — удивился он.

— Не спится, не могу, — сказала я. — Можно я тут с тобой? Или давай, ты поспишь, а посижу с ним. Устал ведь?

Лан нахмурился.

— Не хочется оставлять тебя одну. Мало ли.

— А что может случиться?

— Сложно сказать. Главное, чтоб не начал светиться. Учитывая, что непроизвольные выбросы были, и энергия копилась очень долго, не имея выхода, сейчас тоже может вылиться. Защиту сняли, потому большого взрыва не будет, но он сам может пострадать. Сгореть.

— Я посмотрю за ним. Ты скажи, что нужно.

Лан долго раздумывал. Он попытался присесть, но от усталости едва сразу не отключился, начал заваливаться на бок. Просто моментально. Вздрыгнул, сел попряме. И снова начинало клонить в сон. Он поднялся на ноги.

— Иди уж, — сказала я.

Лан кивнул.

— Ладно. Я в соседней комнате буду. Но если ты заметишь что-то странное — сразу буди. Поняла?

— Да, — сказала я.

— Или Ил-Танку буди, он тоже там спит. Но он вряд ли быстро проснется, ему досталось по-полной. Собственно, основную работу сделал он, я б никогда в жизни так не смог.

Отчетливая зависть в голосе. У них с Ил-Танкой свои счета. Они ровесники, только силы уж слишком неравны.

Я взяла табуретку, поставила поближе к Хагену.

Лан подошел, потрогал ему лоб и руки.

— Руки смотри, — сказал он. — Если будут очень холодными или очень горячими — тоже меня зови.

— Хорошо.

Хаген дышал глубоко и ровно, словно просто спал. Только все еще был совсем бледный, запавшие щеки, темные круги под глазами.

Я взяла его за руку.

Ладонь была твердая и чуть теплая, очень напряженная. Так и должно быть? Наверно, раз Лан ничего не сказал. Стало немного страшно, а что если я действительно что-то случится, а я прозеваю? Просто не пойму вовремя, не успею. Я никогда по-настоящему ни за что не отвечала, даже за себя, дома все важные решения принимал отец, а тут... тут, наверно, решения принимать не приходилось.

За окном было уже совсем светло.

Я сидела. Постоянно трогала Хагена за руку. Вздрагивала от каждого шороха. Я уже столько всего передумала, что не было сил. Будь что будет...

Смотрела на Хагена, по сторонам...

Сколько времени так продолжалось? Сколько еще?

Я сидела на табуретке, Хаген спал, ничего не менялось. Со временем напряжение улеглось, я успокоилась и немного расслабилась.

Начинало клонить в сон.

Стало скучно.

Я осторожно погладила его по руке.

Встала, ходила кругами.

Еще поняла, что просто зверски хочу есть, но сходить на кухню не выйдет. Не могу же оставить Хагена одного, нужно ждать пока кто-то придет и сменит меня.

Скорей бы уж, что ли, Лан проснулся.

* * *

Ох!

Очнулась оттого, что обожгло ногу. Сразу не поняла, что случилось, не поняла, где я. Бред какой-то...

И только потом дошло. Я же уснула!

Хаген светился изнутри слабым голубоватым светом. Так жутко. Словно огонь под кожей. Огонь...

Крошечные огоньки, словно светлячки, скользили по полу. Вокруг Хагена, и разбегались все дальше, пролезали под дверь.

Один огонек совсем рядом. Маленький такой...

Я заморожено протянул руку, все еще не веря в реальность происходящего.

— А-ай!

Вскрикнула.

Обожгло. Так больно, что я разом пришла в себя. Тут же вскочила на стул. Надо было бежать за Ланом, но там столько огней, что я не могла заставить себя, было ужасно страшно.

Я не пройду! Не смогу.

— А-а! — закричала я. — Помогите! Лан! Скорее! Ла-ан!

Я все проспала! О, боги! Что же теперь будет?!

Лан влетел в лаборантскую почти мгновенно, такой помятый и заспанный, озираясь по сторонам. Без лишних слов он схватил меня на руки и потащил прочь. Казалось, на огоньки, мелькающие под ногами, он даже внимания не обращал.

— Чаю, хотя бы, попей, — Джара поставила рядом кружку.

Я лежала, отвернувшись к стене, ничего не хотелось, ни есть, ни пить, ни разговаривать. Все из-за меня.

Лучше бы это я умерла тогда. Сгорела бы в этом проклятом огне.

— Соль, хватит, — Джара жалела меня.

А вот Ина откровенно презирала. Так же, как презирала Алесу. Она вообще перебралась в другую комнату, к Регару, и мы остались вдвоем.

Лан тоже почти не вставал, только по необходимости, как сейчас — его вызвали к инспектору. У Лана все ноги обожжены, кожа слезает пластами, страшно смотреть. На нем, конечно, все заживает, как на собаке, но все же. Когда он вытащил меня и поставил во дворе учебного корпуса, у него горели сапоги. Он сбил кое-как огонь и убежал обратно, не обращая внимания, через реки огней, хотя на этот раз, я видела, уже позаботился о защите.

Лан говорил, что это ерунда, что легко может с этим справиться. Но ночью я видела как он пробирался в темноте в туалет, хромая на обе ноги и хватаясь за стену, шипя сквозь зубы. Совсем не легко это было. Магия не всесильна.

Лан ни разу не упрекнул меня, не сказал ни единого плохого слова. А ведь все это случилось по моей вине.

Хаген умер.

Сгорел изнутри. Я видела только издалека, так и не смогла подойти. Не нашла в себе силы. Весь черный. И тонкая, словно бумага, кожа, казалось, проваливалась местами внутрь, а внутри пустота.

Из-за меня.

У меня даже не было сил плакать.

Я готова была сдохнуть. Я проклинала себя.

— Соле! — это Лан пришел. — Соле, пойдем, с тобой тоже хотят поговорить.

Я шмыгнула носом, закрыла лицо руками.

— Соле, — он тронул меня за плечо. — Пойдем. Не бойся, тебе ничего не будет.

Да разве я этого боюсь? Лучше б было. Лучше б Лан орал на меня и обзывал последними словами, мне было б легче. Он бы ругал меня, я бы защищалась, и мне, наверно, даже начало бы казаться, что я права. Защищаться от других проще, это от себя не спрятаться.

— Пойдем, Соле, — говорил он. — Нас ждут.

— Кто?

— Инспектор из Литьяте.

Он даже попытался поднять меня на руки, но я вывернулась.

— Я сама!

— Хорошо, — сказал Лан, подал мне куртку.

Джара вышла на порог, проводить нас. Долго смотрела вслед.

Мы шли вниз, к учебным корпусам. День. Небо голубое и ясное, солнце светило вовсю, а здесь так мало солнечных дней... снег хрустел под ногами.

На лестнице Лан поддерживал меня под руку, сам едва не поскользываясь. Я видела, что идти ему трудно.

— Соль, будут спрашивать — вали все на меня. Мне ничего не будет.

— Почему не будет?

— Потому. Это мое дело.

— Лан...

Он остановился, повернулся ко мне. У него были такие жесткие, страшные глаза. Мне снова показалось, что он пытался влезть в мою голову, пытался убедить, заставить делать и думать то, что он хочет.

— Соле, это моя ответственность, не твоя. Тебе стало жалко парня, он твой друг, однокурсник, ты захотела помочь. Ты не могла понимать всех последствий и всей механики процесса. Ты даже не понимала, что мы с Ил-Танкой сделали. В конце концов, ты еще сопливая девчонка, а я взрослый мужик, лицензированный маг, это я должен был позаботиться о безопасности, найти человека, который мог бы посидеть с Хагеном. Мы все слишком устали.

— И почему же не нашел?

— Не хотел впутывать в эту историю кого-то еще... Соле! Прекрати! Ты сделала все, что могла. И главное, не вздумай говорить, что пыталась сломать защиту Литьяте.

— А что же я делала тогда?

— Ты не понимала. Я заставил тебя.

— Нет, — сказала я. — Ты даже сейчас меня не можешь заставить.

Я смотрела на него и понимала — так и есть. Он не может заставить меня. Не может ничего со мной сделать, при всей своей магии и лицензии псионика. Его сила не действует на меня.

И Лан теперь тоже это понимал.

— Тебя не тронут, только не лезь сама, — сказал он. — Тебе еще закрывать Салотто от огня, ты помнишь?

— Если я не смогла спасти Хагена, то не смогу спасти город.

— Сможешь. Ты же видела эти сны.

Я покачала головой.

— Не знаю, что я видела. Если маг не верит в себя — у него ничего не выйдет. Я не верю.

* * *

— Выйдите, мастер Латаре, подождите за дверью.

— Нет, — сказал он. — Вы будете говорить с ней при мне. Я не уйду.

Инспектор слегка удивился.

Это был невысокий полноватый мужчина средних лет, не броско, по-деловому одетый. Бухгалтер или мелкий чиновник на вид, но никак не маг высокого ранга.

— Мастер Латаре, я уже достаточно слушал вас. Теперь я хочу поговорить с мисс Наиро. Наедине.

— Вы будете говорить с ней при мне.

— Чего вы боитесь?

— Я знаю ваши методы, — сказал Лан. — Вы заставите ее говорить то, что нужно вам.

— Вот как? Вы обвиняете меня в подтасовке фактов?

— Я хочу знать, что она вам расскажет.

— Вы боитесь, что она может рассказать лишнее?

— Я имею право знать.

— Нет, — сказал инспектор, в его голосе было слышно раздражение. — Сейчас — нет.

Вы все узнаете потом. Выйдите за дверь. Это приказ.

— Да плевать я хотел на ваши приказы.

На этот раз инспектор удивился по-настоящему, даже глаза вытаращил.

— Мастер Латаре, вы хоть понимаете, что говорите? Это прямое неподчинение. Вы хоть понимаете, что за это бывает?

— Понимаю, — Лан ухмыльнулся. — Ил-Танка доходчиво рассказал мне.

У меня аж все похолодело внутри.

— Вряд ли вам повезет так же, как мастеру Ил-Танке, — сказал инспектор.

— Я бы не хотел, чтобы мне так повезло. Лучше сразу.

— Лан... — осторожно попыталась я. — Не надо.

Он даже не глянул в мою сторону.

— Вы будете говорить с ней при мне, — такая страшная жесть в голосе, мне самой захотелось вжаться в стену.

Инспектор неожиданно сдался.

— Хорошо. Но я сообщу о вашем неподчинении, — сказал он. И потом уже, обращаясь ко мне: — Мисс Наиро, расскажите, пожалуйста, как все было.

Я поняла, что у меня трясутся колени и голос совсем не слушается. Попыталась собраться, изо всех сил.

— Я хотела помочь Хагену.

Лан ободряюще кивнул.

— И как вы хотели ему помочь? — спросил инспектор.

— Я...

Главное — не думать громко, держать свои мысли при себе! Я должна.

Что если инспектор не знает, что мы пытались отключать внешнюю защиту Литьяте? Возможно, он знает лишь о том, что мы сломали личную, внутреннюю защиту, которую Хаген выстроил сам. Если расскажу все, подставлю и Лана, и Ил-Танку.

Надеюсь, мои мысли все же не слышно.

Лан смотрел мне в глаза так напряженно.

— Я не могла помочь ему сама. Я не знала, что делать. Я попросила Лана. Да, это я попросила его помочь.

— Мисс Наиро, вы знаете, что специальная защитная система Литьяте была заблокирована?

О-ох. Вот оно!

Да какого хрена!

Мне было так плохо, что уже почти все равно.

Набрала побольше воздуха в грудь.

— Да, — я очень старалась, чтобы получилось уверенно и твердо. — Это я сделала.

— Соле! — Лан чуть не подпрыгнул. — Ты что? Ты... А что тебе было делать?! Ведь я сказал, что только так можно Хагену помочь. Что другого выхода нет. Что иначе — он просто умрет, и она...

— Помолчите, — прервал инспектор. — Я сейчас хочу выслушать не вас. Мисс Наиро,

скажите, как вы это сделали?

— Это врожденная способность, — снова встрял Лан.

— Да, это так, — поспешила я, пока он еще чего-нибудь не наговорил. — От сильного волнения я могу создавать вокруг себя щит, который ничего не пропускает. Ни магию, ни даже воздух.

— Именно поэтому она здесь, — сказал Лан, — чтобы научиться контролировать.

— Мисс Наиро, — инспектор строго смотрел на меня, — вы знаете, что блокировку защиты выполнили не вы, а мастер Ил-Танка?

— Я...

Я такого не ожидала. Лан резко, с облегчением, выдохнул, отвернулся.

* * *

Я рыдала у Джары на груди. В первый раз после всего этого я могла выплакаться. Словно прорвало. Слезы сами катись из глаз, я всхлипывала, не в силах остановиться, почти задыхаясь.

Как бы там ни было, я все равно была виновата. Это я не уследила. Если бы не я — Хаген был бы жив.

Но все же, я думала, что могу хоть что-то.

— Ты можешь, — спокойно сказал Ил-Танка, он сидел рядом. И я больше не боялась его. — Это ты сделала, Соле.

— Но инспектор...

— Да. Потому, что я ему так сказал. Я сказал, и он поверил. Мне сложно не поверить, — Ил-Танка чуть усмехнулся.

— Магия? Я думала, на него это не действует...

— При чем тут магия? Для убеждения нужно другое.

— Но почему? Зачем?

— Они могут наказать тебя, Соле. Могут даже Латаре приговорить к смерти. Но со мной они ничего сделать не могут, у них нет полномочий. Я давно уже не подчиняюсь Литьяте. Никак. И потом, я уже говорил, что отвечаю за всех вас. И за тебя тоже. Так вот — за этим.

Ил-Танка говорил очень спокойно, буднично. Ну, вот так, я сказал — он поверил. Что тут особенного? Все просто. Как можно ему не поверить?

Джара успокаивающе гладила меня по волосам.

Лан на кухне позвякивал стаканами. Мне кажется, он там уже здорово набрался. Надеюсь, все обойдется... Лан так упрямо лез на рожон, что у меня замирало сердце. Я думала, инспектор вот прямо на месте прикажет его расстрелять... или что они там делают? Сдирают кожу? Лан злился, доказывал, орал... А потом пришел Ил-Танка, и очень просто, и так доходчиво все объяснил. Взял нас с Ланом буквально за шкирки, как котят, потащил к себе.

Инспектор не возражал.

Джара так обрадовалась, когда увидела нас.

— Ну, как? — спросила она.

— Все нормально, — сказал Ил-Танка.

Джара бросилась ему на шею.

— Спасибо, Олиш! Ты молодец.

Лан позеленел и ушел пить.

Наверно, мне нужно было радоваться... Но, закрывая глаза, я видела Хагена, который лежал на скамье, глядя мне в глаза. Улыбался. Он мне верил. А я...

— Но ведь я все равно виновата. Это из-за меня. Я не уследила.

— Виновата, — сказал Ил-Танка. — Я не собираюсь тебя оправдывать. Но тебе придется с этим жить.

* * *

Аттестация шла полным ходом.

Меня больше ни о чем не спрашивали и даже способности мои не пытались проверять. Выдали сертификат «минимальные способности присутствуют», рекомендовали продолжать обучение.

Лану тоже ничего не было.

— Литьяте — огромная бюрократическая машина, — сказал он. — Инспектор не имеет права принимать решения самостоятельно, он лишь передает информацию в центр. Возмездия можно ожидать долго.

Джара получила «красный» сертификат и страшно радовалась. Она оказалась лучшей на первом курсе и даже почти обогнала второй. Джара реально крута. Я даже не представляла, сколько всего она умеет.

Ина немного обошла Регара, не сильно, но все же. Регар обижался, как ребенок. Говорил, что в следующий раз он обязательно ей покажет! Ина смеялась, требовала, чтобы он показал ей прямо сейчас, и тащила вверх, в тайную комнату.

В целом, у всех все было хорошо, шло своим чередом, казалось, все так и должно быть. Все нормально. Жизнь продолжалась.

И только я не могла найти себе места.

Посла аттестации у нас каникулы на две недели. Можно отдыхать.

Регар позвал Ину к себе домой, к родителям. Он жил ближе всех. Остальные никуда не поехали. До Илитрии, до Салотто, еще можно было добраться за неделю, но пришлось бы уезжать на следующий день. А Джаре вообще не успеть.

Я так отвыкла от дома, что уже не могла представить, как снова вернусь туда. Невозможно, нереально. Я даже перестала скучать. После того, что случилось, я уже не могла представить прошлую жизнь. Что-то сломалось. Вместе с Хагеном, каким-то образом, умерла реальность возвращения. По-старому уже не будет.

Лан пытался позвать меня в соседний городок, просто сменить обстановку. Он бы хотел, конечно, свозить меня куда-нибудь подальше, но у него не было денег. У него и на другой город особо денег не было, но он честно планировал подработаться там.

Я с ним ехать не хотела.

Никуда.

И не из-за него, а из-за себя. Мне ужасно хотелось побыть одной.

— Я знала, что ты вернешься, — сказала Юнани. — Заходи.

Добраться сюда в одиночку было непросто, я думала, что не дойду. Потеряюсь по дороге, провалюсь в какой-нибудь овраг, переломаю ноги или замерзну в снегу. Но я чувствовала, что должна это сделать. Мне нужно было дойти и поговорить.

— Я вам не помешаю? — осторожно спросила я.

— Ну что ты, я всегда рада гостям.

Деревушка вся занесена снегом, и море подступает к самым домам. С того раза, что я была тут, вода поднялась, залила берег, укрыла те мосты, на которых мы кормили кораблики. Но в целом, наверно, мало что изменилось. Лодки выходили в море, приносили немного, но для себя хватало. Здесь всегда жили бедно.

Юнани накормила меня ужином и в первый же вечер посадила вязать теплый шарф.

— Я же не умею...

— Ничего, — сказала она, — это совсем просто. Тебе нужно занять чем-то руки, это поможет разобраться в себе. Как перестанешь путать нитки, и петли пойдут ровные — значит дело идет на лад.

Она ни о чем не спрашивала меня, не пыталась узнать, зачем я пришла, и что меня тревожит, немного говорила сама, и все больше о простых бытовых мелочах, тихо и ненавязчиво. Я вдруг поняла, что напряжение уходит. Да, боль остается в сердце, но она уже давит так сильно, позволяя оглянуться и вздохнуть.

Я не хотела, чтобы та боль ушла окончательно. Не хотела забыть. Пусть это всегда будет со мной, чтобы не повторилось.

Сидела, пыталась вязать.

Я и тут оказалась скверной ученицей, у меня ничего не выходило. Деревенская шерсть колола руки. Я постоянно путалась в вязании, делала все не так, разок даже порвала.

— Ничего страшного, — говорила Юнани. — Всегда можно распустить и начать заново. Нужно лишь терпение.

— Жаль, что не все можно вернуть назад, — сказала я.

— Не все, — согласилась Юнани.

Я ждала продолжения, но продолжения не было.

Удивительно, но здесь я отдыхала. Не смотря на то, что делала много работы. Я помогала Юнани по дому, носила воду с речки, кормила кур и убирала за ними, помогала расчищать снег во дворе, стирала. Но то ли я в Бер-Сухте уже привыкла все делать сама, то ли просто физическая работа помогала отвлечься от темных мыслей, убежать от собственных проблем. Мне было хорошо здесь.

Мы кормили кораблики с берега. Мы смотрели вечерами на белые тени. Это было удивительно. Юнани разговаривала с ними. От Юнани исходили доброта и тепло, это невозможно было не почувствовать. В деревне все любили ее, помогали, как могли, и она сама помогала всем.

Но родилась она не здесь, а в Налар-Сухте. С самого детства любила море. Еще девочкой она приходила на набережную, на старый причал, и сидела там целыми днями. Некоторые смеялись тогда, считая ее сумасшедшей. Когда она начала прикармливать кораблики, смеяться перестали... начали бояться. И ненавидеть. Кораблики — это зло,

говорили они, Юнани — ведьма. Ее не пускали в порт, гнали отовсюду, как-то даже пытались забить камнями, чуть не убили. А ей и пятнадцати еще не было.

Она не ведьма. Никаких способностей к магии у нее не было. Совсем. Сколько ни проверяли.

В какой-то момент даже родители отвернулись от нее, у них было еще пятеро и детей и они не могли рисковать. Ее не выгоняли открыто, просто дали понять...

Юнани спас соседский парень, Ленар, сын плотника. Он сам тогда был еще мальчишкой, даже младше меня, пожалуй. Они убежали из города вместе, их сильно помотало по стране. А потом началась война. Да, это было так давно, страшно давно. Ленар ушел в армию, погиб в первую же неделю. Юнани осталась одна. Без дома, без денег, без любимого. Не представляю, как она выжила, как справилась.

Я тоже рассказала Юнани о себе, о доме, об отце, о матери, о том, как я жила в Салотто. Рассказывать о прошлом легко. О детстве. Я сидела в деревянном кресле с вязаньем в руках, и рассказывала. Спицы мелькали... У меня начинало понемногу получаться. Я распускала, наверно, сотню раз, сотню раз начинала снова. Выходило криво и неровно, но ведь потихоньку выходило! Еще немного, и я научусь.

Казалось — если смогу, то все будет хорошо.

Страшно было думать, что придется вернуться назад.

В последний день появилась Джара.

— Я пришла поговорить, — сказала она с порога. — Мне нужна ваша помощь.

Юнани пригласила ее в дом.

Джара покосилась на меня, так, словно ей неловко говорить при посторонних. Я думала, она попросит меня выйти, но она не попросила.

— Я знаю, что вы помогаете людям, лечите даже самые тяжелые случаи, — сказала она. — Можете ли вы помочь человеку, у которого нет кожи?

Джара не любила ходить кругами, она все привыкла решать сразу, одним махом. Без предисловий.

— Это тот, что приходил сюда? — спросила Юнани.

— Да.

Юнани задумалась, долго качала головой, шевеля губами, словно говорила с кем-то. Потом налила нам ароматного чая с травами.

— Не знаю, — сказала она наконец. — Понимаешь, дочка, я никогда не могу сказать заранее, как оно получится, и получится ли вообще. Решает всегда море. Но это особый случай. Боюсь, море не примет его. Твой друг очень сильный маг. Маг Литьяте. Даже я вижу это.

Джара попыталась было возразить, но Юнани остановила.

— То, что он давно уже не с ними, ничего не значит. Некоторые связи нельзя полностью порвать, все равно остаются следы. К тому же, на нем уже лежит чужое заклятье, то, что поддерживает его жизнь. Пока это заклятие не снято — сделать ничего нельзя. Кораблики убьют его. Почуют запах чужой магии и убьют.

— Снять невозможно, — сказала Джара.

— Боюсь, я ничем не смогу помочь. Это не в моих силах, прости меня. Я могу лишь попросить о помощи, но даст ли помощи море, я не знаю. Последнее время оно так беспокойно.

— Море наступает... — Джара нахмурилась, задумалась, поджав губы. Пододвинула к

себе кружку, обхватила пальцами, словно греясь.

— Да, — сказала Юнани. — Людская магия убивает море. Рыбы совсем не осталось, ничего не осталось. И море пытается сопротивляться, как может. И море, и земля... Если люди не остановятся — будет хуже.

— Но ведь можно же что-то сделать?

Юнани вдруг улыбнулась.

— Девочка моя, если ты любишь его, то все получится. Любовь — самое главное. Любовь — настоящая магия.

* * *

Я так и не решилась ничего Юнани рассказать. Не смогла. Сказать ей оказалось еще страшнее, чем инспектору, который мог отправить меня под трибунал. Наказания я не боялась. Наверно, больше всего я боялась сочувствия. Не могла себе это позволить. Простить нельзя, можно только смириться. И попытаться исправить... попытаться искупить, помочь кому-то еще, по-настоящему помочь. Сделать все, что в моих силах. На этот раз — сделать. До конца. И, может быть, когда добро перевесит зло, мне станет легче.

Может быть...

Мы ушли на рассвете.

— Что это значит?!

Ил-Танка выложил на стол какую-то бумажку. Я уже приготовилась пугаться и прятаться, но, оказалось, это не имеет никакого отношения ко мне.

Нас собрали в большой лекционной, все три курса. Был даже Лан, хотя на обычные занятия он больше не ходил.

Ил-Танка смотрел только на Джару.

И это ее ничуть не смущало.

— Ты же видишь, — холодно сказала она.

— Мисс Хе-Каи, разве не вы сами подавали документы в Литьяте прошлой весной?

Ил-Танка был подчеркнуто официален.

— Подавала, но теперь передумала.

— Вы понимаете, что второго шанса вам может не представиться?

— Олиш, мне не нужен второй шанс.

Ил-Танка обвел нас всех взглядом.

— Я хочу обратиться ко всем, — сказал он. — Некоторые из вас получили предложения продолжить обучение в Литьяте. Возможно, кто-то еще получит. Вы должны понимать, что, кроме прочего, это еще проверка на лояльность. Даже если вам предложили обучение за свой счет, не спешите сразу отказываться, попытайтесь договориться на кредит и оплату после обучения и получения работы. А уж если вам предлагают стипендию, особенно без потери курса, перевод с первого на первый уже сейчас, то отказываться просто опасно. Даже с третьего на первый — считайте, что вам повезло.

— Вы хотите избавиться от нас, мастер? — громко спросил Вэй.

— Я — нет. Но вы должны понимать, что магия сейчас, это прежде всего Литьяте. Для работы нужна лицензия. Возможно, вы слышали, что в связи с последними событиями, они могут отказаться выдавать нам лицензии по окончании года. Вы закончите обучение и, в лучшем случае, ничего не получите.

— А в худшем?

— Стерилизация и пожизненный контроль.

— Но разве это возможно? Разве не поздно?

— Технически возможно, — сказал Ил-Танка, почему-то глядя на меня, а не на Вэя. — При слабо развитой способности к магии худшее, что вас ждет при стерилизации — головная боль, не так уж страшно. Но если подвергнуть процедуре вас, мистер Кемер, с вашим уровнем и подготовкой, вы начнете медленно угасать, потеряете интерес и волю к жизни, иммунитет, в итоге, через несколько лет, умрете от банального насморка или от хисирской оспы.

Это не только психология, но и физиология, справиться почти не возможно. Для человека с более высокими способностями — гарантированная смерть сразу.

От хисирской оспы... У меня дыхание перехватило. Да, я всегда знала, что хисирская оспа хоть опасна, но лечится, давно и успешно. Бывают осложнения, конечно, но умереть от нее не так-то легко, особенно если есть деньги на хорошего мага-целителя.

Я во все глаза смотрела на Ил-Танку. Он молча кивнул мне. Мне, я уверена. Он сказал это для меня. Моя мама...

Отец знал. Он боялся, что я повторю ее судьбу.

— Они не могут так обойтись с нами, — сказал Арек.

— Почему? Вы слышали, как недавно несколько эторских заклинателей, выпускников Бер-Сухта, пытались ворваться в илитрийский парламент?

— Это провокация.

— Вероятно, — сказал Ил-Танка. — Но тогда это тем более важно.

— Они хотят войны?

— Не думаю, что войны. Они хотят полного контроля, как обычно. Поэтому я попрошу вас хорошенько подумать, прежде чем писать такие отказы, — он хлопнул ладонью по бумажке на столе. — Второй раз вам не предложат. А отказ может стоить жизни.

— А что ждет тех, кто такого щедрого предложения не получит?

Ил-Танка развел руками.

— Стерилизация и контроль.

— Они хотят войны, — буркнула Ина. — Рано или поздно они получают ее.

— Именно этого они и добиваются, — сказал Ил-Танка. — До сих пор Этор сохранял достаточно автономии, а последние годы набирают силу движения за полную независимость. Илитрии нужен официальный повод ударить и прижать. Вы хотите дать этот повод?

Будет война. Я вдруг совершенно отчетливо поняла это.

Начался шум. Все повскакивали с мест, начали кричать, чего-то доказывать, некоторые пугались, некоторые радовались возможности подраться. Я сидела, закрыв глаза, закрыв уши руками. Мне было страшно. И тем более страшно, что мой дом там. В Салотто. Мой отец две мои тети, кузины, моя семья... Будет война, а я здесь. И нет никакого шанса... Как это вышло? Ведь я не хотела.

Я должна быть с ними.

Но мои друзья здесь.

Салотто в огне.

Вэй воодушевленно кричал, что давно пора, что они еще им покажут! Этор слишком долго ждал! Что он готов пойти воевать хоть сейчас. И Арек был готов, и Регар. Большая часть студентов — уроженцы Этора. «Хватит!» — кричали они. «Пора показать им!» И даже: «Мы восстановим Тарр!»

— Тихо, — сказал Ил-Танка.

Все разом сели. Наступила тишина. Абсолютная. Такая, что стало слышно завывание ветра за окнами.

— Я не хочу обсуждать, — сказал он, — кого и каким образом вы собираетесь побеждать. Если не справился Тарр, что собираетесь делать вы? — он выдержал паузу. — Но я хочу поговорить о другом. Наши преподаватели так же получили предложения уехать. Мисс Кеали, Макато и наш врач мастер Сольве уезжают на следующей неделе. С нами остается только мастер Эйфен. И я, конечно. Мастер Патеру, как вы знаете, сейчас занятия не ведет. Если решите остаться, то должны учиться и тренироваться постоянно, иначе это не имеет никакого смысла. В связи с этим, я попросил мастера Латаре провести с вами несколько занятий, он расскажет вам все, что сочтет необходимым и возможным.

Лан встал. Все в такой же тишине пробрался между рядами, вышел к кафедре.

— Хочу представиться еще раз, для тех, кто не знает, — громко сказала он. — Меня зовут Алатау Латаре, я имею звание мастера. Закончил Литьяте четыре года назад, основная

специальность — боевая магия, дополнительная — псионика. По боевой магии базовая лицензия второго уровня, так называемая «серая», по псионике — простая базовая. Не так уж много. Но если вы собираетесь на войну, даже это может вам пригодиться.

— Охренеть... — тихо сказала Ина у меня над ухом. Она, оказывается, и не знала таких подробностей.

* * *

Джара плакала.

Совсем тихо, в одиночестве. Лежа на втором ярусе нашей кровати, уткнувшись в подушку.

Я только зашла, даже не сразу заметила ее.

На кухне Лан показывал фокусы.

На кухне собрались все, кто-то сидел, кто-то стоял, всем было интересно. С одной стороны, Лану мало кто готов был доверять, ведь столько времени он водил всех за нос. Лицензированный маг Литьяте, от которого еще неизвестно чего ожидать, ведь он до сих пор на службе. С другой стороны, то, чему Лан мог научить — было интересно. Другой возможности освоить подобную магию может больше не представиться.

Лан устраивал на кухне фейерверки, зажигал молнии в трехлитровой банке, заставлял ложки танцевать, а ножи — взлетать и втыкаться в разделочную доску. Огненные шарики скользили над столом, огибая кастрюли, и разбивались о невидимые стены. Лан был в ударе, он пытался покорить всех.

Поначалу мне было очень весело.

— Суть боевой магии не в огненных шарах, — говорил он. — Если вы не успеете в нужный момент и не будете готовы, никакие огненные шары вам не помогут. Главное — подготовка и концентрация. Видеть свою цель и не отвлекаться ни на что, даже если вокруг вас горит земля.

Лан учил их сражаться с Литьяте.

Когда я поняла это, смотреть больше не захотелось. Лан, конечно, большой мальчик, должен понимать, что делает, но я...

Я пошла спать.

Джара плакала.

— Джар, ты чего? — спросила я.

— Да иди ты!

— Вообще-то, я пришла спать.

Джара приподнялась, как-то странно на меня посмотрела.

— Я больше не могу, — сказала она.

— Это ты сейчас по поводу Лана или по поводу того что, Ил-Танка требует забрать отказ?

Джара села, обхватив колени руками.

— И то и другое, — зло сказала она. — Один считает, что имеет право решать за других, второй... Лан сказал, что терять ему больше нечего, пути назад нет. Ты понимаешь? Но он не может держать собственную защиту бесконечно.

Я, наверно, понимала...

Набралась смелости.

— Джар, скажи, ты его любишь?

— Кого? Лана? — она засмеялась было, но смех этот слишком быстро перешел во всхлипы, Джара зажала рот ладонью, словно испугавшись. — Нет, — сказала она твердо, взяв себя в руки. — У нас было с ним вначале... очень хорошо было! О-оох... Прости, Соле, но вряд ли ты понимаешь. Это обжигало, словно огонь. Будоражило. Невероятно. Словно бежишь по самому острию и в любое мгновение можешь сорваться. Счастье... Это ведь страсть. Безумие, но не любовь. Так невозможно жить. Лан ненормальный. Он постоянно пытается кому-то что-то доказать, непрерывно. У него вообще нет ни страха, ни инстинкта самосохранения, он вечно играет с огнем. Ты знаешь, он ведь давно мне все выложил, кто он и зачем тут.

— А он тебя любит, — сказала я.

Джара закрыла глаза.

— Не знаю. Соле, иногда мне кажется, что он просто бесится от того, что кто-то мог ему отказать. Я предпочла ему другого, и он не может смириться. Вот и вся любовь, — она вздохнула, посмотрела на меня снова. — Нет, ты знаешь, Лан хороший парень. На самом деле хороший. Верный... ну, в смысле, что если тебе нужна помощь, ты всегда можешь рассчитывать на него. Он не испугается и не отступит. Но с ним страшно. Он покойник, Соле. То, что он делает сейчас... — Джара покачала головой. — Иногда мне кажется, что действительно лучше уехать, и пусть все случится без меня. Не хочу видеть. Но и уехать я не могу.

Я отступила назад, нащупала рукой стену... потом осторожно села на кровать, ноги подкашивались.

Я все понимала.

Слышно было голос Лана в тишине, он рассказывал что-то очень веселое, я почти не разбирала слов, но всем нравилось, они требовали еще. И еще.

Взрыв хохота с кухни.

За окном и в щелях между ставнями воет ветер.

* * *

— Пойдем, погуляем, — предложил Лан.

— Куда?

— Сегодня в городе праздник, Ночь Мертвых, танцы и представления на площадях. Мы давно не ходили на танцы. Повеселимся?

Он протянул мне руку.

Вечер уже, а Лан совершенно трезв, даже удивительно. Последнее время он напивается едва ли не до беспамятства вечерами, мы с Джарой оттаскиваем его в кровать, укладываем.

— Пойдем, — сказала я.

По мне, так Ночь Мертвых — сомнительное веселье. Я слышала про этот праздник, Ина с Регаром готовились заранее, даже какие-то костюмы себе сшили и ушли сразу после обеда. Я спросила, не боятся ли они, все же в последнее время для нас в городе не так уж безопасно. Ина рассмеялась, сказала, что сегодня особенная ночь, бояться нечего. Смысл Ночи не в том, чтобы убивать, а в том, чтобы дарить жизнь. Любовь побеждает смерть. Дети,

родившиеся после этой ночи считаются счастливыми и живут дольше прочих. По большому счету, идти туда лучше парами.

Еще сверху, с лестницы было видно, как город наполняется огнями. Маленькие светлячки текли по улицам, сливаясь, собираясь на площадях. Невероятно красиво. И музыка. Первое, что я услышала еще издали — барабаны. Мерный, завораживающий ритм, словно биение сердца. А потом подхватили скрипки.

Лан крепко держал меня за руку.

Мне казалось, дома не остался никто, все вышли на улицу. На окраинах было еще тихо, но чем ближе мы походили, тем ярче становился свет, шумнее и веселее толпа. Газовые уличные фонари, костры, тысячи свечей, расставленных повсюду. Ночь огней.

Лан купил карамельные яблоки на палочке. Я чувствовала себя ребенком. Кажется, именно этого мне не хватало — ощущения праздника.

Лан воодушевленно рассказывал, что фейерверки тут будут самыми настоящими, без капли магии, на основе пороха, бертолетовой соли и угольной пыли. Оказывается, он когда-то даже пробовал делать их самостоятельно, но маг и взрывчатые вещества — плохо совместимы, все время хочется сделать побыстрее и попроще.

На главной площади, прямо под брюхом каменного чудовища, пары кружили в танце.

Между парами медленно двигались гигантские угловатые фигуры, в два человеческих роста, одетые в белое, с черными провалами глаз. Я испугалась вначале, но быстро поняла, что это обычные люди на ходулях. Не иллюзия, не настоящие духи, как в Салотто — просто люди.

— Если мертвый коснется тебя, значит, в этом году ждет удача, — сказал Лан.

Я видела, как белые фигуры стараются одарить удачей как можно больше людей, расхаживали, размахивая руками. Многие подбегали к ним сами — подержатся, подергать за саван. Куча детей, радостно визжа, облепила огромного лохматого монстра в медвежьей шкуре, тот грозно выл и катал детишек на спине, пританцовывая под музыку. Кружили девушки в длинных, до самого пола, красных плащах с капюшонами, лица девушек были густо намазаны черным, так, что и не узнать.

— А под плащами они голые, — шепнул Лан. — Ночь любви!

Я пихнула его в бок — ишь! Он засмеялся, крепко обнял меня и потащил в самую гущу, танцевать. В его глазах сияли тысячи огней.

Мы танцевали...

Музыка пела в моем сердце и сердце стучало в такт, и кружилась голова, мне было жарко от этой музыки, от веселья, от бесконечных прыжков и поворотов, я почти не чувствовала ног, и упала бы, наверно, если бы Лан не держал так крепко. Это было здорово! Я забыла обо всем. Весь мир перестал существовать, сузился до этой площади, до этих людей, до песен и костров. Ничего больше...

А потом, мне показалось, в толпе мелькнула огненная грива волос...

— Я сейчас, — шепнул Лан.

Мгновенье, и я осталась одна, толпа подхватила меня, понесла... я все еще танцевала, не успев испугаться.

— Какая красotka! Ты одна? Пойдем со мной?

Меня обнимали чужие руки.

Я дернулась.

— Нет! Я не одна! Лан! Лан, где ты?!

Меня окружили трое парней, и все слегка навеселе. Тот, который обнимал — самый здоровый, старший из них.

— Да ладно, ну что ты... — он ухмылялся, и в его ухмылке не хватало двух передних зубов, — мы тебя не обидим. Сбежал твой парень? Так мы не хуже!

Я попыталась вырваться, но так и не смогла, держали крепко.

— Нет. Нет, не надо... — мне было страшно.

— Ты ведь не местная? Не знаешь что ли наших обычаев? Сегодня такая ночь! Каждая девушка должна...

— Ла-ан! — закричала я, что есть силы. — Помогите!

Да что ж такое, ведь я маг, мать твою! — подумала я. Заклинатель.

Хреновый, правда, но все равно. Я должна уметь за себя постоять. Лан учил. Да, ведь он же не зря учил нас.

Я знаю нужные слова, заклинание, нужно сосредоточиться, направить свою силу и ударить! Я ведь должна уметь хоть что-то!

— Хватит, не трогай ее, — за меня неожиданно вступился второй, длинный и тощий, в лохматой шапке. — Оставь ее, не пугай. Тебе девок мало, что ли?

— Я хочу эту! Имею право!

Здоровый полез было расстегивать мне куртку, и я со страху ударила, даже не успев завершить заклинание, просто со страху. Такой мощный всенаправленный удар.

— Ах ты, сука! — заорал здоровый, согнувшись пополам. — Ведьма!

Но хватка ослабла, и я вывернулась и бросилась бежать, с трудом продираясь в толпе, не разбирая куда, главное — подальше. Слышала только, что за моей спиной разгорается драка.

— Солька! Соль, ты чего?! — это Лан поймал меня за руку.

Я испугалась сначала, не узнав, потом обрадовала, прижалась к нему.

— Не оставляй меня больше одну! Пойдем отсюда.

Мы ушли. Потом еще долго бродили по городу, среди огней и чудовищ, я немного успокоилась, но так и не стала рассказывать Лану ничего.

Хотели пойти на старый причал, но он оказался затоплен окончательно. Высокий каменный вал, на котором мы сидели осенью, сейчас завален сверху камнями, кирпичом, мешками с песком, и все равно вода кое-где перехлестывает, заливает улицы все дальше. Море наступает. Еще немного, и город зальет... Ночь Мертвых в умирающем городе...

В бездну все!

Мы ели пирожки с тушеной капустой.

Грели руки и обнимались у большого костра. Катались с огромной ледяной горки.

Смотрели фейерверки. Настоящие. Здесь, в Эторе, ценят только настоящее, то, что обходится без магии. Порох и живой огонь. Целовались...

* * *

Когда поднялись...

На скамеечке, у жилого корпуса, сидел закутанный в здоровенную шубу старичок, смотрел на далекие праздничные огни. Рядом тихо сидели Джара и Олиш. Олиш бережно держал Джару за руку, Джара держала в руках радужные колокольчики, принесенные с праздника. Они все трое о чем-то разговаривали тихо-тихо.

— Пойдем, — шепнул Лан мне на ухо. — Не будем мешать. У нас тоже еще есть время.

Мы растопили с ним печку, залезли под одеяло, и тут же уснули, пригревшись, прижавшись друг к другу.

Землетрясения. Одно за одним. Нас трясло третий день, и конца этому было не видно. Пугаться и бегать на улицу уже надоело. Все бьющиеся вещи мы аккуратно запаковали, а то еще немного, и закончились бы целые тарелки. Не осталось ни одного окна, все забито досками, заткнуто тряпками, мы сидели в темноте, только керосиновые лампы чуть тлели. Керосина тоже было мало, старались экономить.

Предлагали освещать магией, что мы, не можем что ли? Что мы, не маги? Только мастер Патеру запрещал использовать магию без острой нужды, целыми днями жечь волшебный огонь — не выйдет. Это нам очень доходчиво и жестко объяснил мастер Ил-Танка, обещал даже выкинуть за шиворот того, кто не станет слушать.

— Сейчас, — сказал он, — это особенно опасно. Обходитесь так.

Бесконтрольная магия убивает землю, и земля бунтует, вот так, как сейчас. Мало нам что ли землетрясений? Люди в городе ненавидят нас не просто так, у них есть все основания.

— И что нам, просто сидеть и смотреть?

— У нас нет выбора, — сказал Ил-Танка.

* * *

Они пришли к нам сами.

Несколько человек из города.

Пришли за помощью. Наши полузаброшенные полуразвалины сразу не впечатлили их, грязные и оборванные маги не внушали доверия. Только Ил-Танка не подвел, спас репутацию Бер-Сухта одним своим видом.

Он первый почувствовал, что они пришли, первый вышел. Потом подтянулись и остальные.

Когда подошли мы с Джарой, вопрос, по сути, был решен.

Их повели к мастеру Патеру. Мастер сказал, что мы сделаем все, что в наших силах. Мы постараемся помочь. Дело не простое, конечно, остановить море почти невозможно, остановить землетрясения... Я даже не представляю.

Я видела их — к нам пришли в основном старики, на нас надеялись лишь те, кто еще помнил величие Тарра. Для молодых магия — это Литьяте, а значит — враги. Да, мы, конечно, почти свои, и, наверно, наименьшее из зол, но нам не доверяли. Мы тоже маги, и тоже виноваты.

— Что будем делать? — спросил Вэй.

Мы собрались на площади перед учебным корпусом, мастер Патеру сидел на скамеечке, мы стояли рядом. Нас так мало. Хватало одного взгляда, чтобы понять — помощи ждать нечего, силы Бер-Сухта больше нет.

— Скорее всего, помочь мы не сможем, — сказал мастер без всякого выражения, сегодня он казался еще старше, сухое морщинистое лицо потемнело. — Мы не можем отказать в помощи, это наш долг, но и помочь не можем. То, что происходит — как раз из-за слишком большого количества магии в мире, земля не выдерживает, когда на нее давят со

всех сторон. Мы можем постараться надавить еще больше, прикрыть город ненадолго, но потом будет хуже.

Все молчали, переглядываясь.

— И это теперь не остановить? — спросила Джара.

— Рано или поздно землетрясения улягутся, море зальет еще часть города и остановится, — сказал мастер Патеру. — Это рецидив тяжелой болезни, но не агония. Пока еще нет. Возможно, вы слышали, что когда-то на юге было то же самое, но все остановили, заморозили. Теперь море и земля там мертвые, в Салотто вся зелень держится только на магии, убери магию, и деревья засохнут на следующий день. Да и в окрестностях не лучше. Живая земля начинается ближе к Хисиру, но даже там уже больше полагаются на аграрную магию, чем на землю.

Да, я знала про пустыни Лации, видела Белые Пустоши за Каталау, когда-то там были деревни и плодородные поля, теперь только выгоревшие камни. Мы ездили с отцом. Помню, удивлялась потом, что кроме меня из знакомых никто больше в Пустошах не был, даже толком не представлял где это и что, хотя всего-то в трех часах езды...

У отца, значит, были свои счеты с магией.

— А нельзя эту магию как-то... нейтрализовать? — спросила я и сама слегка испугалась своего вопроса, смутилась.

Я думала, сейчас они все надо мной посмеются.

Мастер Патеру повернулся ко мне, долго молчал.

— Вероятно, можно, — сказал он. — Но мне не приходилось с таким сталкиваться. Магия — это часть мира, часть нас самих, как кровь, бегущая в жилах. Без крови человек погибнет. Но... — он покачал головой. — Не знаю.

— Да, перекрыть всем магию и пойти копать огороды, — засмеялся парень за моей спиной, кажется, Мэт со второго.

Многие поддержали его, хотя смех вышел не очень веселый.

— Да, — серьезно сказал мастер Патеру, — это было бы лучшее решение.

* * *

Мастер Патеру спустился в город, к морю. Не один, конечно, вместе с ним пошли Ил-Танка, мастер Эйфен, который преподавал практику у старших, и даже Лан. Они поддерживали Патеру под руки, помогая спускаться с лестницы.

Мы жгли костер на улице, варили кашу. Сидеть на кухне в темноте не хотелось.

— Домой, что ли, уехать, — задумчиво сказала Ина, — пока станцию не залило, и поезда еще ходят. Вряд ли нас кто-то будет искать. И кольцо выбросить.

Ина покрутила кольцо на пальце, сняла, сжала в ладони. Но выбросить так и не решилась, сунула в карман.

— Без кольца они нас не найдут, — сказала она.

— Если станцию зальет, — сказал Регар, — никто сюда не поедет, никакие инспекторы.

— И что нам тут делать?

— Пока еще есть шанс чему-то научиться, — сказал Регар.

— У кого? У этого Лана? Он агент Литьяте, его послали сюда специально. Он

обманывал всех! Он умудрился втереться в доверие, и так ловко! Ты знаешь, что ему нужно на самом деле? Для чего он здесь? Я бы не стала ему доверять. И Ил-Танка... они ведь учились вместе, ты только посмотри, они за одно!

Регар покачал головой.

— Нет, Ил-Танка точно не с Литьяте, он не может.

— С чего ты взял? Ты знаешь, что у него на уме? Может, они давно купили его?

— Хватит! — грозно оборвала ее Джара. — Олиш не предатель.

— Да разве? Твой Ил-Танка предал Литьяте, но ведь остался жив! Думаешь, почему?

Они не прощают. Кто сказал, что он не может предать нас?

— Он не предатель.

Джара встала.

— А ты? Ты ведь знала все про Лана, но молчала! Ты с ними заодно.

— Ина, хватит, — Регар положил ей руку на плечо. — Ты везде видишь врагов, так нельзя. Если хочешь, уезжай. Я остаюсь.

Ина обиделась. Одна уезжать она была не готова. Злилась на Регара, и вообще...

Нужно что-то менять.

Наша жизнь никогда больше не будет прежней. Если даже так, друг друга мы начинаем подозревать и ненавидеть, то что уж...

На чьей я стороне? Это даже не обсуждается, я ведь илитрийка.

Я бы вернулась. Но я не могу этого сделать сейчас. У меня еще был шанс сбежать тогда, на поезде, но теперь — поздно. Я понимаю, зачем отец послал меня сюда. Теперь я понимаю. И подвести его не имею права. Как бы я хотела поговорить с ним сейчас!

Я должна справиться. Не сдаваться. Должна быть сильной.

Я не могу вернуться, пути назад нет.

Но нужно решать, что делать дальше. Скоро придет время выбирать. Это пока я тихо сижу в уголке и слушаю, а потом... Однажды у меня спросят — на чьей я стороне, и нужно будет ответить. Мой дом там, мои друзья здесь.

Я одна.

И это не из-за детских дразнилок, я не могу больше убежать и спрятаться, мне некуда бежать. Даже отца нет рядом. Не на кого рассчитывать.

Лан... да...

Я не могу ему доверять, но больше у меня никого нет, не на кого опереться. Я боюсь остаться одна.

Я завидовала Ине, уж она могла быть абсолютно уверена в своем Регаре, перед ней не стояло выбора, для нее все просто. Я завидовала Джаре. Да, наверно, Джаре я завидовала больше всего, она точно знала, чего хочет и готова была за это бороться, она уже выбрала. А я всегда хотела только, чтобы меня оставили в покое. Наверно, пора менять свои желания, иначе не выжить.

— Эй, Соле из Салотто, — Ина насмешливо смотрела на меня, — тебе страшно, да?

* * *

Наверх мастера Патеру заносили на руках.

Мне сначала даже показалось, что он умер.

— Нет, — устало сказал Лан, — он жив, но ему очень плохо. Он сделал все, что мог.

Землетрясения прекратились, но волны не отступали, море заливало улицы.

Мастер Патеру лежал в кровати, совсем бледный, холодный, так и не приходя в себя.

Черты лица заострились, изменились как-то неуловимо, словно это уже не тот старик, а кто-то другой. Девчонки постоянно сидели с ним, Джара сидела. Я зашла как-то и поняла, что мне здесь неловко, я не понимаю, что мне делать, не знаю, чем помочь. Они обходились и без меня. Я только мешаю.

Пока уехало всего семь человек. Трое в Литьяте, получив приглашения, четверо просто домой. Оставили серебряные кольца у Ил-Танки на столе и уехали. Я ждала, когда начнут разбегаться остальные. Что мы все здесь делаем? Кажется, одна лишь воля Кожаного Человека удерживала хоть какую-то видимость дисциплины. Когда он входил — прекращались все споры, никто даже не шептался по углам. Занятия продолжались. Теперь уже без разделений на курсы, все вместе. Все, кто остался.

Удивительно, но Лан потребовал от нас физической подготовки, заставлял бегать по уграм, разгребать снег на всей территории Бер-Сухта, лазить по горам. Кое-то пытался отказывать и бунтовать, но Лан умел быть убедительным, да и не он один.

— Делайте что вам говорят, или убирайтесь отсюда, — говорил Ил-Танка, когда попытались жаловаться ему.

Какой бы способный маг ты не был, бегать приходится на своих ногах, и питаться вовсе не магической силой.

Мы подъели почти все запасы. Покупать в городе еду стало почти невозможно, там дела шли не лучше. Только Ил-Танке удавалось хоть как-то убедить горожан продать нам немного крупы или хлеба. Наши парни пытались ловить рыбу сами, раздобыли даже лодку и сети. Но море было полно лишь теней и алых корабликов, больше ничего. Сами ходили за дровами, через перевал, угля нам тоже не продавали. Собирали старую мебель по комнатам и учебным классам, топили чем могли.

Как-то раз, вместе с дровами принесли двух зайцев, слегка подпаленных, их сбили огненными шарами в лесу. Устроили настоящий пир.

Весны ждали как спасения.

* * *

Мне приснился сон. Страшно реальный. Страшно...

Мне приснился Лан.

Он шел чуть сутулясь, глядя под ноги, двое конвоиров шли по бокам. По каменной мостовой, по ступеням... на высокий помост. Два столба и цепи...

Ему велели раздеться, и он послушно, без слов, принялся расстегивать рубашку, потом штаны, раздеваясь догола. Как-то очень аккуратно, церемонно сложил все рядом. Я так и не видела его лица, он смотрел в сторону, волосы падали на лоб.

На какое-то мгновение мне подумалось, что это может быть и не он... Нет, он, я слишком хорошо знала его, помнила все шрамы на его теле. Это он.

Его взяли за руки, подвели к столбам, приковали, растягивая руки в стороны.

Даже во сне я понимала, что сейчас будет.

Казнь. За предательство.

Мне хотелось отвернуться, спрятаться, не смотреть. Но я не могла. Я ничего не могла сделать. Даже закричать не могла.

И Лан не кричал. С него сдирали кожу. Не спеша, методично, со знанием дела, начиная со спины, я сначала даже не видела... Лан не кричал. Его тело выгибалось от боли, дрожали от напряжения руки, подгибались ноги, пока он еще мог стоять. Часто-часто дышал сквозь зубы. Потом он повис на цепях, мне даже показалось — потерял сознание. Палач взял его за подбородок, приподнял голову. Тогда я впервые увидела глаза Лана — небесно-голубые... мне показалось, он смотрит прямо на меня, он меня видит... По телу прошла судорога.

Он закричал, глухо и страшно, только когда последним рывком сорвали кожу с лица.

И я закричала тоже.

Вскочила... что-то держало меня...

— Ш-ш-ш, тихо, тихо, — сказал Лан у самого уха. — Тихо. Все хорошо.

Он обнимал меня. В кровати. В Бер-Сухте.

— Все хорошо, Соле. Все хорошо.

О, боги...

— Мне приснился сон, — сказала я, сама не узнала свой голос.

— Да, — сказал он. — Я знаю. Уже все... не бойся. Все закончилось.

Я всхлипнула, прижалась к нему. Он натянул одеяло, укутывая меня до самых ушей, обнял крепко. Я долго сидела так, не в силах даже пошевелиться в его руках, слушая, как бьется его сердце, вбирая в себя его запах, его тепло... Все хорошо. Это только сон.

Я подняла голову, посмотрела ему в глаза. Лан улыбнулся мне, но улыбка вышла какой-то вымученной.

— Скажи... — я начала, но так и не нашла в себе силы закончить вопрос.

Лан кивнул.

— Это мой сон. Прости. Ты не должна была этого видеть.

Твой?

Я поняла, что меня снова начинает трясти.

— Всего лишь предупреждение, не пророчество, — сказал Лан. — Не бойся. Этого не будет.

— Но за что, Лан?

— За что? — он удивился, я, конечно, задала глупый вопрос. — Соле, я сделал уже достаточно, для сурового наказания. Пока, наверно, не для такого. Но я ведь все еще на службе, и ничего не могу с этим поделать. Я принес присягу. Однажды, вероятно, мне пришлют новый приказ, и я откажусь его выполнять.

— Какой приказ?

Лан пожал плечами так, словно это ничего не значило.

— Не знаю. Зависит от обстоятельств.

— И ты... ты не сможешь выполнить?

— Не просто не смогу. Не захочу. Пошлю их в задницу прямым текстом, — Лан криво ухмыльнулся. — Просто не смочь — мало.

— Ты же только что сказал, что это предупреждение, этого не будет?

— Соле... ну, к чему гадать. Разве нам нечем больше заняться?

Все еще обнимая под одеялом, он перевернул меня на спину, поцеловал.

Станцию в конце концов залило водой и поезда больше не ходили. Мы оказались отрезаны от мира. И мы и город, там сейчас тоже было не сладко, не лучше чем нам.

Лана, почему-то, это очень порадовало. Хотя, конечно, для приказа Литьяте никакие поезда не нужны.

Мастер Патеру умер.

Просто тихо умер рано утром. Ил-Танка зашел к нам, чтобы сказать. Помянуть.

Налил из нашей бутылки себе в кружку... да, наверно, полкружки налил, не меньше, сдвинул страшные повязки на своем лице, вылил самогонку в рот, всю залпом.

— Мир его праху, — сказал тихо. — В нашем мире больше не осталось настоящих магов.

Мы тоже выпили.

Вот и все.

Все закончилось.

Наверно, теперь нам придется решать самим.

Рыбы плыли у нас под ногами.

Мы сидели на крыше полузатопленного дома, в котором еще недавно жили люди. Вчетвером. Я, Лан, Джара и Ил-Танка. Да, Ил-Танка тоже пошел с нами, просто погулять. Наверно, именно в этот момент я окончательно поняла, что Бер-Сухта больше нет. Нет, как училища. Олиш Ил-Танка больше не наставник, а просто друг.

Он сидел рядом с Джарой, накинув на голову широкий, отороченный мехом капюшон куртки. Вот так, сбоку, не видя лица, и не подумаешь... парень, и парень.

Джара держала его за руку, потом положила голову на плечо.

Рыбы под ногами.

Я заметила сразу, но не сразу оценила. Белых теней не было, как и корабликов, зато море было полно рыбы. Стаи сельди скользили над мостовой, сверкая серебристыми боками, за ними шла пятнистая треска.

Лан уже потирал руки, рассчитывая с утра отправиться на рыбалку.

— Он сделал все, что мог, — говорил Ил-Танка, — но это окончательно подорвало его силы.

Мастер Патеру вернул морю жизнь.

Ил-Танка рассказывал о каких-то сложных схемах локализации и перенаправления магических возмущений, о выявлении напряжений силовых линий земли, об узлах, на которые нужно воздействовать в первую очередь. Они обсуждали это с Ланом, они оба были в теме, понимали в таких вещах. Как это делалось сейчас здесь, и как было в Илитрии много лет назад, принципиально по-разному. Магия — кровь земли, ее нужно возвращать, нельзя брать не отдавая... Человек умирает от потери крови, земля — тоже. Джара внимательно слушала, что-то уточняла. А я не понимала ничего. Я пыталась, конечно, но... Не думаю, что это когда-то может мне пригодиться. Это слишком высокий для меня уровень магии.

Я смотрела на рыбок. Радовалась. Хоть что-то хорошее.

Потом как-то незаметно перешли к огненной горе над Салотто.

— Главное, понять, кому это нужно, — сказал Лан. — Понять, кто собирается бросить эту гору и зачем.

Ил-Танка покачал головой.

— По-моему, это очевидно.

— Для провокации слишком жестко.

— Ты не туда смотришь, Латаре. Огненная гора падает в море, огонь разбегается по исторической части и жилым кварталам. Нужных людей, в конце концов, можно предупредить. Если бы ты хотел ударить, что бы выбрал как цель? Гавань?

— Кос, конечно, Литьяте. В крайнем случае Сенат. Но ведь можно и промахнуться.

— Кос в двадцати милях к югу от города. Если бы кто-то мазал настолько сильно, он бы и близко к городу не попал.

— Это слишком.

— Может быть. Но кто по-твоему может обладать достаточной силой? Это ведь не огненным шаром по кроликам стрельнуть.

— Мало ли незарегистрированных магов, или не подконтрольных Литьяте.

— Мало, в том-то и дело. На самом деле, последним, кто реально способен на такое —

был Патеру. У Хагена был потенциал... — Ил-Танка вздохнул. — Нет таких магов, понимаешь. Даже если все дикие колдуны Этора соберутся, они не справятся.

— А ты?

— Я? Огненные горы не мой профиль. Я могу поднять людей, вот, хотя бы Налар-Сухт, заставить их вооружиться, погнать их на Салотто. Они будут бежать без сна и отдыха, пока не сдохнут, или пока не вяжутся в бой. Могу даже по дороге подсобрать еще. Но я никогда не сделаю так, и в Литьяте это прекрасно знают. Поэтому меня и отпустили.

— Ты действительно можешь?

— Да, — спокойно сказал Ил-Танка.

Мне стало как-то не по себе. Это не бравата. Я представила тысячи людей с пустыми глазами, бегущие по снегу, абсолютно послушные. Обычные простые люди.

А Лан как-то не очень поверил.

— Да ладно. Покажи! — предложил он.

Ил-Танка ничего не сделал, даже не шевельнулся. Но Лан, на моих глазах, прямо с места вдруг перекувырнулся через голову, встал на руки, так же на руках подошел к краю и прыгнул в воду.

Вынырнул, выскочил, отряхиваясь, словно мокрая собака.

— Мать твою! — зло шипел он. — Вот сволочь...

— Нормально? — спросил Ил-Танка.

— Да чтоб тебя! Холодно же. Как теперь сушиться?

— Это твои проблемы, — Ил-Танка весело хмыкнул. — Кто-то, кажется, говорил, что боевой маг всегда должен быть готов? Где твоя защита?

— Была защита, — буркнул Лан.

— Я не заметил.

Джара хихикала. Лан стащил куртку, отжал, принялся сушить.

— Ты с магией поаккуратнее, — сказал Ил-Танка. — Сейчас очень легко нарушить равновесие.

Лан ругался себе под нос. Мне даже стало его слегка жалко. Разве он неопытный мальчишка, чтобы с ним так? Он мастер Литьяте.

— Лан, ну что ты...

Он так страшно на меня глянул, что я сразу решила засунуть сожаление куда подальше.

— Кстати, — сказала я, чтобы сменить тему. — В моем сне рядом со мной стоял какой-то человек. Кто это? Может быть, если мы узнаем, то это поможет? Он хисирец, такой рыжий и...

— Не поможет, — прервал Ил-Танка. — Я знаю кто это, я видел.

— Кто? — спросила Джара. — Ты мне ничего не говорил.

— Как? — спросила я. Как он мог видеть?

— Ты прости, Соле, но мне не нужно спать с тобой, чтобы видеть твои сны, я могу и так. Тем более, что...

Он повернулся ко мне, я увидела его глаза — ослепительно зеленые, как и у всех хисирцев.

— Олиш! — выдохнула Джара, вскочила на ноги.

— Это я в твоем сне, — сказал Ил-Танка. — Не знаю, как это объяснить. Скорее всего фантомный образ, во сне так бывает.

Он снова отвернулся, глядя куда-то за горизонт.

Невозможно поверить. И все же, я знала. Чувствовала это с того дня, как мы пытались спасти Хагена.

Лан стащил с пальца давно бесполезное серебряное кольцо, размахнулся и бросил в море.

На обед была рыба! О! Я поняла, что жутко голодна, что могу и кита целиком сожрать, не то, что селедку. Настоящий пир. Все сидели такие довольные, расслабленные, Джара рассказывала, как она тоже в детстве бегала ловить рыбу вместе с соседскими мальчишками, а однажды, поймав больше всех, подралась с Сешем, который утверждал, что это не справедливо, она девчонка и вообще ловила на чужие снасти, значит должна поделиться.

— Ох, и врезала я ему! Две недели потом ходил с заплывшим глазом, — смеялась Джара. — Делиться ему! Еще не хватало! Девчонка! Мы сцепились прямо на дороге, так увлеклись, что нас чуть двуколка не сбила. А потом завалились в канаву и все перемазались, я платье порвала. Только пока мы дрались — нашу рыбу унесли. Остались без улова, Сеш без удочек. Ему и от отца влетело, за то, что удочки потерял. Но зато он сам потом меня ото всех защищал, и рыбы приносил, и не мне, а матери сразу, чтоб я отказаться не смогла. Хороший парень... женился недавно... на дочке бакалейщика, такой беленькой, чистенькой, скромненькой, что аж тошно.

Джара поглядела в ту сторону, где сидел Ил-Танка, не за столом, а в углу, в полутьме.

— Вот и пусть теперь с ней мучается, — она засмеялась, откинула назад прядь золотых волос.

Потом начала рассказывать, как они, детьми еще, бегали кататься на свиньях. Весело, прямо уморительно.

— Ты Расскажи лучше, — предложила Ина, — сколько у тебя мужиков было.

— Много, — фыркнула Джара. — У тебя столько никогда не будет.

— Ты шлюха, как и твоя мать! А мне достаточно одного.

Джара ничуть не смутилась.

— А как ты тогда узнаешь, что он лучший, а не просто случайный кобель? — она подмигнула Регару.

Регар сделал вид, что обиделся, но я знала, что подколки Джары его не задевают.

— А нечего ей вообще узнавать и думать на эту тему, — сказал он. — Обойдется и так.

Ина вспыхнула было, но по-настоящему разозлиться не успела, Регар сгреб ее в охапку и смачно поцеловал, Ина подергалась немного и растаяла.

Парни засмеялись.

Казалось, все хорошо. Можно расслабиться и не думать о магии, о будущем, об огне и о казни. Мелкие стычки Джары с Иной не воспринимались всерьез, они всегда так. Жизнь шла своим чередом, показалось даже, что все наладится...

Ровно до того момента, пока Арек не поднялся из-за стола.

— Посмеялись? Давайте о важном, — громко сказал он. — Нужно идти к Одле. Я предлагаю всем эторцам, кому дорого будущее своей страны, поступить в армию, на службу. Мы должны вернуть корону и восстановить Тарр. Лицензия Литьяте нам не нужна.

Лан сморщился.

— Сколько пафоса. Не знаешь, куда применить свои силы?

— Я обращаюсь не к тебе.

— Да? «Всем эторцам!» Ты забыл, что сам наполовину ригделец.

Арек позеленел.

— Что ты несешь! Это моя страна! Я здесь родился и вырос! Потом, Ригдел не Илитрия Тебя я с собой не зову.

— Я и не собирался, — сказал Лан.

— Ты донесешь в Литьяте?!

— Донесу, — холодно сказал Лан. — Ты думал, для чего я здесь?

Они повскакивали со своих мест все разом. Мне показалось, сейчас убьют его, Лану не справиться, как бы силен он не был — их больше, и они тоже маги.

— Сядьте, — тихо велел Ил-Танка из угла.

Его голос отчетливо прозвучал даже сквозь общий крик.

— Хочешь заткнуть нас? — зло поинтересовался Арек. — Вы заодно?

Ил-Танка поднялся, вышел к свету. В его зеленых глазах подрагивали отблески лампы.

— Я не стану давить на вас и заставлять делать то, что считаю нужным. Никто другой, как псионик, не поймет, насколько важна для человека собственная воля. Собственное право выбора. Вы можете поступать так, как считаете нужным. Вы можете уходить, если хотите, — он обвел нас всех взглядом. — Но уходить пока рано, война начнется только весной. Вы еще не готовы, вас перебьют как щенков. Вы пока не понимаете, с чем связываетесь.

— Откуда ты знаешь про войну? — с вызовом спросил Вэй.

— Знаю, — сказал Ил-Танка. — Все к этому идет.

Они зашептались. Я хорошо понимала, что многие ждали войны, многие желали — какой же мальчишка не желает повоевать? Но мало кто верил, что она может начаться на самом деле, тем более так скоро. Одно дело потрясать кулаками и взывать к справедливости, другое...

— Литьяте уже готовится, — сказал Лан.

— И мы будем готовиться, — сказал Вэй. — Мы пойдем в Одле. Джара, ты пойдешь с нами?

— Нет, — сказала она. — С вами я не пойду.

— А что будешь делать?

Она поджала губы, потом встала.

— Я останусь с Олишем. Я сделала свой выбор.

Подожла, решительно взяла его за руку. Ил-Танка, кажется, растерялся. Он смотрел на Джару и молчал.

А Вэя задело, я помню, он тоже пытался за Джарой ухаживать.

— И что ты будешь с ним делать? — спросил он. — Сказки на ночь рассказывать?

Джара чуть задрала подбородок.

— Я останусь, — упрямо сказала она.

* * *

— Латаре! — он зашел к нам поздно вечером. — Ты хотел просить об услуге. Если не передумал, давай сейчас. А то потом, возможно, я уже не смогу.

Лан сел на кровати.

— Что, решил все-таки? — спросил он.

— Да, — сказал Ил-Танка.

Лан нахмурился, вздохнул.

— Мне не надо, — сказал он наконец. — Я подумал... Не надо.

— Почему? — спросил Ил-Танка.

— Так мне все равно от них не спрятаться. Даже если сломать защиту окончательно, в чем я сомневаюсь. Не выйдет. Они меня все равно найдут. Куда я денусь? Даже если прятаться всю жизнь. Лучше я поеду и сдамся сам. Меня отдадут под трибунал и, скорее всего, посадят... но уж лучше так. Да?

Он искоса поглядел на Джару, та кивнула.

— Когда поедешь? — спросил Ил-Танка.

— Вот ты вернешься, и я поеду. Не хочу пока оставлять девчонок одних.

— А если я не вернусь?

Лан снова вздохнул, хлопнул и потер ладонями о колени.

— Не знаю. Посмотрим. Буду ждать сколько смогу.

— Хорошо, — согласился Ил-Танка, повернулся к двери.

Джара вскочила, побежала за ним.

В открытую дверь я видела, как она догнала, бросилась ему на шею, начала что-то быстро и горячо говорить. Он покачал головой, обнял ее крепко, чуть приподнял... Джара прижалась щекой к его лицу.

Я отвернулась.

— Соле, — Лан подошел ко мне, присел рядом. — Я хочу поговорить с тобой. Хочу, чтобы ты понимала, я не собираюсь бросить тебя и сбежать. Ни сейчас, ни потом. Скоро, наверно, вернется Джара, пойдем лучше выйдем...

— Лан, я все понимаю...

— Нет, — он не дал мне договорить.

Поставил передо мной сапоги, помог надеть куртку.

Мы пошли по коридорам вверх, а то на улице все-таки слишком холодно.

— Ну вот, — Лан остановился, наконец, взял меня за плечи.

Он смотрел мне в глаза, словно собираясь с духом. Я видела, что он волнуется. Небритый, осунувшийся, сейчас он выглядел даже старше своего возраста, совсем не так, как в начале. Отчего-то подумалось, что такой Лан мне нравится больше... может от того, что теперь я лучше понимаю его. Он стал ближе.

— Что ты хотел? — сказала я.

— Соле, я хочу чтобы ты оценила все правильно. Не хочу обманывать тебя, давать какие-либо необоснованные надежды. Прежде всего, я спасаю свою шкуру. Пытаюсь найти наиболее оптимальный вариант. Каждую минуту я боюсь, что получу приказ доставить тебя в Литьяте. Здесь не нужны ни поезда, ни телеграммы, это ментальный контакт. Свойство серебряных нитей, прошитых в кожу, от этого не избавиться. Возможно, прикажут доставить не только тебя. Когда я подписывался на это задание, то не представлял, чем это закончится, многого не понимал. Личные амбиции... да, у меня ведь нет особых талантов, так что я надеялся выслужиться, заработать признание на сложном деле. Мне казалось — это интересно, это вызов. Самонадеянный болван! — Лан криво усмехнулся. — Твои сны, Соле. Ты важна для них. Рано или поздно, они решат использовать тебя в своих целях. Даже не хочу думать — каких. Ты знаешь, что по моим данным, у тебя очень высокий потенциал, едва ли не выше, чем у Хагена? Но другой направленности, не явный.

Я потрясенно мотнула головой.

— Магия бывает разной, Соле. Бывает, что эта сила направлена на разрушение, огонь —

как у Хагена, да и у меня тоже. Огонь бывает чаще всего. Бывает, что на созидание, сотворение нового, как у мастера Патеру. Бывает, что на подчинение разума, как у Ил-Танки. Твоя сила направлена на сохранение целостности, на защиту. Ты просто пока еще не разобралась с этим, тебе не говорили, ты не знала, в какую сторону идти. И если тебе это официально не говорят, скрывают, выдают липовые бумажки, значит, у Литьяте на тебя другие планы. Мне это не нравится. Очень не нравится. Я видел, как там обходятся с людьми, поэтому не смогу просто взять и передать тебя в их руки. Но если я буду понимать, что ты в безопасности, то, возможно, смогу найти лазейку и для себя.

Я почувствовала, как внутри сжимается холод.

— Мне нужно убежать, да? Спрятаться?

— Нет. Это не поможет. Они найдут тебя, куда бы ты не спряталась, и будет хуже. Я хочу предложить тебе защиту своей семьи. Ты ведь знаешь, кто мой отец? Очень богатый и очень влиятельный человек. Да, он далек от магии, но владелец металлургической корпорации. Мой дядя псионик очень высокого уровня, моя троюродная сестра входит в Общественный Совет Литьяте. То, что я порвал с семьей — неправда, это легенда, часть моей работы. Я принес присягу, согласился сам, тут уже ничего сделать нельзя. Но тебя они защитит смогут. Особенно, если ты станешь частью семьи. Если ты станешь моей женой, они не смогут отказать тебе в защите.

Мне показалось, я расслышала неправильно...я чего-то не понимаю. Чего- то важного.

Наверно, у меня было такое лицо, что Лан даже чуть рассмеялся.

— Соле, прости. Я знаю, что не так нужно делать предложение девушке. Если все закончится хорошо, я буду вставать на колени, говорить кучу всяких важных и правильных красивых слов, осыпать тебя цветами и петь серенады под окнами. Но сейчас можешь считать это деловым предложением. Я свяжусь со своими, нас встретят на границе, нас будет сопровождать охрана. Тебя уже не смогут схватить и утащит неизвестно куда, придется отчитываться перед моей семьей за каждый шаг. А уж отец потребует от них отчета, можешь не сомневаться! Он их за горло возьмет, у него тоже свои счета с Литьяте, — Лан перевел дыхание, словно после долгого бега. — Соле, — сказал он тихо, — у меня собственное поместье за Алтаратой на побережье, большой светлый дом, кипарисы, оливы, прямо с террасы выход к морю. Тебе понравится. Даже если ты останешься вдовой, оно достанется тебе.

Я смотрела на Лана и понимала — он не очень-то рассчитывал остаться в живых. Все эти судорожные попытки ухватиться, сделать хоть что-то... Он сам не верил. Что бы я не решила — ему это не поможет. Он не умеет быть осторожным, я помню, как он спорил с инспектором.

Он влез в игру, не понимая правил, а теперь не может выпутаться.

Я зажмурилась.

Лан молчал, ждал, я слышала только его дыхание.

— Нет, — сказала я. — Не надо. Я не поеду с тобой. Возвращайся один, пока можно. Не нужно меня защищать. Я пойду в Одле с остальными.

Я пока никому больше не говорила о своем решении. Сейчас, утром, мне казалось — из этого тоже ничего не выйдет. Я чужая. Я илитрийка. Они не возьмут меня с собой, зачем я им. У них своя компания, я даже особо с ними не общалась. Я опять словно маленькая девочка, которая боится подойти и заговорить. Даже Ине сказать... Ей, наверно, страшнее прочих.

Остаться с Джарой? Джаре и без меня хватает забот.

Я пойду сама.

Да, поезда не ходят, но можно по дороге добраться до следующей станции, и уехать уже оттуда. У меня есть немного денег. Ничего, справлюсь.

Страшно, конечно.

Я никогда еще не оставалась одна.

Даже не представляю, что буду делать.

— Мы вчера съели всю рыбу, — сказала Джара. — Надо бы сходить, наловить еще.

У нее были красные глаза, она не спала всю ночь.

— Я схожу, — сказал Лан.

Мне снился сон.

Салотто. Но огня не было. Было пусто.

Я сначала даже не узнала, не поняла, что это мой город. Я привыкла, что Салотто утопал в зелени, что все цвело круглый год. Привыкла, что на улицах полно людей. В моей памяти Салотто был другим.

Я шла по улице, а вокруг пустота. Ветер гонял по розовой брусчатке старый мусор. Где-то скрипнула дверь. Тихо.

Деревья стояли голые, без единого листочка. Жухлая сухая трава. Пустые фонтаны.словно подняя-поздняя осень на севере, в Салотто такого не бывает. Только еще и люди ушли. Что делать людям в таком месте.

Мои шаги отдавались гулким эхом.

Я одна... пустой мертвый город.

Станный сон.

Я всю ночь не могла уснуть. Лежала, глядела в потолок.

Боги! Мне хватало одного огня, а тут еще!

Или это просто сон? Обычный кошмар на нервной почве? Может и так. Мертвая земля, мертвый город... Это просто усталость. Я не понимала, что это значит. Единственное, что могло хоть немного успокоить — город в моем сне не был разрушен, не был сожжен. Огненная гора не падала на него. Из него просто все ушли... ушла жизнь.

Ушла магия.

Без магии Салотто превратился в пустыню.

Страшно.

Я старалась лежать тихо, не мешать остальным.

Слышала, как рано утром встал Лан, еще в полной темноте. Зябко ежась, подкинул немного дров в печку, разжег огонь. Посидел немного, грея руки, и ушел.

Слышала, как встала Джара, пошла на кухню, поставила чайник.

Я все лежала. Не хотелось вставать. Какое-то странное оцепенение овладело мной. Я не понимала, что делать дальше, и даже не хотела ничего делать. У меня не было сил.

— Не спишь? — Джара вернулась.

— Нет, — сказала я.

Джара пошарила на столе, нашла спичечный коробок, чиркнула, зажгла свечку.

— Чай будешь? — спросила она. — Я принесу. Не хочу на кухне сидеть.

— Буду, — сказала я.

Чай оказался с чабрецом и даже медом, который мы доставали по особым случаям.

— Надо доесть, — сказала Джара, — все равно больше не понадобится.

Я взяла кружку и села на кровати, завернувшись в одеяло.

Скоро мы все отсюда уйдем.

— Ты тоже пойдешь в Одле? — спросила я.

Джара неопределенно дернула плечом, последние пару дней она сама не своя — тихая, молчаливая. Нам всем, конечно, не особенно весело, но Джара... я не привыкла видеть ее такой.

— Я подожду Олиша, — сказала она. — Там посмотрим.

— А где он?

Я ведь раньше так и не решалась спросить. Хотя догадывалась.

— В деревне, — сказала Джара.

— В... в той?

— Да. Он пошел к Юнани. Я заставила его.

— Ты? Заставила его?

Джара посмотрела на меня.

— Да, — спокойно сказала она. — Олиш, конечно, великий и ужасный маг, он сам кого хочешь заставит, хоть на голове стоять. Но что с того? Он такой же мужчина, как и прочие.

Мне было сложно поверить.

— Ты думаешь, получится?

Спросила, и прикусила язык. Ну, как можно!

У Джары дрогнули губы, но она их тут же поджала. Долго собиралась с силами.

— Получится, — сказала твердо.

И долго неподвижно сидела, глядя в одну точку.

— Если есть хоть какой-то шанс, то нужно попробовать, — сказала она, в ее голосе не вопрос, не сожаление, а какая-то отрешенность. — Самое худшее, это опустить руки и не делать ничего. Нужно верить, что все получится. Всем сердцем верить, не сомневаться. Идти до конца. Олиш справится, он очень сильный.

— Я видела его в своем сне, — сказала я.

— Да. Это важно.

Джара положила еще меда в чай, помешала. Подула чуть-чуть и отпила. Она держала кружку обеими руками, сжав в ладонях, смотрела на дрожащее пламя свечи.

— Ты знаешь, Соле, хорошие маги редко рождаются в обеспеченных благополучных семьях. Наверно, им просто не хватает выдержки и силы воли, у них все есть, они не относятся серьезно к трудностям, встающим на пути. Вот, как Лан, — Джара вздохнула. — Нужно много работать, не ожидая получить результат прямо сейчас. Нужно упорство. Ты знаешь, что отец мастера Патеру был угольщиком? Да, он илитриец, но он из очень бедной семьи. А Олиш родился в маленькой деревушке. Его отец батрачил на сезонных работах, а зимой уходил в город, перебивался там. Денег вечно не хватало, кое-как спасал крошечный огород. У Олиша был старший брат, но он очень рано умер, не дожив до десяти, и было шесть сестер — две старшие и четыре младшие. Сначала еще ничего, но потом отец начал пить, как-то резко, летом, и почти не работал, валялся дома. Начал бить мать и сестер. Олиша не трогал, видимо чувствовал что-то уже тогда. Мать все ждала, когда настанет осень и он уйдет в город. Его отец ушел и больше не вернулся. Потом, Олиш говорил, что нашел его, уже учась в Литьяте. В городе у его отца была другая семья, два пацана.

Джара отпила еще чая.

Я подумала, что все мои детские трудности, наверно, ерунда. У меня был хороший дом, любящий отец. Он всегда любил меня, я знаю, просто очень тяжело перенес смерть мамы. Я никогда ни в чем не нуждалась.

— В двенадцать лет Олиш остался единственным мужчиной в семье, — продолжала Джара, — с кучей долгов. Он говорил, что спал тогда не больше четырех часов в сутки, мог по несколько дней не есть, просто нечего было, брался за любую работу... но что может мальчишка? Не представляю, как он выдержал. Способности псионика обнаружились в пятнадцать, почти случайно, когда Олиш застал свою младшую сестру в сарае с тремя

парнями. Они трахали ее, все по очереди, пообещав бусы и цветной леденец. Она терпела. И тогда Олиш сорвался. Убил двоих. Руками, лопатой. Третьему удалось уйти, но он навсегда остался идиотом, у него расплавились все мозги. Олиша судили, хотели повесить, но за ним очень быстро приехали из Литьяте. Удивительно, но мать не хотела его отдавать, не знаю уж, на что она рассчитывала, ведь его буквально вынули из петли. Олиша выкупили у нее, заплатили хорошие деньги. Его купили, представляешь. И он до сих пор отправляет все деньги домой, говорит, что ему самому ничего не нужно.

Я слушала, затаив дыхание. Это было как-то очень страшно.

Поняла, что так и держу в руках полную кружку, чай совсем остыл.

Джара смотрела на меня.

— Он заслуживает нормальной жизни, Соле. Даже если не со мной, я не обижусь. Просто нормальной.

* * *

Я стояла у парапета смотровой площадки, смотрела на город, припорошенный снегом, на ослепительно-синее море, на темные громады гор. Кое-где уже горели огни, хотя солнце опуститься еще не успело, зимний день короток.

Я ведь уже успела привязаться ко всему этому. Холодный север стал родным.

Салотто казался таким далеким, словно он был не в моей, а в чужой жизни. Нереальным. Казалось — этого и не было никогда. Всегда был только снег и пронизывающий ветер.

Самое удивительно — я не хотела возвращаться.

Даже если бы мне ничего не грозило, если бы я просто могла приехать домой и жить как прежде. Все равно, как прежде — не будет. Я изменилась сама. Я стала другой. Моя настоящая жизнь здесь.

Мне не вернуться.

Словно уже пустила здесь корни. Словно какие-то невидимые связи уже проросли, привязали меня к этому суровому месту. Скалы, город, дикое море — все это стало родным. Единственной реальностью.

Что-то слабо кольнуло палец.

Я сняла варежку, сразу даже не поняла. Кольцо. Серебряное кольцо, защищающее меня от враждебного мира и мир от меня, стабилизирующее магию, как говорили. Я ведь не имела права снимать его даже на минуту.

Я знаю, что Джара уже давно не носила кольца, с тех пор, как отказалась ехать в Литьяте. Ина носила. Даже странно, она ведь ненавидела больше всех... Она на что-то надеялась? Или просто не могла решиться порвать эту связь.

Мне ведь все равно не вернуться.

Кольцо болталось на пальце свободно, кажется, пальцы у меня похудели. Едва не сваливалось. Я сняла, сжала в ладони. Кольцо было теплое, мне кажется, я даже чувствовала магию в нем. Чувствовала тонкую ниточку, тянущуюся от него куда-то вдаль. Это только моя фантазия? Или я правда чувствую это? Кольцо-блокатор, оно держит так же, как серебряные нити присяги. Только кольцо пока можно снять. Пока еще можно.

Я размахнулась и кинула прочь — вниз, в снег, в пустоту.

На душе стало легче.

Не вернуться. Это навсегда.

Зазвенела лопнувшей струной натянутая нить. Мне показалось, падая, кольцо оторвало какую-то часть меня, вырвало, унесло в бездну. Ту часть, которая еще помнила тепло юга.

Море шумело...

— Соле! — услышала крик за спиной.

Джара бежала ко мне.

— Соле, там Лана схватили!

— Что? — я даже не поверила. — Кто схватил?

— Наши! Они говорят, он хотел сбежать!

Джара пыталась отдышаться. Без шапки, растрепанная, раскрасневшаяся.

Сбежать? Невозможно поверить. Нет, он хотел уехать, конечно, но он бы сказал, предупредил... Схватили?

— Его вырубили... совсем... — Джара была страшно взволнована. — Его связали и затащили в одну из тренировочных комнат в учебном корпусе, из тех, что блокируют магию. Он ничего не мог сделать.

* * *

Лан лежал на полу.

Небольшая комната, совершенно пустая, световое окно на потолке, удивительно, но стекло здесь осталось целым.

Лан лежал на боку, отвернувшись к стене, согнувшись, поджав ноги. Руки были связаны, крепко скручены веревкой почти до локтей.

Его били...

— Лан, — позвала Джара. — Лан!

Он медленно повернулся на спину, чуть приподнял голову. Все лицо было в крови.

Я не удержалась, вскрикнула.

— Вы с ума сошли? Отпустите его! — потребовала Джара. — Что вы творите?!

— Он сдаст нас Литьяте, — холодно сказал Вэй.

— Он сдаст вас? Что он им скажет? Что вы собираетесь разбежаться? А то там не знают! Что нового он может о вас сказать?

— Он шпион Литьяте, — сказал Вэй. — Ты знаешь, что он делал здесь?

Джара нахмурилась, промолчала. Вэю это не понравилось.

Они тут уже все решили до нас.

— Джара! — он повысил голос. — Ты знаешь, что он тут делал?

— Это ты его спрашивай, не меня! — Джара зло огрызнулась. — Но я не верю, что он хотел сбежать. Он обещал дождаться Олиша.

— Дождаться? А потом? А где твое пугало, ты тоже не скажешь?

Вэй был тощий, зато высоченный, он нависал над Джарой на целую голову. Но Джара не боялась. Ни его, ни его дружков, что толпились у двери.

— Не скажу, — она бросила на Вэя гневный взгляд, снизу вверх. — У него личное дело.

— Личное? Нашел время!

— Да иди ты, Вэй!

— Ты с ними заодно?

Джара скрипнула зубами. Пихнула Вэя, заставляя отойти в сторону, подошла и встала рядом с Ланом.

— Да, — сказала она твердо. — Я с ним.

Лан дернулся, попытался вскочить, но даже сесть получилось у него с трудом.

— Джар, не лезь! — хрипло велел он.

— Не лезь!? Да что они о себе возомнили?! Вэй, какого хрена ты творишь? Еще недавно ты собирался получать диплом, проходить в Литъяте аттестацию. Это все от того, что тебя не пригласили?

— Я бы не поехал! Ты что, оправдываешь их?!

Они орали друг на друга. Я старалась не высовываться, мои дела теперь были совсем плохи. Их много, а мы с Джарой... что мы можем сделать? Если даже Лан не справился. Они маги и их много. Как все это вышло? Мне казалось, мы почти друзья. Почему-то снова вспомнилось, как Вэй пытался за Джарой ухаживать, какие слова говорил...

— И что ты теперь собираешься с ним делать? Держать тут? — голос Джары дрожал от волнения и гнева.

Вэй замаялся. Что делать со шпионом Литъяте он еще не придумал, к серьезным действиям был пока не готов. Как бы там ни было, Вэй не злодей и не убийца. Обычный парень. В конце концов, он слишком хорошо знал Лана, что бы так...

— Мы убьем его, — сказал Арек.

Джара резко обернулась к нему, чуть не подпрыгнула, в ее глазах вспыхнула паника.

— Вы что?! — вскрикнула она.

Арек — не Вэй, он другой...

Лан подобрал под себя ноги, встал сначала на колени, потом, медленно, на ноги, но ноги плохо держали его.

— Не лезь, Джара. Ты не понимаешь. Я действительно собирался сбежать. Уехать. Моя работа тут закончилась, я...

— Ты получил приказ? — Джара не дала ему договорить.

Лан запнулся. Долго, молча, смотрел на нее, потом на меня. Потом коротко кивнул.

Джара побледнела.

— Не лезь, ладно, — тихо попросил Лан. — Ты не поможешь, сделаешь только хуже.

— Какой еще приказ? — потребовал Вэй.

Джара глянула на него с ненавистью.

— Не твое дело!

— Мое!

Вэй грозно пошел на нее, Джара вытянулась. Я видела, что Лан дернулся было вперед, но ноги подогнулись, он споткнулся, едва не упал.

— Рассказывай, — глаза Вэя угрожающе сверкали.

— Пошел в жопу, ублюдок!

Джара замахнулась, собираясь залепить Вэю пощечину, но он оказался быстрее. Схватил Джару за руку, дернул на себя.

— Хисирская шлюха!

А потом со страшной силой отшвырнул в сторону, Джара отлетела, словно кукла, упала.

Лан кинулся на Вэя, не смотря на связанные руки, пытаясь ударить ногами, головой, как угодно.

Я вся сжалась от ужаса, закрыла глаза ладонями. До меня пока никому не было дела. «Надо бежать!» — мелькнула в голове страшная мысль.

Когда я открыла глаза, Джара все так же лежала, неподвижно, запрокинув голову, в золотых волосах растекалось алое пятно. Вэй нерешительно стоял над ней, я понимала, что он не хотел, но...

В углу четверо парней били ногами Лана.

Бежать!

— Джара! — вскрикнула я.

Вэй обернулся, посмотрел на меня так, словно впервые видел.

— Джара, — я кинулась вперед. — Что с ней? Нужно врача!

— У нас нет врача. Ты забыла?

Лед в его голосе.

Он сделал знак своим.

Я слышала, как за моей спиной скрипнула и закрылась дверь. Меня тоже заперли. Нас заперли. Мы все заодно. И я тоже. Не нужно ничего решать.

Я опустилась перед Джарой на колени, осторожно дотронулась до ее лба... я вообще не представляла, что теперь делать. Нужно как-то помочь...

Как же все это могло случиться?

Оглянулась на Лана. Он лежал у стены, согнувшись, глядя на меня. Из его носа широкой струйкой текла кровь. Он ждал.

— Она дышит, — тихо сказала я.

Лан закрыл глаза.

* * *

Джара в себя так и не приходила. Кровь больше не шла, я старательно замотала ей голову своей рубашкой. Что можно сделать еще? Я ничего не понимала в этом, боялась, что от моих стараний будет только хуже. Сидела на полу, положив голову Джары себе на колени. Джара иногда шевелила губами и тихонько постанывала, но ни разу не открыла глаз. Ну, главное, что она жива — я постоянно говорила себе это. Главное — жива! Все наладится.

Вот придет Ил-Танка и спасет нас. Больше надеяться было не на что.

Я даже не хотела думать, что будет, если он не придет.

Мы просидели тут остаток дня, вечер и ночь, ничего не менялось.

Я хотела подойти и к Лану тоже, но он так страшно зашипел на меня, что я не решилась. Лан отказывался от моей помощи и моего сочувствия. Лежал, отвернувшись, я слышала его хриплое дыхание в тишине.

Ночью стало совсем холодно, никакого отопления здесь не было. Я даже глаза закрыть боялась, вдруг усну и не проснусь, замерзну... вряд ли, конечно, но мне было страшно.

Никто к нам не приходил. Не представляю, что они делали там, как собирались с нами поступить. Чего ждать? Они убьют нас?

Было почти все равно. Мной овладело странное оцепенение.

Я сидела, гладила Джару по волосам, тихо напевая детскую песенку. Мне казалось даже, я схожу с ума.

Всего этого не должно быть. Не могло...

Хотелось пить, да и есть тоже.

Утром, когда стало уже совсем светло, дверь открылась, и к нам зашел Вэй... пошатываясь. От него страшно несло самогонкой и чем-то еще. Я не удержалась, сморщилась, когда он подошел и присел рядом на корточки, я отвернулась. Вэй ничего не говорил, ничего не спрашивал. Я тоже не стала. Какой смысл спрашивать у него что-то в таком состоянии?

Лан заворочался в своем углу, с усилием сел.

— Воды принеси, — потребовал он.

Вэй повернулся, посмотрел на него мутными пустыми глазами. Потом встал. Буркнул что-то неразборчивое и вышел.

Я и не думала, что что-то получится.

Но все же, через какое-то время нам принесли ведро воды, поставили у двери, и дверь тут же закрыли.

Я осторожно положила голову Джары рядом, подошла, с трудом разминая затекшие ноги. Зачерпнула ладонью немного воды, отпила. Холодная, аж зубы сводит. Но хоть что-то. Может быть, надежда все-таки есть?

— Тебе принести? — спросила я Лана.

— Я сам.

Он кое-как смог подняться на ноги, подойти, упасть рядом. Руки были связаны. Все что он мог — окунуться в ведро лицом... Я запоздало сообразила, что у меня-то руки свободны, я могу попробовать развязать его. Надо было раньше.

Лан пытался огрызаться и даже дергаться, но был настолько слаб, что шансов у него не было. Да и меня уже все достало.

— Не дергайся, — чуть прикрикнула я. — Будет он тут еще своей мордой в чистую воду! Нам ее пить!

Лан очень странно и недобро посмотрел на меня, но сдался, больше не сопротивлялся. Сел, позволяя мне взяться за дело. Правда и веревки не поддавались, я переломала себе все ногти и все замерзшие пальцы, все зубы, пока смогла развязать.

— Готово! — сказала я, наконец.

Лан сдавленно охнул, потряс руками, разгоняя кровь, принялся разминать пальцы. Потом зачерпнул пригоршню воды в ведре, плеснул себе в лицо, с облегчением фыркнул.

— Что будем делать? — спросила я.

— Открывайте.

Суровый голос за дверью.

Голос я узнала, но вот человека, появившегося на пороге, — не сразу. И только потом до меня дошло — я видела его. Видела! В своих снах.

Только теперь он был совершенно лысый и совсем без бровей, но...

Армейский карабин за спиной.

Он бросил короткий злой взгляд через плечо, подошел, присел рядом с Джарой. Его лицо ничего не выражало, только в зеленых глазах я видела... что-то похожее на отчаянье.

Осторожно просунул руку Джаре под голову, придерживая, поднял ее. Очень бережно.

— Идем, — кивнул мне.

Наши парни выстроились по стенке в коридоре с вытянувшимися лицами, они даже не пытались возражать. Ил-Танке возражать бесполезно.

Лан долго размышлял, потом поплелся за нами следом. Останавливать его не стали.

В нашей комнате было холодно и пусто.

Ил-Танка положил Джару на кровать, выпрямился.

— Латаре, растопи печку. Соле, принеси, пожалуйста, с кухни теплой воды.

Он распоряжался, не задумываясь, что кто-то может не послушать его.

Я подумала даже — сколько хладнокровия, когда Ил-Танка вдруг ударил кулаком о стену, со всей силы, так, что затряслась мебель.

— Твою ж мать! — застонал сквозь зубы.

— Ты потише, — сказал Лан, чиркая спичкой.

Я поспешила за водой.

На кухне сидели девчонки со второго курса, что-то готовили. Я сделала вид, что все идет как обычно, это никак не касается меня, что я просто никого не вижу. Чайник был горячим, я налила в глубокую миску, разбавила холодной водой. Одна из девчонок попыталась было заикнуться, что это их чайник, они для себя ставили, но я не стала обращать внимания. Мне было неловко и ужасно не по себе, но после всего, что случилось, меньше всего хотелось вступать в споры. Я просто сделаю, что от меня требуется, а если кто-то против, пусть Ил-Танка разбирается, у него хорошо выходит.

Ил-Танка сидел рядом с Джарой, Лан рассказывал ему как все вышло.

— Латаре, ты ведь боевой маг, должен знать хотя бы основы медицины.

— Должен, — Лан вздохнул с какой-то обреченностью. — Я попробую... сейчас...

Он слегка размял пальцы, поднялся на ноги. Из носа снова потекла кровь, Лан попытался вытереть ее, но только размазал по лицу.

— Хреново выглядишь, — сказал Ил-Танка.

— Зато ты прям красавец. И даже с ружьем.

Ил-Танка болезненно сморщился. Он уже и сам был не рад.

— Я больше не маг, — сказал он, скрипнул зубами. — Совсем. Если б я знал... — он явно не хотел говорить на эту тему. — Слушай, у нас ведь тут никто не разбирается в медицинской магии? Да? Если кто-то и умеет, то очень слабо, в Бер-Сухте такому не учили, и я не слышал, чтоб у кого-то были способности. Даже если умеет, я им больше не доверяю. В город, боюсь, мы ее тоже в таком состоянии не донесем. Так что вся надежда на тебя.

— А мне, значит, ты доверяешь?

— Тебе я доверяю меньше всех. Но уж тут-то ты сделаешь все, что в твоих силах.

— Сделаю, — Лан кивнул. Нашел какую-то тряпку, приложил к лицу.

Я поставила воду на тумбочку. Вместе с Ил-Танкой мы попытались немного смыть кровь с волос Джары. На затылке огромная шишка, рана не такая большая, но... Травма головы — дело серьезное.

— А чего твоя защита не работает? — спросил Ил-Танка, наблюдая как Лан пытается заткнуть нос.

— Это она как раз и работает, — сказал Лан. — Я получил приказ доставить Соле и Литьяте, как только ты ушел. Вот и работает.

Ил-Танка нахмурился, зеленые глаза потемнели.

— Что будешь делать?

— А у меня есть выбор? — удивился Лан.

— А что если я поеду с ним? — спросила я, невыносимо было на это смотреть.

— В Литьяте.

Может быть ничего страшного и не случится? Что они мне сделают? Не убьют же.

Лан хотел что-то сказать, но не успел.

— Тебя положат в землю, — сказал Ил-Танка.

— Что? — это мы с Ланом одновременно.

— Ты не знал, что ли, Латаре? Ты же сам говорил про ее способности. С такими, как правило, два пути — либо в медики, либо в землю. Ты не знал? Но в медики, это надо было в Литьяте сразу идти учиться, но и тогда не факт, что повезло бы. У нее это слишком сильно выражено, причем на интуитивном уровне, ее сложно контролировать. В Литьяте, скорее всего, забраковали бы. А тут еще эти сны... Соле положили бы в землю, поддерживали бы искусственно. Ее жизненные силы питали бы все вокруг. Ты знаешь, сколько таких девочек лежит под Салотто? Это целая программа. Думаешь, мало надо, чтобы все вокруг так цвело?

— Ох, ты... — у Лана прямо подкосились ноги, он сел. — Соле, — и смотрел он только на меня, — я не знал. Я, правда, не знал.

Конечно, я ему верила.

Верила, что сдавать меня он не собирался.

Но ведь и так же нельзя!

Ил-Танке я верила тоже.

У меня все тряслось внутри, хотелось убежать и разрыдаться прямо сейчас. Значит, вопрос стоит так? Либо моя жизнь, либо Лана? Не может быть так... Не правда. Должен быть выход.

— Лан, а может все-таки я...

— Ты останешься здесь, — резко прервал он.

Я пыталась осознать и хоть что-то придумать.

Лан уже немного собрался с силами, перебрался поближе к Джаре, встал на колени рядом с ней. Сделал глубокий вдох.

— Лан, а если у меня и правда способности, может быть, попробовать мне?

Мне самой это казалось кошунством, куда уж мне? Но не предложить... хоть какой-то толк от меня быть должен?

— Подожди, Соль, — сказал он. — Я сейчас сделаю самое основное, потом попробуешь ты. Да, попробуй, хуже не будет.

У меня, конечно, ничего не получилось. Я даже собраться, сконцентрироваться толком не смогла, мысли разбегались, волнение перевешивало все. Но от меня ничего особо и не ожидали.

Зато Лану кое-что удалось. Рана на голове затянулась, отек и краснота сошли почти без следа, Джара задышала ровно и глубоко, словно во сне. Только все равно в себя не приходила. Не просыпалась.

Может быть утром? Я все надеялась — утром что-то изменится. Должно измениться.

Весь вечер, да всю ночь потом, Ил-Танка просидел рядом с ней, держа за руку. Совсем не спал. Он почти ничего не говорил сам, да и никто не лез к нему с разговорами. Я не решалась, а Лану самому было не сладко. Он лежал на кровати, глядя в потолок, иногда засыпая ненадолго, и во сне начинал стонать. Потом дергался, просыпался.

Еще вечером он сходил на кухню за едой. Я была страшно благодарна ему за это, потому, что сама туда идти не решалась, мне хватило похода за водой. Я решила было, что лучше потерплю... может ночью, когда все уснут. Боялась натолкнуться на кого-то, боялась вопросов.

Ил-Танка был настолько занят своими мыслями, что не сразу сообразил, когда Лан сунул ему хлеб и вареное яйцо. Но взял, поблагодарил, принялся жевать. Наверно, я впервые видела, как Ил-Танка ест.

— Солька, голодная? — Лан, улыбаясь, отдал мне мою порцию и еще два моченых яблока в придачу... и где только взял?

— Ага.

Мне страшно было на него смотреть. Хотелось что-то сказать... Боги! Мне казалось, все это уже со мной было. И вот опять!

Так нельзя.

От меня ли это зависит? Могу ли я помочь?

Хагену не смогла.

— Отдыхай, — Лан как-то по-отечески потрепал меня по волосам и снова завалился в кровать.

Я пыталась отдохнуть и прийти в себя. Подумать.

Не отдыхалось.

Слышала, как ночью Лан встал и куда-то ушел. А утром оказалось, он чистил дорожки от снега, много начистил, говорил — не спаслось.

* * *

— Хватит тянуть, — сказал Лан хмуро. — Пойду, попробую найти какого-нибудь врача в городе.

Покопался в вещах, достал кошелек. Оделся.

— Не сбегу я, не смотри так на меня, Соле. Я еще вернусь.

Наверно, мне было бы проще, если бы он сбежал.

Врача привел он только ближе к вечеру, такого сгорбленного старичка, не имеющего даже отдаленного отношения к магии. Маги всегда были в Бер-Сухте, к тому же мастеру Сольве приходили из города за помощью. Но обычно в городе справлялись сами. В Эторе предпочитали использовать магию лишь в случае острой необходимости.

Старик долго осматривал Джару, качал головой.

— Если очнется, пусть пьет это, — он поставил рядом пару темных баночек с микстурой. — Это поможет ей восстановиться. Пока я ничем не могу помочь.

Он ушел, вернув Лану большую часть денег, которые тот всучил еще в городе. Взял только за лекарства.

— Молитесь, — сказал на прощание.

Ил-Танка кивнул. Не знаю, умел ли он молиться. Я не умела.

Я подумала, что в Эторе до сих пор чтят богов, по-настоящему, как в древности. Чтят и верят. В Илитрии боги — лишь обычай и формальность, там привыкли полагаться... на другие источники силы. Илитрийцы суеверны порой, но они сами себе боги.

И еще, как-то незаметно, днем Бер-Сухт опустел. Все ушли. Они давно собирались, ктс куда, большая часть в Одле, другие по домам. Те, кто хотел попытать счастье в Литьяте — уехали давно. Остались только мы вчетвером.

С одной стороны, это принесло облегчение, теперь не нужно больше оглядываться, объяснять и оправдываться. Чужих не осталось. Но, вместе с тем, накатила тоска.

Пусто. В коридорах гуляет ветер, разбитые окна в нежилых комнатах заносит снегом.

Бер-Сухта больше нет.

Они унесли почти все продукты, зато оставили керосин, нам столько до весны хватит.

Я слабо представляла свою дальнейшую жизнь. Скорее всего, тоже придется уйти, не сидеть же здесь одной. Я даже подумала, что возможно стоит уйти к Юнани, она не прогонит меня, я буду ей помогать. Эта мысль возникла неожиданно и сразу согрела душу. Да, так я и сделаю.

К вечеру у меня проснулся страшный голод, и я отправилась на кухню. Кто ж будет готовить, кроме меня?

С продуктами было не очень. Нашла в кладовке мешок муки, но печь я не умела категорически. Что еще? Немного перловки, пакетик фасоли, две замороженные рыбины и банка тушенки, счастливо завалившаяся за шкаф. Еще корзинка с луком. Полбутылки масла.

Что ж, перловка с тушенкой — мой выбор. Еще если лука туда нажарить... Здесь, в Бер-Сухте, я толком не освоила никакой магии, зато научилась готовить. Ну, хоть как-то.

— Ого! — Лан пришел на запах. — Соле, да ты молодец!

Есть он, правда, почти не стал. Они с Ил-Танкой посидели, поковыряли немного и ушли. Я даже не стала мучить себя вопросом: почему? Не до этого сейчас. Хотя получилось не так уж плохо, я одна умяла полкастриули. Когда наелась — стало немного легче.

Казалось, переживать больше нет сил, куда уж дальше.

Лан снова не спал всю ночь. Даже не ложился, бродил где-то.

Как долго это может продолжаться?

Если он получил приказ... Я помню, как он говорил о Хагене — нити под кожей натягиваются и давят. Не убивают, но причиняют страшную боль, что теряешь сознание. Чем дальше, тем хуже. Лан сознания не терял, но я видела...

Ведь должен же быть какой-то выход?

Кода я проснулась утром, Лан с Ил-Танкой сидели на кухне, обсуждали что-то, но стоило мне подойти, как они замолчали. Лан встал.

— Соле...

Он подошел, взял меня за руку, вывел в коридор. Долго, молча, глядел мне в глаза.

Меня что-то дернуло. Это прощанье.

— Ты... ты уходишь? — спросила я. — Уезжаешь.

— Да, — сказал Лан, уголки губ чуть-чуть дрогнули в улыбке.

— А как... — у меня язык не поворачивался. — У тебя ведь все будет хорошо, правда?

— Все будет хорошо, — он кивнул.

Его глаза...

А ведь я даже не разобралась, люблю ли я его или это просто...

Лан протянул руку, потрепал мои волосы.

Это не справедливо.

— Ты знаешь, — сказал Лан, — это я сломал тебе руку. Сделал так, чтобы ты сломала.

— Знаю, — сказала я.

— Я сделал так, чтобы ты в меня влюбилась. Ну, или, по крайней мере, начала мне доверять. Я использовал тебя. Планировал за твой счет сделать карьеру.

— Знаю. Ты псионик, это твоя работа. Я не сержусь. И... это уже не важно.

— Уже нет, — покачал головой и долго глядел на меня. Удивительный покой в его глазах. И отрешенность. — Соле, будь счастлива.

Потом он как-то резко, судорожно сглотнул, отвернулся, зажмурился на секунду. Быстро и ничего не объясняя, вышел, взял карабин Ил-Танки в нашей комнате, заглянул на кухню, махнул рукой.

— Пошли.

Ил-Танка встал.

Я хотела было спросить, но Лан опередил.

— Соль, а ты подожди пока тут. Хорошо? Ты... Соль, ты кашу пока разогрей. «Прошай, Солька», — мне показалось, я услышала.

Они вышли.

Я взялась было за кастрюльку, но поняла, что у меня трясутся руки. Не могу. Не могу и все. Я так и стояла с этой кастрюлькой в руках, замерев, вытянувшись, прислушиваясь к вою ветра за окнами. К каждому звуку.

Замирало сердце.

Тихо.

Бесконечно долго тихо...

Часть 3. Только любовь

Я успела.

Успела.

Ил-Танка уже взвел курок.

Лан стоял напротив, шагах в десяти.

Я с разбегу бросилась к нему.

— Нет! Нет-нет-нет! Стойте!

Я обнимала Лана, рыдала. Он даже не двигался. Я только слышала, прижавшись к нему, как бьется его сердце.

Его лицо... у него было совершенно каменное лицо. В глазах — ужас. Ужас — из-за меня.

— Соле... не надо. Отойди, — глухо сказал он.

— Нет!

— Соле... ты не понимаешь. Я больше не могу... Лучше так, чем... ты видела, как во сне... Проще. Соле...

— Нет. Я поеду с тобой. В Салотто. В Литьяте. Я поеду с тобой.

Его белое безжизненное лицо пошло красными пятнами. Он схватил меня за плечи, с силой тряхнул.

— Соле! Что ты несешь! Ты с ума сошла?

— Нет, — твердо сказала я. — Мы найдем выход. Что-то придумаем. Обязательно. Так нельзя, Лан. Я не позволю тебе. Не позволю, слышишь?! Что я буду делать без тебя? Ты думаешь, меня не найдут? Они придут за мной, и никого не будет рядом. Ты мне нужен.

Я крепко зажмурилась, обнимая его.

— Она права, — сказал Ил-Танка за моей спиной. — Твоя смерть ей ничем не поможет. Тебе — возможно, так проще. А ей — нет.

— Мы что-нибудь придумаем, Лан. Мы что-нибудь придумаем, — едва слышно шептала я, словно заклинание.

Лан тяжело дышал.

— Пойдем, — сказал Ил-Танка.

Мы сидели на кухне, за столом. Горела керосинка. Где-то на полу у плиты валялась моя кастрюля с кашей, никто к ней так и не притронулся.

— Тебя нужно спрятать, Соле, — говорил Лан.

Он уже немного пришел в себя, но руки все равно дрожали, поэтому он засовывал их под стол, чтоб не было видно.

— Куда? Разве можно от них спрятаться?

— Можно. Если ты не носишь кольцо и не пользуешься магией, тебя не так просто найти. Не выследить. Мне уже не спрятаться, а тебе можно.

— И прятаться всю жизнь?

— Уехать куда-нибудь подальше, совсем на север или в Ригдел, туда Литьяте тоже не очень дотягивается.

— А ты?

Лан покачал головой.

— Сейчас мы говорим о тебе, Соле.

— Нет, — сказала я. — Без тебя не поеду.

Лан начинал злиться.

— Да я сдохну раньше, чем доеду хоть куда-нибудь. И они всегда будут знать, где я нахожусь. Что толку от всего этого? Рядом со мной ты не будешь в безопасности.

— Давай так, — сказала я. — Мы поедем вместе до какого-нибудь крупного города, например Фессо. Ты не будешь отказываться выполнять приказ, я просто сбегу от тебя. Ты отвернешься и я убегу. Сяду на другой поезд. Ты же сам говорил, что если просто не справишься, это не карается так сурово. Для наказания — нужно отказаться. А отказываться ты не будешь. Ты даже будешь искать меня.

— Соле, в Литьяте не дураки. Они все поймут.

— Не важно. Все равно будет шанс. Хоть какой-то, но будет.

— Спрятаться в Илитрии намного сложнее, чем здесь. Тебя найдут.

— Все поезда в Ригдел идут через Илитрию. Все дороги. А в Эторе я не останусь.

— Тебе лучше ехать без меня.

— Нет, Лан. Без тебя я не справлюсь.

Я старалась говорить очень твердо, очень уверенно. Я не отпущу его так. Не оставлю. Если у нас будет время, значит, будет возможность что-то придумать, изменить. Нужно попытаться. Мы еще придумаем что-нибудь. Нужно время.

Лану все это не нравилось.

Я знала, что он не видел для себя возможности уйти от наказания. И он смирился. Но он видел опасность для меня.

— Лан, если я поеду одна, они схватят меня прямо на границе. И я уже ничего не смогу сделать. Пожалуйста, Лан. Ты должен поехать со мной.

Он вздохнул, облизал губы. Решиться было не просто.

— Хорошо, — сказал, наконец. — Но только когда ты соберешься сбежать, я не должен знать даже направления. Не говори ничего. Обсуди лучше с Ил-Танкой все пути, все варианты. Реши. И ничего не говори мне. Даже не думай об этом, чтобы я случайно не услышал.

— Почему?

— Меня будут спрашивать, — сказал Лан спокойно. — И у меня не должно быть возможности все разболтать.

Разболтать... В Литьяте знают толк в допросах.

Они, конечно, узнают, и о нашей договоренности тоже. Мое бегство не спишешь на случайность. Они узнают.

Пытки и смерть в любом случае. Ни в какой шанс Лан не верил.

Я крепко зажмурилась.

Ничего. Зато у нас будет время. Если есть время, значит, есть надежда.

Джара говорила — если есть хоть какой-то шанс, надо действовать.

* * *

Лан ушел за билетами на утренний дилижанс, на котором можно было доехать до станции в Варне, а оттуда уже поездом до Одле, потом до Салотто.

— Я не вижу во всем этом смысла, — честно сказал Ил-Танка. — Но кто знает.

Попробуй. Я бы потом советовал тебя вернуться в Этор, может быть даже в Одле. В большом городе проще затеряться. А если поедешь через всю Илитрию и Хисир — тебя заметят.

Ил-Танка сидел рядом с Джарой, не отходил.

Оставлять Джару в таком состоянии мне очень не хотелось. Но и ждать... Мы не могли ждать.

Я видела, что Лану очень плохо. И чем дальше, тем хуже. И физически — несмотря ни на что, приказ выполнять он не очень-то собирался, серебряные нити давали о себе знать. Да и морально тоже, моя идея ему не нравилась. Однако сил дергаться и спорить у него не осталось. Он три ночи не спал, едва держался на ногах.

Я все думала, что если он возьмет билеты, если мы поедем, то будет легче. Очень на это надеялась.

Гости пожаловали к нам ближе к вечеру, но еще не стемнело. И Лан вернуться не успел. Первый почувствовал их Ил-Танка. Да, скорее почувствовал, я не представляю, как такое можно услышать. Вздрогнул, вытянулся, словно охотничья собака, быстро вышел на кухню. Вытащил там тряпки из щелей в окне, выглянул. Я попыталась тоже.

— Мастер, что там? — спросила осторожно.

— Мародеры, — он обернулся ко мне. — Соле, я больше не мастер.

Не мастер. Сложно поверить... как бы сейчасгодились способности псионика. Я видела, Ил-Танка думал о том же.

И Лан, как на зло...

Я выглянула в щель. Человек десять шли к нам от лестницы, некоторые несли пустые мешки.

— Они не рассчитывают, что здесь кто-то остался, — сказал Ил-Танка.

— И что делать нам? Спрятаться?

Ил-Танка задумчиво обернулся, глядя куда-то туда, где в нашей комнате лежала Джара.

— Тут не спрячешься.

Прятаться бесполезно.

Позволить им вынести отсюда все, что они хотят?

Нет, Ил-Танка не собирался позволять им.

Он достал из ящика и сунул в карман запасную пачку с патронами, взял карабин.

— Не высовывайся, — сказал мне.

Затаив дыхание, я смотрела сквозь щель между досками в окне.

Видела, как вышел Ил-Танка, как мужики остановились, разглядывая его, оценивая, чего ожидать.

— Кто ты такой! Пошел вон! — заорали они.

Я не слышала, что Ил-Танка ответил, он говорил тихо. Видела только, что мужики переглянулись. А еще видела, что у них тоже есть ружья.

Недели два назад, мастер Ил-Танка разогнал бы их одним словом. Да что там, одним взглядом. Они и сейчас стояли в нерешительности, даже без магии мастер был убедителен. Но их пятнадцать, а он один.

Да, наши парни слушали его беспрекословно, даже когда он потребовал отпустить Лана, они не стали возражать. Смутились, отошли в сторону. Но они мальчишки, они привыкли его слушаться. Они хорошо знали — кто он.

Я видела, какая прямая и напряженная у Ил-Танки спина. Как он держит оружие, готовый вскинуть и выстрелить в любой момент. И стоять до последнего.

Только бы Лан вернулся. Он бы смог. Лан боевой маг!

Но Лана не было.

А ждать мужики не хотели.

— Да он решил все себе забрать! Не хорошо! Надо делиться! Сейчас Кривой Тофин придет...

Я поняла, что дело плохо. Совсем.

Мы — последние, кто остался в Бер-Сухте. Последнее, что от него осталось.

Я — единственный маг здесь.

Я — тоже маг.

Не важно, что недоучившийся. Магия — это усилие воли. Мастер Патеру не зря говорил нам это. Не нужно никаких заклинаний, нужно просто поверить. Верить и знать, что можешь. Магия — вокруг.

Тогда, на площади, во время праздника, я смогла защититься. Испугалась, пожелала со всей силы. И смогла. И сейчас смогу. Смогу сделать хоть что-то. Может быть, это даст Ил-Танке время и шанс. Время — самое главное.

Как крыса, загнанная в угол — укунить или умереть. Можно все сразу. Но просто сдохнуть — не выйдет. Я говорила это Лану и теперь говорила себе.

Чем еще меня можно напугать? Я уже устала бояться. Дальше некуда.

Закрывает глаза, представляя магию, как учили, которая течет сквозь меня, которая наполняет... Не торопиться. Дышать глубоко. Не бояться. Думать только о главном.

Я умею не так уж много, но уж щит я смогу. Единственное, в чем я уверена. И смогу еще этим щитом двинуть. Точно смогу! Главное — верить.

Я вышла на улицу прямо так, как была — в драной кофте и тапочках. Не важно. Не смотреть на них и не отвлекаться.

Подождала к Ил-Танке поближе, чтобы захватить его сразу.

— Уходите! — сказала громко.

Ил-Танка вздрогнул, он не ожидал увидеть меня. Но ничего не сказал.

Я встала рядом.

— Уходите!

Оставьте нас в покое! Да, как в детстве. Все как в детстве. Я спрячусь, закроюсь ото всех. Сейчас! Нужно только одно усилие.

И поставила щит.

Прямо почувствовала, как задрожал и заискрился воздух.

А теперь...

Я расширяла купол, раздувая, словно мыльный пузырь, добавляя силы. Я видела уже, как непрошенных гостей сбивает с ног, тащит по земле. Они пытаются встать, но не успевают.

Хватит. Я попыталась остановиться, но их протащило еще несколько метров.

— Уходите! — снова крикнула я. — Иначе сброшу со скалы!

Кто-то выстрелил, но пули отскочили рикошетом и ударили в своих.

Этого хватило.

Никто со мной не спорил.

Я смогла.

Отдача накрыла с головой, не вздохнуть.

Неужели, это сделала я?

Ил-Танка пытался поить меня горячим чаем.

— Соле, ты молодец, — говорил он.

Я пыталась успокоиться.

И вдруг поняла — сейчас у меня действительно может получиться. С Джарой. Только лучше прямо сейчас, пока я еще не убедила себя, что это была случайность, и я ничего не умею. И лучше одна, чтобы никто не смотрел. Когда одна и надеяться не на кого — выходит лучше.

Если прямо сейчас — я смогу.

— Попробуй, — очень серьезно сказал Ил-Танка.

Он вышел на улицу, а я пошла в нашу комнату. Села рядом, на кровать, взяла Джару за руку. Рука у нее была такая холодная и безжизненная, и я испугалась даже, что уже поздно. Нет, нет... Джара дышала.

Одно дело щит, другое — чужая жизнь. Это ответственность.

Ничего, главное верить.

Я не могу больше терять людей, которых люблю. Не могу.

Я закрыла глаза.

Хуже всего — я плохо понимала, что же конкретно должна сделать. Со щитом — понятно, а тут... Вот для чего нужно обучение. Понимать, верить в себя... не наломать дров, не навредить.

Куда ж хуже.

Раз Ил-Танка позволил, значит можно. Хоть кому-то я должна верить.

Я просто держала Джару за руку и очень хотела, чтобы все было хорошо.

Пыталась представить магические потоки, идущие от меня к ней, наполняющие ее жизнью, пыталась дать ей силы... сосредоточиться...

Я сейчас все смогу.

В какой-то момент я почувствовала тепло. И свет. Свет наполнял собой все, пронизывал насквозь. Так хорошо... Еще немного... еще...

Мне казалось, время остановилось, прошла целая вечность.

Я словно летела сквозь этот свет.

— Соле?

Пальцы сжали мою руку.

Пришлось сделать усилие, чтобы вернуться к реальности.

Джара...

Она открыла глаза, моргнула.

— Джара!

Я не могла поверить.

— Да, что... — она огляделась.

Получилось! Я даже сама испугался, не зная, что делать дальше.

— Джара, я сейчас!

Вскочила, кинулась к двери.

— Мастер! — крикнула я.

Он тут же влетел, на мои крики. И остановился у постели Джары так резко, словно налетел на невидимую стену. Она непонимающе смотрела на него. Я видела, как Джара

сначала хмурится, потом, как-то постепенно, приходит понимание. Видела, как расширяются ее глаза.

Ил-Танка не двигался, даже, кажется, дышать перестал.

— Олиш! — вскрикнула она.

Я попятилась к двери. Тихо... не мешать.

В дверях стоял Лан. С каменным лицом. И я даже не знаю, чего больше было в его глазах — боли или радости.

А Олиш обнимал Джару.

* * *

Небольшой холмик, припорошенный снегом. Совсем недавно ведь. Хаген.

Не знаю, зачем я пришла.

Просто стояла

Небольшой холмик. Все, что осталось.

Прости, Хаген, я не смогла... Прости.

Что толку.

Я пришла попрощаться. Завтра я уезжаю. И, наверняка, уже никогда сюда не вернусь. Всего-то несколько месяцев, но, мне кажется, целая жизнь прошла тут. Настоящая жизнь.

Джара тихо подошла, встала рядом.

Я повернулась. Она молча и грустно улыбнулась мне. Обняла.

Я заплакала.

* * *

Этой ночью я спала крепко и спокойно, как давно уже не спала. Слишком устала. Даже не знаю, ложился ли Лан, или снова бродил где-то. Просто отключилась. Кажется, мне снова снился Салотто, пустой и высохший, мертвая земля. Но в этом сне меня это отчего-то совсем не пугало. Мне казалось — так и должно быть. Все будет хорошо.

Проснувшись, поняла, что болит голова, и во всем теле такая странная легкость... и слабость. Никогда такого не было. Аж в ушах звенит. Встала, попыталась пройти по комнате. Словно пьяная. Чуть не споткнулась.

Нужно прийти в себя.

А еще казалось — я плыву. Волны вокруг...

Казалось, еще немного, и я услышу шум моря. Далекие голоса...

Лан спал. Он тяжело и прерывисто дышал во сне, но все же спал, и это уже хорошо. Несколько капель крови на подушке и немного засохшей — под носом. Это все нити. Они не дают ему покоя, и не дадут, пока не выполнит приказ, от них не избавиться. Мне показалось даже — я вижу эти серебряные нити под кожей, слабое свечение... целая сеть. Или нет, только показалось? Разве можно такое увидеть?

Волны вокруг. Что это? У меня уже начались галлюцинации? Или я начала что-то чувствовать? Потoki магии? Так теперь будет всегда?

Даже слегка подташнивало. Я прошла немного туда-сюда, стало чуть легче.

Джары с Ил-Танкой не было, они еще с вечера ушли в соседнюю комнату, им надо было побыть вдвоем.

Я вышла на кухню.

Ил-Танка жарил рогалики. Запах стоял обалденный, как-то даже в животе заурчало.

— Привет, Соле, — сказал он, счастливо улыбаясь чему-то своему.

Вообще, сейчас Ил-Танка производил впечатления человека, целиком и полностью довольного жизнью. Что ж, я его понимала.

— Привет, — сказала я. — А Джара? Еще спит?

— Да, пусть спит. Любишь рогалики с луком? Я тут попытался соорудить что-то из наших запасов. Там муки целый мешок, не пропадать же.

Я взяла один, попробовала.

— Вкусно!

Ил-Танка заулыбался еще шире. Улыбка у него была замечательная, открытая и такая добрая... Невозможно поверить, что он и тот кожаный монстр — один и тот же человек. Как же он жил?

Я попыталась сесть, но чуть не промахнулась мимо табуретки, ноги подогнулись не вовремя.

— О! — сказал Ил-Танка. — Это у тебя после вчерашнего. Отходняк. Слишком много магии, слишком много энергии через тебя пролетело разом. Но ничего, скоро все придет в норму. Даже хорошо, быстрее привыкнешь. Считаю, это твоя инициация, как мага.

— Солька молодец! Она настоящий маг, — Джара появилась на пороге. — Соль, еще раз спасибо тебе.

— Хочешь рогалик? — предложил Ил-Танка.

Джара загадочно ухмыльнулась, взяла один попробовать.

— Хм, знаешь что, мускатного ореха сюда бы еще надо, — сказала она.

— Да? Мне кажется, я тут что-то такое видел...

— Не, у нас нет. А вообще, не ожидала, что ты еще и готовить умеешь.

Джара подошла к нему совсем близко, приобняла одной рукой.

Ил-Танка, все так же улыбаясь, пожал плечами.

— Немного умею. Как спалось?

Джара засмеялась, хлопнула его ладошкой в грудь.

— Он еще спрашивает! С тобой разве поспишь!

Ил-Танка смутился, как мальчишка, покосился на меня. Я тихо хихикнула.

А вот Джара не смутилась совсем.

— Да-да, — она кивнула, потерлась щекой о его подбородок. — Хотя я бы не отказалась еще... ох, слушай, какой ты колючий!

— Колючий? — Ил-Танка тоже провел по подбородку рукой. — Я уже и забыл, как бриться.

Потом мы пили чай с рогаликами.

Я видела, как Ил-Танка пытается при каждой возможности прикоснуться к Джаре, хоть чуть-чуть, задержать руку, подавая ей чашку с чаем, пододвинуть ей стул, легонько дотронуться до плеча, проходя мимо. Я подумала, как сильно может не хватать людям таких вот простых прикосновений...

А потом проснулся Лан. Осунувшийся и помятый.

— Соль, давай ты не поедешь со мной, — сказал он с порога.

Все наше легкое утреннее веселье разом смыло.

— Поеду, — сказала я.

— Давай ты убежишь прямо тут. Я отвернусь, а ты убежишь. А? Зачем все это? Джар, скажи ей хоть ты.

Джара промолчала.

Лан вздохнул, уселся с нами за стол. Взял, покрутил немного и положил обратно рогалик. В полной тишине. Посмотрел на нас. На наши лица.

— Ну, не знаю, — сказал он, наконец. — Чего вы все, как на похоронах. Расскажи что ли, Ил-Танка, как тебя удалось снова стать человеком? А то я скоро уеду и не узнаю. Буду мучиться.

— Человеком? — тот криво ухмыльнулся. — Да, так. Поменял на всю свою магию.

Рассказывать ему не очень хотелось.

— Поменял? Ты же к бабке ходил? Той, что с корабликами?

— Ходил. Только когда пришел, там было уже пепелище. Совсем ничего не осталось. Причем, не магией жгли. Обливали дома керосином и поджигали. Несколько трупов видел, но слишком мало... Не знаю.

У Джары вытянулось лицо.

— Подожди, Олиш, а как же ты тогда...

— Да вот так, — чуть резко сказал он.

— Олиш?

Он посмотрел на нее.

— Я сам с ними договорился. С корабликами. Без Юнани.

— А магию твою тоже кораблики забрали? — спросил Лан.

— Нет, — сказал Ил-Танка. — Магию я тоже сам. И личную, и ту, что накладывал Патеру.

— Сам? — Лан не поверил. — Это не возможно.

— Возможно. Только никто, конечно, в здравом уме не станет такое делать. Никто же не отрывает себе руки, хотя в принципе это возможно. По ощущениям похоже. Это надо очень захотеть, ну и понимать все связи, а то оторвешь что-нибудь не то.

Ил-Танка хмыкнул. Не очень-то приятные воспоминания.

Джара взяла его за руку, сжала...

— А тебе, — сказал Ил-Танка Лану, — проверить такое, скорее всего, защита Литьяте не даст. Вырубит сразу. Раньше я бы еще мог попробовать что-то сделать, помочь. Сейчас уже не могу. Прости.

Лан кивнул. Встал, выпил воды. Он особо и не надеялся.

Избавиться от присяги, от серебряных нитей, и сохранить жизнь. Я никогда не думала о такой возможности. Лан, значит, думал.

— Ладно, — сказал он. — Нам уже ехать пора. Соль, ты готова?

Я отчетливо понимала, что делаю глупость. Умом понимала — так нельзя. Неправильно я все делаю.

Но как правильно?

А вот где-то глубоко в сердце я чувствовала, что все правильно. Стоило переступить порог Бер-Сухта, и что-то щелкнуло... Мне нужно домой. Вот именно сейчас очень нужно. Все эти сны... Скоро. Что-то случится.

Я должна.

Я закрывала глаза и видела смотровую площадку. Я стою. Ил-Танка за спиной.

Он берет меня за плечи... «Давай, Соле, — говорит он. — Ты сможешь».

Смогу? Все правильно.

Я сама боялась этого чувства.

Мы тряслись в дилижансе целый день.

Душно, полно народу, даже не поговорить. Я сидела, прижавшись к Лану, держа его за руку. Вначале мне казалось, Лан очень напряжен, каждая мышца напряжена, пальцы холодные и твердые. Потом, понемногу, руки начали теплеть, мне кажется, даже порозовели щеки.

— Тебе лучше? — тихо спросила я.

Лан только скрипнул зубами. Может физически ему и лучше становилось, но никак не становилось легче на душе. И чем дальше, тем хуже.

В Барн мы приехали поздно вечером, А поезд до Одле только днем.

Небольшой городок, тихий и темный, огней на улице почти нет. Мы нашли гостиницу рядом со станцией. Взяли ужин. Лан разом съел три порции картошки с мясом и выпил большой кувшин брусничного морса, а от пива отказался, как и от домашней настойки, которую хозяин всячески нахваливал. В итоге настойкой напоили меня. А Лан так смотрел, что я все гадала, чего ему больше хочется — напиться до беспамятства самому или напоить меня и тихо сбежать.

— Хочешь избавиться от меня? — спросила я, когда мы поднялись к себе.

— Хочу, — сказал он. — Я не вижу в нашей поездке никакой пользы для тебя. Да и для себя тоже. Зачем все это?

У меня не было никакого плана.

Но мне казалось — еще немного, и я пойму что-то важное.

Я начала ощущать магию вокруг себя. Магию людей и магию земли. Силу земли. И собственную силу тоже.

— Ты не хотела ехать со мной, когда я предлагал тебе защиту семьи, — сказал Лан. — Пока я еще не получил приказ и можно было на что-то надеяться. А теперь вдруг хочешь. Передумала? Если ты считаешь, что статус моей жены сможет чем-то помочь, мы прямо завтра утром пойти в мэрию.

— Я не собираюсь становиться твоей женой.

— А что тогда?

— Хочу понять.

— Не самое лучшее время.

— Какое есть.

Лан прошелся по комнате от стены к стене, и обратно, и снова туда-сюда. На мгновение мне показалось, что это какой-то чужой человек, незнакомый, совсем не тот Лан, к которому я привыкла.

— Ты не боишься, Соле, я сорвусь и заставлю тебя ехать в Литьяте со мной?

— Нет, — сказала я. — Не боюсь. Во-первых, ты не сможешь меня заставить. Ни магией, ни силой. Во-вторых, если ты попросишь, я поеду. Я не боюсь.

Лан остановился, глядя на меня.

— Тебя там убьют.

— Нет, — сказала я. — Ты не можешь этого знать. Ты можешь только гадать, предполагать что-то. Но знать ты не можешь.

Что-то вдруг изменилось в его лице, даже страшно стало.

Он буквально в один прыжок оказался рядом со мной.

— Соле! Что ты такое говоришь? Ты собралась в Литьяте? Ты сошла с ума?

Мне даже показалось, что он меня ударит. Я промолчала, поджала губы.

— Я не позволю тебе, — сказал он.

— Я буду делать то, что сочту нужным, — сказала я. — С тобой или без тебя.

Лан моргнул озадачено, потом еще раз. Он ко мне такой не привык. Я сама еще не привыкла.

Злость в его глазах. Злость и борьба.

Отвернулся.

Мы больше не разговаривали.

Не знаю... было бы проще, если бы он наорал на меня. Мне всегда было проще выплеснуть все эмоции разом. Выплеснуть и успокоиться. А так...

Он не смотрел на меня.

И я не находила в себе сил ничего сказать.

Мы спали в одной постели, под одним одеялом. Отвернувшись друг от друга. Я даже чуть-чуть поплакала в подушку, совсем тихо. А Лан мгновенно заснул.

Когда я проснулась утром, он сидел рядом, глядя на меня.

— Что? — я тоже села, натянув одеяло к самому подбородку.

— Скажи, Соле, у тебя есть какой-то план, или ты просто испугалась за меня и пытаешься защитить? Только честно.

Вот так с утра я была не готова. Лучше бы вчера...

И плана у меня не было.

— Это важно для тебя? — спросила я.

— Ты хотела честности от меня. Могу я попросить того же?

Быть честной — это совсем не просто.

— Испугалась, — сказала я. — Но не только. Мне кажется, я действительно что-то могу.

— Что?

— Пока нужно время, — сказала я. — Если есть время, значит, есть шанс что-то изменить.

Лан покачал головой.

— Это иллюзия. Нет времени.

— Ты не готов бороться за собственную жизнь?

— Готов, — спокойно сказал он. — Но не за твой счет. Я послал телеграмму отцу. И, судя по всему, к нему уже обращались из Литьяте и пытались поторговаться.

— Поторговаться — это хорошо.

— Нет. Все не так просто. Дело не только во мне. Мой отец давно лоббирует в сенате интересы промышленников, активно выступает за расширение ограничений на использование магии. За введения ряда квот. Это не идейный, а экономический интерес, здесь замешаны очень большие деньги. Очень большие, Соле. Он у Литьяте как кость в горле. Ты знаешь, что его несколько раз пытались убить? И мою мать. Но он-то крепкий орешек. А вот меня прижать оказалось намного легче. Тобой, конечно, интересуются, не нужно сбрасывать это со счетов, но теперь я думаю, что меня сознательно отправили на заведомо провальное дело.

— Так если отец может тебе помочь, зачем тогда... зачем...

— Самоубийство? — холодно сказал он. — У меня сдали нервы. Когда приказ несколько дней давит на тебя, в прямом смысле давит так, что не уснуть и не вздохнуть, аж кости хрустят, то сил не остается. Я ведь тоже не железный, правда?

— А теперь есть силы?

— Есть.

— Так, может быть, и мне бояться нечего? — спросила я.

— Нет, — сказал он. — С тобой будет именно так, как сказал Ил-Танка. Тебя положат в землю. Ты очень хорошо подходишь на эту роль. Это смерть, Соле.

— Но ты не можешь знать этого наверняка.

— Не могу. Но если есть хоть небольшая вероятность, я постараюсь сделать все, чтобы этого не допустить.

— Твоя ответственность? Ты привык, что все делают, как ты хочешь?

— Да, — сказал он. — Привык. С рождения.

Я все еще сидела под одеялом.

— Отвернись, — сказала я. — Мне нужно одеться.

Лан фыркнул.

— Да брось, я уже видел тебя голой.

— Не сейчас.

Он вдруг оказался совсем рядом, каких-то пара шагов. Наклонился надо мной, рывком стащил одеяло.

— Почему бы и нет, Соле? Разве ты сама не хочешь?

Огонь в его глазах. Злой огонь. Его руки ложатся на мою грудь...

И я со всего маху залепила ему пощечину.

— Не смей, — я очень старалась говорить твердо. — Не трогай меня. Отвернись.

Лан резко выдохнул. Наверно с минуту неподвижно смотрел мне в глаза, словно пытаюсь осознать — как это я осмелилась. Потом встал и очень честно отвернулся к стене. Не поворачивался, пока я не закончила.

— Все? — спросил он.

— Да.

— Тогда давай решим, и закроем уже эту тему. В Фессо нас встретит Теннеро, я передам тебя ему. Он не маг, но кое-что он умеет.

— У меня есть выбор? — спросила я.

— Нет, — сказал Лан. — Выбора у тебя нет.

Он сидел напротив меня в купе, читал газету, пил хороший хисирский кофе, черный и крепкий.

На нем была все та же старая брезентовая куртка на меху, все те же старые сапоги, треснувшие на сгибе, почерневшие на отворотах, пропитавшиеся насквозь угольной пылью. Утром перед отъездом он сходил и постригся, теперь его пшеничные волосы топорщились коротким ежиком. Скулы проступили чуть резче. Небесно-голубые глаза. Но...

Он поднял глаза от газеты.

— Соле, прости, но ты думаешь слишком громко. Тебе кажется, раньше ты знала какого-то другого человека, не меня. Так и есть. Тот Лан существовал только в твоём воображении. Во-первых, ты сама немного повзрослела и стала реальней смотреть на вещи. Во-вторых, у меня было задание — быть рядом с тобой, как можно ближе. Наблюдать. Всю информацию я передавал в Литьяте, выводы они там делают сами, так что меня можешь даже не спрашивать. Но теперь нет нужды строить из себя романтического героя, нежного трепетного мальчика, который всюду бегает за тобой и бережно держит за ручку. Это были не чувства, это была работа. Я псионик, Соле, не забывай. Не слишком хороший, но задурить голову неопытной девчонке — хватило. Ты видела то, что должна была видеть. А теперь производить на тебя впечатление мне больше не нужно.

Я отвернулась к окну. Там тянулись бесконечные поля, припорошенные снегом, пустые и однообразные. Горы остались позади и еще вдалеке, дымкой на горизонте. Вдоль дороги — телеграфные столбы.

— Знаешь, почему мне было хорошо с Джарой? — сказал Лан. — Не нужно было притворяться.

«Это все уже не имеет значения», — говорила я себе, — «не имеет значения». Очень старалась сохранить спокойствие, хотя бы внешне, не краснеть и не плакать.

— Это не имеет значения, — повторила я вслух. — Я хотела узнать о другом. Я стала видеть магию. Видеть связи. У тебя две, у меня одна. Я вижу, как к тебе тянется тоненькая серебряная ниточка, очень яркая. А вторая — широкая и размытая, уходит куда-то в землю.

Лан недоверчиво нахмурился.

— Ты правда это видишь?

— Да, — сказала я. — Разве не должна?

— Нет, — сказал он. — Это мало кто видит. Очень мало. Я не вижу. А тем, кто видит, обычно требуется концентрация. Как давно это у тебя?

— С тех пор, как получилось с Джарой. Недавно. Ты передашь своим?

Что-то дрогнуло в его лице. Его задело.

— Нет, — сказал он. — Не передам. Ты давно не носишь кольцо?

Кольцо? Я и забыла про это.

— Я выбросила его перед тем как... ну, когда Вэй и парни схватили тебя.

— Понятно, — сказал Лан. — Это кольцо мешало тебе. Только кажется, что кольцо — мелочь, на самом деле оно очень надежно блокирует. Теперь учись видеть мир заново.

Так будет всегда? Я просто сойду с ума...

— Эта серебряная ниточка — к Литьяте? — спросила я.

— Да. А широкая — связь с землей. Она и обеспечивает способность и

восприимчивость к магии. При стерилизации эту широкую нить рвут.

— Ее можно порвать?

— Можно. Ил-Танка даже сам порвал, правда, чуть не умер при этом. Говорит, чувство такое, словно сам себе отрываешь голову.

— А тонкую?

Я поняла, что у меня сердце начинает колотиться. Что если я... Если я смогу порвать, то он освободится?

Лан ухмыльнулся как-то очень нехорошо, прищурился.

— Можно, — сказал он. — Хочешь попробовать?

— Попробовать? — глупо повторила я.

Потянулась, коснулась этой серебряной ниточки. Нет, я конечно, не собиралась так сразу рвать, я просто хотела удостовериться, что это на самом деле, а не мерещится мне. Я еще не привыкла к такой реальности. Коснулась, и ниточка зазвенела, словно натянутая струна.

Лан разом выпрямился, вытянулся. Даже, кажется, дышать перестал. У него побелели губы и даже расширились зрачки.

— Ого, — тихо сказала я. — Так это все правда?

Лан слегка выдохнул, но напряжение в лице осталось.

— Правда, — сказал он. — Выходит, не зря они интересуются тобой. Ты лучше не трогай, если ничего не собираешься делать, потому, что чувствую не только я, но они.

— В Литьяте? Чувствуют?

— Да.

— А что ты чувствуешь?

— Сложно объяснить.

Так уклончиво, объяснять он не собирался. Но что-то не очень хорошее, я видела.

— А что будет, если порвать? Ведь кто-то наверняка пытался?

— Конечно, пытались, — сказал Лан. — Были такие умельцы. Только все они покойники. Думаешь, Литьяте не пытается защитить свою собственность? Если порвать связь, то нити под кожей мгновенно сжимаются в плотный клубок. Срабатывает защита. Собственно, от человека, от мага, не остается ничего, кроме кучки фарша. Ты если надумаешь порвать — отойди подальше, а то опшетками забрызгает.

Он не шутил, не улыбался, очень серьезно говорил. И мне так остро захотелось его убить, прямо по-настоящему.

* * *

Одле потряс меня до глубины души.

Салотто по сравнению с ним казался деревней.

Нет, Салотто — огромный и шикарный город: золотые дворцы, богатые дома, вольготно рассыпавшиеся в долине, высокие окна с цветными витражами, смальтовые мозаики в тенистых двориках, сотни фонтанов, зелень кругом... Но в Одле я впервые увидела дома в пять и даже шесть этажей. Они тесно лепились друг к другу, иногда выходя на улицу совсем узеньким фасадом лишь только с дверью и окном. Никаких палисадников, никаких излишеств. Узкие, мощеные серой брусчаткой улочки, прочерченные словно по линейке.

Зато центральное отопление и освещение, газовые плиты в домах, водопровод и канализация. Не то чтобы в Салотто водопровода не было, но здесь все было устроено так четко и правильно, и, главное, без капли магии.

А еще в Одле было намного теплее, чем в Налар-Сухте, и это, конечно, не могло не радовать. Говорят, здесь проходило какое-то теплое течение с юга.

И еще здесь всегда толпы людей, суета.

Я терялась, не понимала, где я нахожусь, путалась в домах и улицах, они казались мне похожи друг на друга. Удивительно, но даже я чувствовала себя провинциалкой.

Мы гуляли по городу, время было. Наш поезд пришел днем, а до Салотто отходил совсем поздно ночью. Гостиница не нужна, но побродить по улочкам лучше, чем ждать на вокзале. По крайней мере, нам так показалось.

Мы гуляли. Почти не разговаривая. Не клеился никакой разговор.

Это было так странно. Я шла рядом с Ланом, и понимала, что мне вдруг неловко взять его за руку, даже просто коснуться не могу. Что-то изменилось. Не в нем, и не во мне. Между нами что-то изменилось. Выросла стена.

Мы словно чужие. Словно не было ничего.

Зашли поужинать. Взяли рыбу и даже хорошего белого вина. Все оказалось так вкусно. Уютно и тепло. В большом зале играла музыка, можно было пойти потанцевать.

Я ковыряла рыбу, глядя в тарелку, задумчиво возила туда-сюда сладкую морковку и кабачки. Вкусно, но... Сегодня мы сядем в поезд, послезавтра к вечеру пересечем границу. Что дальше? Нужно было что-то делать. Лан...

Я подняла глаза. Он смотрел на меня. О, боги... В его глазах было что-то такое... нежность?

— Лан, — тихо сказала я.

Он вздрогнул, словно очнулся. Резко отвернулся в сторону.

— Ты поела? — спросил сухо.

— Нет... еще нет.

Он встал.

— Я пойду, прогуляюсь, Соле. Потом вернусь. Если надоест ждать, то иди, встретимся на станции. Хорошо?

— Хорошо, — сказала я.

Деньги за ужин он положил на стол, за двоих. Вышел, не оборачиваясь.

Так и не притронулся ни к рыбе, ни к вину.

Я взяла свой бокал, одним глотком выпила все до дна. Потом подумала и выпила вино Лана тоже. Еще бы...

Долго сидела, но Лан возвращаться не собирался.

Официант забрал наши тарелки, спросил, не желаю ли я чего-нибудь еще. Я не желала. Расплатилась.

В большом зале Лан танцевал с рыжей девицей в красном кружевном платье, страшно вульгарной. Нет, на Джару она не была похожа даже отдаленно, только если закрыть глаза.

Я немного подождала, стоя в уголке, может быть музыка закончится, и Лан вернется.

Но музыка закончилась, и девица повела Лана куда-то в боковую дверь. Шлюха. Пусть.

Я вышла на улицу.

Свежий морозный воздух принес немного облегчения. Я вдохнула глубоко-глубоко, закрыла глаза. Люди шли мимо меня. Хлопья снега ложились на лицо.

Ничего. Еще четыре часа до поезда, отсюда до станции полчаса ходьбы.

Уйти?

Главное, чтобы Лан не попытался сбежать от меня.

Глупо.

Наверно, около часа я простояла у дверей. На меня уже начали косо поглядывать. Ничего, плевать, что они там думают. Время есть.

Еще час я ходила по улице, стараясь не упустить, когда Лан выйдет из дверей. Но его не было. Я уже замерзла, сколько можно торчать тут. И дело не в ревности, все эти красотки ничуть не смущали меня. Меня смущал поезд. Меня пугало, что Лан может бросить меня здесь, я никогда не найду его, никогда не увижу.

Я пошла к станции. Дошла, посмотрела на поезда, посмотрела, нет ли там Лана, а тс вдруг я не заметила, упустила, как он прошел. И пошла назад. Уже скоро. Я смотрела на часы и понимала, что еще немного, и мы просто опоздаем. Еще немного, и поезд уйдет без нас. Я все думала, может встречу Лана по пути, может пока я бродила — он вышел, вглядывалась в каждого прохожего. Нет, его не было.

Что делать?

В большом зале было душно, танцы в самом разгаре.

Собралась с духом, подошла к управляющему.

— Простите, — сказала я, — сегодня мы были у вас. Я и молодой человек: высокий, светлые короткие волосы, в зеленой куртке. Он танцевал, а потом ушел в ту дверь с рыжей девушкой в красном. Вы не знаете, он выходили или все еще где-то там? Вы не видели его?

Управляющий снисходительно и страшно мерзко ухмыльнулся мне.

— Простите мисс, — сказал с сарказмом, — я ничем не могу вам помочь.

Меня разобрала злость. Да за кого он меня принимает?!

— Вы не понимаете! У нас поезд через полчаса, а его нет. Мне плевать с кем он там спит, он большой мальчик. Но билеты-то у него. Если опоздаем, я сверну ему шею!

— Поезд? — в глазах управляющего мелькнула что-то человеческое.

— Да. До Салотто.

Это еще хорошо, что по мне сразу видно — я или трейка, не ошибешься. Не местная. И Лан тоже. Значит на поезд — самое оно.

— Хорошо, — сказал управляющий, — я сейчас посмотрю.

Он отошел немного, потом обернулся.

— Простите, мисс, а этот молодой человек — ваш брат?

Я кивнула.

Лан выскочил минуты через три, матерясь и застегивая на ходу штаны.

— Соль, прости! — крикнул он. — Я заснул.

Я хотела высказать ему все, что думаю, но он уже тащил меня за собой. Мы бежали, я едва поспевала за ним, задыхаясь, у меня страшно болели ноги, и кололо в боку. Где-то на середине я выдохлась окончательно, пришлось сбавить темп, а потом и вовсе перейти на шаг. Лан нервничал, но молчал.

Я смогла пробежаться еще немного только перед самым вокзалом.

И все равно, когда мы выскочили на платформу, наш поезд уже набирал ход.

Опоздали.

Я остановилась. Лан прошел еще несколько шагов. А потом вдруг резко согнулся, словно от удара.

— Лан!

Он отдышался немного, выпрямился. На губах кровь.

— Все... все нормально...

Не нормально. Я видела, что ему очень плохо. Наказание.

— Лан, давай, сядем.

Он судорожно кивнул.

Мы нашли скамеечку, Лан буквально упал на нее.

— Сейчас, уляжется немного... — он тяжело дышал. — Мы опоздали на поезд, и мне дали понять...

— Да... Лан...

Он посмотрел на меня.

— Прости, Солька, мне не нужно было оставлять тебя.

— Оставлять? — я фыркнула. — Оставлять — ладно. Вот если ты действительно взял и уснул там с этой шлюхой, то дела действительно плохи.

Он слабо улыбнулся.

— Плохи.

Я взяла его за руку. Он обнял меня, притянул к себе.

Запах чужих духов, приторно-сладких...

Но нет, ничего не изменилось. Лан может говорить все, что угодно, но слова ровным счетом ничего не значат. Он ничуть не изменился. Я не верила. Все тот же Лан...

— Добрый день, мистер Латаре!

Алтасар Теннеро встретил нас на перроне.

— Я поеду с вами, — сказал он. — Мы выкупили несколько соседних купе.

За его спиной стоял навытяжку целый отряд здоровенных парней в серых штатских сюртуках.

— Хорошо, — сказал Лан.

У нас были билеты до самого Салотто. Даже у меня.

Мы зашли в купе. Стоянка в Фессо всего пятнадцать минут.

Признаться, Теннеро мне не понравился. Не знаю даже, в чем тут может быть дело. Я сразу поняла, что не доверяю ему. Лан утверждал, что знает его много лет... может быть. Возможно, это только моя паранойя.

С тех пор, как мы пересекли границу Илитрии, у меня сердце не на месте.

Даже не думала, что граница может быть столь явной. Кругом была магия. Я чувствовала ее во всем. В воздухе, в земле. Резко стало теплее. Пропал снег. Бурая жухлая трава в полях, но все же трава. На деревьях уже набухали почки, весна здесь приходит очень рано. А в Салотто вообще вечное лето. Волшебное лето. И все это за счет магии. За счет таких же девочек, как и я.

Теперь я видела все иначе, и мне было страшно. Паутина, целая сеть серебряных нитей, если порвать — ничего не останется. Ровная, спокойная магия земли, которую я чувствовала в Эторе повсюду, здесь уходила на невероятную глубину. Серебряные нити тянулись за ней, словно корни растений к грунтовым водам, вгрызались, опутывали, выпивали.

От звона нитей кружилась голова.

Поезд тронулся. Нам принесли кофе.

Теннеро сидел напротив меня, рядом с Ланом, его поза была свободной и расслабленной, но глаза очень цепко следили за нами. Столичный лоск... после Бер-Сухта это сразу бросалось в глаза: ухоженное лицо, тщательно уложенные волосы, блестящие ногти, дорогой камзол без единой пылинки.

— Это мисс Соле Наиро, — сразу представил меня Лан. — Я хочу, чтобы ты считал ее моей женой и относился соответственно. Это понятно?

Я промолчала. Теннеро удивленно поднял бровь, но возражать не стал.

— Твоя задача — позаботится о ней, — Лан слегка нервничал. — Подыскать для нее безопасное место, может быть, вернуться в Этор, или в Ригдел, если она пожелает. Сделать так, чтобы ее не смогли найти.

Теннеро покачал головой.

— Простите, мистер Латаре, но я работаю не на вас, а на вашего отца. Моя задача — ваша личная безопасность.

Лан даже позеленел, но сдержался.

— И что вам поручено сделать, Теннеро? — спросил он холодно.

— Мне следует проследить, чтобы вы безопасно добрались до дома.

— Тогда в ваших услугах нет необходимости, я и так еду туда. О личной безопасности я вполне в состоянии позаботиться сам.

Теннеро протянул руку к чашечке, покрутил ее на столе, налил молока, глянул на Лана.

Я поняла, что ему тоже не по себе. Он что-то недоговаривает.

— Проследить, чтобы вы доехали вместе, мистер Латаре. Не стоит переживать за мисс Наиро, ей всего лишь собираются сделать выгодное предложение, соответствующее ее способностям. Ее ждет прекрасное будущее.

— Так...

Лан скрипнул зубами. У него стало такое лицо, что я испугалась — он сейчас схватит Тенnero и выбросит его в окно.

— Подожди, Лан, — вмешалась я. — А, может быть, мистер Тенnero знает, что мне собираются предложить?

— Сожалею, мисс, — сказал тот. — Но, у меня нет такой информации.

— Так...

Я видела, как у Лана подрагивают ноздри. Я почувствовала волну магии, идущую от него, он пытался как-то воздействовать на Тенnero, то ли что-то узнать, то ли заставить его.

Город закончился, за окном начались высокие сосновые леса.

Тенnero напрягся, возможно, он тоже почувствовал.

— Мистер... — начал он осторожно, но тут же поправился. — Мастер Латаре, я нахожусь на службе, вам не стоит...

Я закрыла глаза. Тоненькая-тоненькая ниточка, едва различимая... и спрятанный под одеждой магический предмет.

Я чуть толкнула Лана в бок, иначе не была уверена, что он услышит.

«Амулет Литьяте», — сказала я мысленно, постаралась очень внятно и четко, чтоб Лан понял.

Он понял.

Ему понадобилось всего пару секунд, чтобы принять решение. Правда, совсем не такое, как я могла ожидать.

Все случилось так быстро. Он поднялся, ухватился руками за верхнюю полку, и вышиб ногами окно. Сгреб меня в охапку и прыгнул. Ох! Выпрыгнуть на такой скорости! Он еще успел перевернуться в полете на спину, так чтобы, падая, я приземлилась на него. Но я успела лучше. Я развернула защитный щит. И все равно удар о землю оглушил меня. Мы покатались...

Лан пришел в себя первым. Он вскочил на ноги, дернул меня за собой.

— Бежим!

Я пыталась.

Я путалась в юбке и в траве, почти ничего не соображала от страха, не сделав и десятка шагов подвернула ногу, вскрикнула.

Лан подхватил меня, взвалил на плечо, словно мешок. Он бежал. Никогда не думала, что можно так бегать. По лесу, прыгая через кочки и поваленные стволы, через бурелом, не разбирая дороги. Невозможно так бегать. Да еще со мной на плече. Магия? Я не чувствовала магии. Усилие воли.

Мне было страшно. Я хотела, чтобы Лан отпустил меня, чтобы я сама... но сама я так никогда не смогу.

Прочь! Дорога осталась далеко позади.

Я слышала, как Лан тяжело и хрипло дышал, со свистом, задыхаясь.

Зажмурилась.

Мне казалось, мы уже так далеко.

Еще немного...

Лан упал.

Он зацепился за какую-то корягу, или просто закончились силы. Растянулся во весь рост, лицом в землю, чуть не кувырнулся через голову. Я отлетела в сторону.

— Лан!

Он не двигался.

Потребовалось усилие, чтобы перевернуть его на спину.

Он попытался вздохнуть, но в груди что-то забулькало, захрипело. Из рта, из носа потекла кровь. Глаза все красные, полопались сосуды. Я прямо видела, где под кожей проходят нити — тонкая сетка из красных полос... ужасно.

«Беги!» — сказал Лан. Нет, говорить он не мог, но я услышала это в голове. Мысленная ментальная связь. «Беги, Соле, скорее! Беги!»

Я селя рядом.

— Я не могу бросить тебя, — сказала тихо.

«Беги. Иначе это все зря...»

— Нет.

Осторожно положила его голову к себе на колени.

Я ведь что-то могу. Если не сейчас, то когда же.

Ведь он это из-за меня... а я...

Я должна что-то сделать. Хоть что-то.

Хуже все равно уже не будет.

Попытаться. Главное — не сомневаться в себе. Со мной уже столько всего случилось, что бояться просто нечего. Нечем пугать.

«Беги...»

Не могу я бежать. Я понимаю, что если останусь, если нас поймают вот так, то все усилия напрасны, можно было не бегать, можно было не прятаться... не мучиться.

Все старания Лана напрасны.

Крупная слеза выскользнула и покатилась по его щеке. Боль? Или отчаянье?

Лан...

Нет, я так не могу.

Я не готова принять такие жертвы.

Я остаюсь.

А значит, я должна спасти его. У меня получится.

Единственный шанс.

Я могу.

Я крепко зажмурилась, пытаюсь почувствовать все магические связи, все нити. Я же чувствовала их.

Тонкие серебряные нити. Хорошо, что я знала, что Лан сказал, иначе бы первым делом попыталась порвать. Порвать проще. Но это убьет его.

Ему и так плохо.

Я не знала, можно ли вытащить из-под кожи нити, не поранив Лана еще больше. Но я поняла, что можно лишить их магии. Я заставляла магию нитей растворяться, уходить в землю. Я поняла, что и сами нити растворяются вместе с ней. Миллиметр за миллиметром, все эту страшную сеть. Она исчезала. Я старалась не думать, что это невозможно, старалась не думать — как. Просто верить, что я это сделаю. Миллиметр за миллиметром.

Мне казалось, прошла целая вечность.

Я почти не понимала, что творится вокруг, у меня раскалывалась голова и дрожали от напряжения руки.

Главное — не упустить, довести до конца.

Но даже справиться с сетью еще не все. Я боялась — Лан умрет... нужно помочь ему... нужно... все будет хорошо...

* * *

— Соле!

Я очнулась. Лан сидел рядом.

Весь красный и опухший, под кожей один сплошной синяк, и красные глаза, но он пришел в себя, и это уже хорошо.

Я улыбнулась.

— Как ты? — хрипло спросил он.

— Нормально.

Голова раскалывалась, стоило шевельнуться, и темнело в глазах.

— Как ты это сделала?

— Не знаю, — честно сказала я. — Просто сделала.

— Нужно идти, — сказал Лан. — Скоро они будут здесь.

Лану пришлось найти крепкую палку, чтобы хоть как-то держаться на ногах. Я тоже шла с трудом, меня подтащивало, и кружилась голова.

И все же, мы шли весь остаток вечера и почти всю ночь.

Лан пытался как-то спрятать наши следы, чтобы найти было не так уж просто. Главное — больше не использовать магию, ее слишком легко засечь, куда проще, чем просто людей.

Я все еще не могла поверить.

К утру пошел холодный дождь. Мы решились развести костер, устроившись в овраге. У Лана были спички и армейский клинок, тот самый... Он нарубил веток, устроил небольшой шалаш.

Мы сидели, прижавшись друг к другу, пытаюсь согреться.

Я смотрела на Лана и понимала — той серебряной ниточки больше нет. Совсем нет. Неужели я правда смогла?

— Что будем делать? — спросила я.

— Попробуем добраться до гор, там спрятаться проще всего.

Лан ужасно выглядел, да и чувствовал, наверняка, себя ужасно. Зато в голосе не было той обреченности, был огонь и азарт. Лан был свободен.

Я это сделала!

Впервые за столько дней я засыпала счастливой.

* * *

Проснулась от странного чувства.

— Лан! — я разбудила его. — Лан, там что-то есть!

Он прислушался.

— Я не чувствую ничего. Где?

Я показала направление. Что-то приближалось. Я чувствовала. Магия. Тихая, скрытая но очень мощная. Она шла за нами.

И мы побежали снова.

Это продолжалось несколько дней.

Нам то удавалось оторваться и уйти вперед, то снова появлялось ощущение преследования. За нами шли, нас искали.

Казалось, это не кончится никогда. Было страшно ложиться спать, страшно зазеваться, отвернуться и пропустить, когда оно подкрадется слишком близко. Мы бежали.

Мы пили воду из ручьев. С едой было хуже, но иногда Лану удавалось поймать острой рыбой и тогда у нас случался настоящий пир. Мы пытались жевать сосновые иголки. И даже согреть воду было не в чем, и не в чем взять с собой, ужасно устали и вымотались. Я уже и забыла, как спать в нормальной постели. Мы спали чаще по очереди и на еловых ветках, из них же делали крышу, мы прижимались друг к другу, чтобы сохранить тепло.

У меня порвался ботинок, начал промокать. Долго думали, как быть, потом Лан срезал с куртки капюшон, туго примотал шнурками.

Еще хорошо, что нам не встретились дикие звери.

Конечно такая жизнь не могла нравиться, но, все же, где-то глубоко в сердце жила радость. Мы свободны и мы вместе. У нас все получится. Мы слишком далеко зашли, теперь уже точно все получится. Надо лишь потерпеть еще чуть-чуть.

Впервые мы строили планы на будущее. Представляли, как будем жить вместе, в Эторе или северном Ригделе. У нас будет домик у моря, Лан будет ловить рыбу, а я вязать теплые носки... Кормить алые кораблики. Было приятно представлять это.

Но однажды лес закончился. Живой лес. Я видела границу так явно, что становилось не по себе. Словно все нереально, словно это тоже лишь сон. Вот тут еще стояли живые деревья, поросшие мхом, еще зеленели иголки, еще поднималась прелая прошлогодняя трава. А чуть впереди — стояли голые стволы, сухая серая земля. Ничего. Насколько хватало глаз.

Сначала я подумала — тут был пожар. Огонь выжег все живое. Потом я поняла, что нет. Магия. Тонкие серебряные нити вгрызались в землю. Тянули из земли соки.

— Не ходи туда, — сказал Лан. — Заденешь, и они сразу почувствуют нас.

Два дня мы шли вдоль границы мертвого леса на север. Здесь не было рыбы в ручьях, а если и попадалась, то дохлая, плывшая кверху брюхом. Да и саму воду я опасалась пить, но больше ничего не было.

От голода с трудом переставляла ноги. Но если мы зашли так далеко, если так много удалось — то сможем и дальше. Выживем. У нас все получится.

Лан помогал мне идти, поддерживал. Я бы не смогла без него в лесу. За это время к Лану вернулись силы, кровоподтеки почти сошли, зато он зарос бородой. Грязный и страшный, словно леший. Мне даже нравилось. Я и сама выглядела не лучше. Зато рядом с Ланом я ничего не боялась. Я все смогу. Если понадобится, я снова смогу нас защитить. Удача кружила голову.

Я чувствовала свою силу, с каждым днем все больше. Привыкала к ней.

Это ведь я поняла, куда нам надо идти. Так радовалась, когда мы вышли к деревне. Несколько домиков, но все равно. Мы сможем поесть и погреться, помыться, наконец.

Лан пытался меня отговорить. Слишком рано, говорил он, слишком опасно. Это еще Илитрия, а значит тут нигде нельзя чувствовать себя в безопасности. Но я так хотела в тепло. Хоть на одну ночь. И Лан сдался.

Я не чувствовала чужой магии, не чувствовала подвоха.

Но стоило подойти и постучать в дверь, как накрыло тишиной.

Удивительной, нереальной тишиной, от которой закладывало уши.

Тишина и густой туман. Тени в тумане.

Я закричала. Лан крепко обнял меня.

— Апельсиновый сок? Или, может, вина?

— Что? — я вздрогнула, словно очнулась.

— Хотите вина, Соле?

Открытая терраса с видом на море, мягкая лазурь волн, розовый мрамор балюстрады, зелень кипарисов...

Он подошел почти неслышно, или я просто задумалась. Высокий, фантастически красивый: тонкие благородные черты, голубые глаза, светлые волнистые волосы... длинные, собранные в хвост. Мне все казалось, он похож на кого-то... кого-то другого, кого я знала раньше, но никак не могла вспомнить.

— Соле, мне сказали, вы даже не завтракали.

— Не хочется, — сказала я.

— Может быть, выпьете чего-нибудь?

Я задумалась.

— Да, наверно. Кофе. Черный.

Он улыбнулся, мысленно передал заказ.

Все словно во сне.

— Спасибо, мастер, — сказала я.

Отвернулась. Мне не хотелось на него смотреть.

— Как вы себя чувствуете, Соле?

— Хорошо. Мастер Мелито, скажите, когда я смогу поехать домой?

По его лицу пробежала тень.

— Вы правда ничего не помните?

— Почти ничего.

Последний год почти полностью выпал из памяти. Какие-то смутные тяжелые воспоминания, больше похожие на сны... мне все это приснилось?

Мне сказали, что это последствия травмы, все должно пройти.

Мне сказали — я училась в Литьяте. Пока на общем отделении, без специализации, успешно прошла зимнюю аттестацию. Мне даже показывали сертификат. Потом собиралась выбирать геогнозию — изучение силовых потоков земли, управление, распределение... Я хорошо чувствовала все связи, интуитивно, без особых усилий. Говорили — это редкий дар. Говорили — меня ждет большое будущее.

Я почти не помнила всего этого.

Какие-то смутные лица...

А потом произошла катастрофа. Дикие маги Этора напали на нас, обошли защиту. Кровожадные твари, которые не остановятся ни перед чем. Убийцы.

Мой город...

Салотто в огне.

Это единственное, что я отчетливо помню.

Огонь падает с небес, словно горящая гора. Удар. И гигантская воронка на месте Девичьей гавани. Огонь поднимается столбом, падает снова и растекается стремительными волнами. Волны огня заливают все — от здания сената на Вейской площади и золотого дворца Элау, до последней хибары на окраине. Над развалинами поднимается пепел. Облако

пепла. Мне кажется, я слышу крики.

Но живых больше нет.

И вслед за огнем приходит море.

Я видела.

Тогда я приезжала домой на выходные, видела все это со смотровой площадки. Я видела весь город в огне.

Но нет, мне сказали — не все не так страшно, возможно мое воображение дорисовало лишние подробности. Пострадали лишь несколько прибрежных районов. Не так фатально. Тяжело конечно, страшно... Салотто скорбит. Вся Илитрия скорбит. Этору, конечно, уже объявили войну. Такое не прощают.

Возмездие неизбежно.

Только дома у меня больше нет. Отца нет.

Все это очень сильно повлияло на меня. Произошел срыв. Тем более на фоне быстрого разворачивания магических способностей. Мне сказали — у молодых магов это бывает, очень опасный возраст. Энергия захлестывает, и не справляется разум. Нужно отдохнуть.

— Я могла бы поехать к тете, она живет в Аладае, в пригороде.

На лице мастера сожаление и сочувствие.

— Вам еще нужно восстановиться, Соле. Вы поедете к тете чуть позже. Не спешите. С магией не шутят, будьте осторожны.

Принесли кофе, имбирное печенье и бутылку вина, поставили на небольшой столик.

— Садитесь, Соле, прошу вас.

Я села.

Мастер налил в два бокала — легкое игристое вино с Лофады. Взял один, чуть пригубил. У него такие изящные тонкие пальцы...

Я взяла кофе, выпила крошечную чашечку одним глотком, сморщилась. Страшная гадость, никогда не любила кофе, особенно черный, и все же...

Мастер мягко улыбался мне. Чуть снисходительно. У меня ужасные манеры, да?

— Занятия для вас вновь начнутся лишь с осени, но к чему терять столько времени напрасно? Я бы мог позаниматься с вами отдельно, у вас очень необычные способности. Да, у вас редкий дар, Соле.

Мне не нравилась его улыбка — слишком сладкая, слишком приторная. Мне не нравились его жесткие глаза. Я не понимала — почему? Мне казалось, от меня ускользает что-то важное.

Я покачала головой.

Нет, я не хочу заниматься. Не сейчас. Мне нужно отдохнуть.

— Вам нехорошо, Соле? Может быть, позвать доктора?

— Нет, спасибо. Я справлюсь сама. Просто вспомнила о доме...

Мастер Мелито нахмурился. Видимо, он ожидал другого.

— Я бы не советовал вам относиться к здоровью так легкомысленно. Для мага очень важен душевный покой. Подумайте. Магия — тяжелый труд, вы должны быть готовы к нему.

«Магия — это усилие воли», — говорил голос в моей голове. Не знаю, чей это голос, может кого-то из преподавателей, может философа древности. И еще: «Магия — это ответственность».

— Простите, мастер, мне нужно побыть одной.

Я встала.

— Хорошо, — сказал он. — Я зайду вечером, узнаю как дела. Отдыхайте.

Я смотрела, как он встает — стремительно и изящно одновременно, как галантно кивает мне, как складываются в светскую улыбку его губы, как он уходит... словно танец... у него удивительная осанка...

— Мастер! — окликнула я его. — Мастер, я хотела узнать, позволят ли мне съездить в Салотто, посмотреть... Совсем ненадолго. Можно даже под вашим присмотром, если настаиваете.

Он все еще улыбался, но улыбка была какой-то настороженной.

— Вас никто не держит тут силой, Соле, — сказал он. — Если хотите, буду рад сопровождать вас.

Большой дом, роскошный. Пустой.

Есть прислуга, но нет хозяев. Я одна. На острове. Небольшой островок рядом с Кито, тут таких много.

Я ходила из одной комнаты в другую.

Не находила себе места.

Все так изысканно... у нас тоже был большой красивый дом, но не так...

Был. Я старалась не думать.

В голове легкий туман. Последствие травмы? Я не могла вспомнить...

Что-то важное было совсем рядом, а я никак не могла разглядеть.

Я очнулась в этом доме около недели назад. И до сих пор не могла до конца прийти в себя. Я ничего не понимала. Как это случилось?

Нужно вспомнить.

Вечером пришли гости. Мастер Мелито и еще трое: две девочки и парень. Мне казалось... Я видела их раньше? Что же не так? Одна — рыжая, зеленоглазая и высокая хисирка, очень красивая. Другая — темноволосая и темноглазая, с пухлыми щеками. Парень такой здоровенный, словно медведь...

Они сказали — мы учились вместе.

Они смеялись, рассказывали всякие истории. Как мы жили, как учились. Какая мерзкая еда была в нашей столовой, по утрам неизменная каша с комочками. Как в окна летели комары, и никакая магия их не брала. Как, однажды, прорвало водопровод на верхнем этаже и всех затопило, и потом больше суток у нас не было воды, никак не могли починить, даже пришлось идти на занятия с грязной головой...

— Соле, ты правда ничего не помнишь?

— Не помню, — говорила я.

Я не помнила вид из наших окон, зеленый ковер в коридоре, камин в большом зале, у которого мы любили сидеть. Не помнила платье, которое надевала на зимний бал.

Даже друзей не помнила. Что-то очень смутное... Чьи-то лица мелькали, но никак не складывались в образы реальных людей.

— А как мы ходили танцевать, Соле, тоже не помнишь? В «Черного дракона»?

— В «Морского», — машинально поправила я.

— Н-нет... — рыжая слегка замялась, глянула на мастера Мелито. — В «Черного».

— Может быть, — я пожала плечами.

Что-то не клеилось.

— «Морской царь» — это кафе на пляже, — сказал мастер, — там чудесное мороженое. Я не могла вспомнить.

Стоило закрыть глаза, и я видела забитые окна, керосинку на столе. Страшный холод.

— Соле, что с вами? — мастер Мелито коснулся моей руки, я вздрогнула. — Опять эти кошмары, да?

— Нет, все нормально, — сказала я. — Мне очень хочется вспомнить, но не выходит. Правда.

Они просидели со мной весь вечер, рассказывали, смеялись, очень старались развеселить меня. Старались мне помочь. Они так старались, что мне становилось неловко. Они-то меня помнили. Они мои друзья? Как же я с ними... совсем ничего... Они совсем чужие.

Я вздохнула с облегчением, когда они ушли.

Мастер задержался немного.

— Соле, не переживайте так, — сказал он. — Даже если вы не вспомните, ничего страшно. Возможно, это шанс начать все заново.

Я покачала головой.

— Неужели, все было так плохо, что нужно заново начинать?

— Нет, что вы. Просто во всем нужно видеть хорошее.

Мне показалось... магия вокруг. Мне показалось, такое уже было со мной раньше. Он пытается залезть ко мне в голову.

Я закрылась. Очень привычно закрылась, словно уже делала это.

— Я вспомню, — сказала твердо.

— Кончено, — поспешил он. — Вам просто нужно отдохнуть.

Давление магии пропало. Я чуть расслабилась.

— Знаете, Соле, — в голосе мастера был мед и какая-то неожиданная томность, — вы очень красивая и очень талантливая девушка. Думаю, у вас все получится.

Я отвернулась. Ложь. Я никогда не была красивой... не знаю, как там с талантом, но вот красоты отродясь не было. Я не верила ему.

Попрощалась, пожелала доброй ночи.

Залезла в горячую ванну, пытаюсь расслабиться. Когда-то это доставляло мне удовольствие... Но сейчас все было не так.

Все это ложь, все ненастоящее.

Я хорошо помнила свое детство, но все, о чем сегодня говорили — это было не со мной. Как же это вышло?

Всю ночь мне снились странные сны — холодное море, белые тени скользят в волнах. Много теней. Они плывут... словно плоские лица фарфоровых кукол с запавшими глазами. Мы сидим на старом полузатопленном пирсе, море плещется у нас под ногами. Мы вдвоем. Рядом со мной сидит парень в зеленой брезентовой куртке с капюшоном. Голубые глаза, ясные, внимательные, светлые короткие волосы... он берет меня за руку... у него пальцы черные, глубоко въелась угольная пыль...

— Ты не бойся, Солька, — тихо говорит он. — Все будет хорошо.

* * *

Каталау, смотровая площадка.

Отсюда город виден почти целиком.

Роскошные виллы и бедные кварталы, зелень кругом.

Черный круг у Девичьей гавани, там, где прошел огонь. На самом деле, не такая уж большая часть города. Но мой дом задело. Все сгорело. Все. Там, где стоял мой дом — сейчас черное пятно. Хотя завалы уже почти разобрали.

— Как давно это было? — спросила я.

— Около трех недель, — сказал мастер Мелито. — В тот день вы были здесь, пытались предотвратить, что-то сделать. Но не смогли. Перенапряглись. Произошел срыв.

— Но как вышло, что все маги Литьяте не смогли защитить?

Мастер тяжело вздохнул, эта тема была неприятна ему.

— Вы молоды, еще не все понимаете, Соле. Всегда нужно время на подготовку, подобрать и прочесть заклинание. Успеть вовремя среагировать, в конце концов. А тут времени не было.

«Магия — это усилие воли», — помнила я. Стоит лишь захотеть. Одно усилие, и город спасен. Одно мгновение.

Спорить я, конечно, не стала.

Хотелось плакать. Но слез не было. Тоска скреблась изнутри.

Мой дом...

Папа...

Мне казалось, я не успела чего-то важного. Снова не успела. Я должна была о чем-то поговорить.

— Соле, от имени Литьяте, я бы хотел предложить вам сотрудничество, — вкрадчиво произнес мастер. — Сейчас очень тяжелое время. Начинается война.

Нет, на войну мне идти не предлагали. Сражаться — не мое. Моя задача — перераспределение потоков магии. Максимально обеспечить силой своих, лишить врагов поддержки земли. Есть методики. Не просто, да, но с моим талантом я должна справиться. О, мастер уверял, что у меня выдающийся талант, что без меня просто никак. Я делала вид, что верила. К сожалению, по регламенту подобное доступно только лицензированным магам. Поэтому мне предлагают принести присягу и пройти специальный экспресс-курс.

Сначала присягу. Это значит — тонкие серебряные нити под кожей. Навсегда. Обязательная процедура для всех магов.

Глупо отказываться.

Невозможно отказаться.

Я же училась в Литьяте, значит, это предполагалось, это обязательно. Все приносят присягу.

Но мне было страшно. При мысли о нитях — пробирала дрожь.

— Могу я увидеть могилу отца?

Мелито строил очень скорбное лицо.

— Простите, Соле, но боюсь это невозможно. Простите... но вы понимаете, там почти ничего не осталось, он был в порту. Только пепел...

Совсем ничего... у меня совсем ничего не осталось... только звенящая пустота.

Я даже не нашла в себе силы хоть что-то сказать.

Зато Мелито нашел.

— Вы же хотите послужить своей стране, Соле? Отомстить?

Отомстить?

Есть ли у меня выбор?

Могу ли я не хотеть?

* * *

— Латаре, что вы здесь делаете?

Мастер Мелито был удивлен. Да что там, всю его напускную галантность как ветром сдуло, он был не просто удивлен, он был в ярости. Он скалился, как дворовый пес, шерсть дыбом.

А мне показалось, что на меня вылили ведро ледяной воды.

Я знала его. Я знала того человека, что ждал нас на причале. Совершенно точно знала. Более того, нас что-то связывало.

Человека ярость мастера совсем не смущала, он не смотрел на него, он смотрел на меня. В глаза. Он ждал.

Я испугалась. Наверно, я должна была сделать или сказать что-то такое... Не знаю. Узнать должна была. Но все ускользало.

Мастер Латаре?

— Добрый вечер, Соле, — сказал он.

— Добрый... вечер...

Я пыталась вспомнить, мне казалось, еще чуть-чуть и я смогу. Еще немного. Голова начала раскалываться. Сначала еще слабо, потом потемнело в глазах, чуть ноги не подогнулись. Вдруг навалилась страшная слабость.

Мастер Мелито подхватил меня под руку.

— Мастер Латаре, вам следует уйти, — жестко сказал он.

— Да, конечно, — тот кивнул. — Я зашел взять кое-какие вещи. Мне сказали, сегодня дом будет пустым. Я не рассчитывал встретить вас.

Он прошел мимо, отвязал небольшую весельную лодку, прыгнул в нее. Помахал нам рукой.

— Кто это? — тихо спросила я. — Мне кажется, я знаю его

Мастер Мелито дернулся, повернулся ко мне. Мгновение, и он взял себя в руки.

— Мастер Латаре вел у вас небольшой практический курс этой зимой. Простите, Соле, но вам следует знать, у него не слишком-то безупречная репутация... если вы понимаете.

Мне вдруг стало смешно.

Что-то такое...

У нас что, была какая-то интрижка? Ведь что-то было? Он сейчас на меня так смотрел...

— Соле, — сказал мастер Мелито, — я думаю, вам стоит еще кое что знать. Этот человек подозревался в государственной измене. Думаю, его спасли только деньги и связи отца.

Я кивнула. Да, я все понимаю. Да, буду относиться очень серьезно и держаться подальше, иначе это может плохо отразиться на моей карьере. Очень-очень серьезно. Моя репутация мне не безразлична. И карьера тоже. Да-да...

Нет, врача мне не надо. Зачем мне врач, если я даже начинаю что-то вспоминать? Если вспоминаю — это же хорошо, правда? Я, конечно, очень ценю такую заботу, но...

Мелито смотрел на меня насторожено, с сомнением. Очень долго не решался уйти.

Государственная измена? Может быть, я тоже как-то к этому причастна?

Может быть, потеря памяти не просто травма?

Уже собираясь спать, я заметила, что на подоконнике, что-то сверкнуло.

Подошла.

Маленький серебряный цветок с жемчужиной, изящная подвеска. Я протянула руку... что-то кольнуло в сердце — больно, просто мучительно. Я помню... Это ведь мое? Да? Я уже видела. Это ведь что-то значит?

Зажмурилась. Пытаясь прислушаться к себе, найти в глубине памяти что-то важное.

...он застегивает цепочку на моей шее...

«Нравится?» Улыбка на его лице.

Это ведь он? Тот человек в лодке? Мастер Латаре?

Парень в брезентовой куртке на старом пирсе.

Как странно.

Лан...

Я поняла, на кого похож этот Мелито. Словно специально подбирали.

А, может, и специально, я теперь уже ни в чем не уверена. Как только увидела их рядом на причале — сразу поняла. Но Мелито более изыскан, больше лоска... хотя, есть в этом что-то неестественное.

Ко мне приходил доктор. Очень сильный псионик, я сразу поняла. Он смотрел на меня так по-отечески снисходительно, пытался залезть ко мне в голову, пытался что-то исправить там на свой вкус. После него осталась страшная головная боль и тошнота. Не знаю, что он хотел и что у него получилось. Мне кажется, не получилось ничего. Доктор ушел недовольным, даже слегка злым, хоть и старался своей злости не показать. Ну и слава богам.

Он очень настаивал на присяге, словно я отчего-то должна была отказаться. Наверно, у них были причины сомневаться во мне.

Я, вроде, не отказывалась. Куда деваться? Я не видела этих причин, не видела путей избежать. Раз я маг, то мне надо. Ведь правда? Я же для этого здесь.

Страшно, да... какое-то странное неприятие сидит внутри. Но... не знаю...

Когда доктор понял, что я согласна — отстал.

Весь день потом я проспала, пыталась прийти в себя.

Проснувшись поздно вечером. Умылась, открыла настежь окно.

Прохладный ветерок с моря — так хорошо. Искупаться бы...

Я видела, как он вышел из воды.

Тот мастер Латаре...

Как он добрался? Без лодки, просто вплавь? В одежде.

Ночь. Звезды. Цикады трещат.

Я видела, как он снял рубашку, отжал ее, надел снова. Не знаю, собирался ли он проделать то же самое со штанами, но подошла я.

Хотела окликнуть, но так и не решилась. Он сам заметил меня.

— Соле! — махнул мне рукой.

Я подошла ближе.

— Что вы здесь делаете? — спросила я.

Сердце колотилось...

— Купаюсь, — сказал он. — Соле, я хотел поговорить с тобой.

Вода стекала с него, уходила в песок. Мокрый песок вокруг и следы босых ног.

Лан.

Я действительно знала его. Знала, что у него голубые глаза, хотя в темноте они казались почти черными. Я видела его в своих снах. Я знала даже то, чего не видела сейчас. Широкие шрамы на спине — от когтей гарпии, тонкие белые — на груди. И еще под ребрами...

Что было между нами?

— Ты слишком громко думаешь, Соле, — он улыбнулся, но как-то не весело. — Да, и под ребрами тоже. От кухонного ножа. Мы подрались с Хагеном из-за тебя. Помнишь?

Я покачала головой.

Хаген?

Так звали того здоровенного парня, который недавно приходил. Он постоянно шутил и даже пытался строить мне глазки. Джара, та, рыжая, шепнула, что я нравлюсь ему...

— Нет, — сказал мастер Латаре. — Хаген умер. Сгорел. Мы не смогли его спасти.

У меня закружилась голова.

Резануло болью, словно мир раскалывался надвое. Еще немного и все рухнет.

Я помнила... скамейку в лаборантской... огоньки по всему полу...

— Ты ведь помнишь меня, Соле? Помнишь? Знаешь мое имя?

— Да... мастер Латаре.

Он покачал головой. Не то.

— Лан, — сказала я.

Он ждал именно этого, но отчего-то не обрадовался, поджал губы, нахмурился. Улыбка дрогнула и замерла где-то в уголках губ.

— Ты все вспомнишь, Соле, — сказал он. — Вопрос в том, что потом делать с этой памятью.

— Как, что делать? — удивилась я.

Разве я не должна вспомнить? Разве в этом есть что-то плохое?

Я помнила совсем не то, что должна. Совсем другую жизнь, других людей. Другой Хаген был моим другом. И Лан...

— Соле... — он шагнул вперед, и теперь стоял совсем близко, всего-то в шаге от меня, можно было протянуть руку и коснуться. — Соле, мне запретили встречаться и, уж тем более, говорить с тобой. Но завтра утром я уезжаю. Так что, другой возможности не будет.

— Возможности? Для чего? — мне все казалось, я резко поглупела... не понимала.

— Увидеть тебя, — сказал он. — Я просто хотел еще раз увидеть.

Я смутилась.

— Прости...те... прости... Л-лан, но...

Я запинаясь, даже не могла понять, как правильно его называть.

Он смотрел мне в глаза.

— Я пришел попрощаться, Соле.

Это звучало словно... словно, навсегда. Совсем навсегда. Очень страшно, у меня аж свело живот, все заныло... Прощаться?

— Может быть, мы еще встретимся? — осторожно спросила я.

Он облизал губы, словно пытаясь решиться... но нет, не решился. На мгновение зажмурился. Заговорил о другом.

Неожиданно. Быстро и нервно, словно боясь не успеть.

— Соле, ты должна знать. Ты никогда не училась в Литьяте. Отец отправил тебя в Бер-Сухт. Твоя жизнь была другой.

Не училась. Я чувствовала, все что мне говорили тут — ложь.

Я закрывала глаза и видела холодное море, снег, город в снегу... горы... Мы сидим на старом полузатопленном пирсе. Белые тени плывут у нас под ногами.

Все это не укладывалось у меня в голове.

Зачем они так со мной?

Как же так вышло?

— Но почему тогда... почему все это?

— Ты нужна им, Соле.

— Зачем?

— Ты можешь то, что мало кто может. Ты видишь магию, видишь связи, потоки, можешь ими управлять. Литьяте не хватает энергии для полномасштабной войны. Илитрии

не хватает энергии, земля истощена. Они хотят, чтобы ты помогала выкачивать силу из земли Этора.

Мертвый лес. Сухие стволы, без веток, без зелени. Сухая серая земля. Паутина серебряных нитей.

— А если я откажусь?

— Ты не сможешь отказаться, Соле. Тебе не позволят.

— Для этого нужно было лишать меня памяти?

— Да, для этого. Чтобы ты стала послушной. Они надеялись вложить послушание и преданность в твою голову. Но ты слишком сильная для них. Ты молодец. Солька...

Он протянул руку. У меня на шее висел маленький серебряный цветок с жемчужиной. Чуть коснулся.

— Это ты принес? — спросила я.

— Да, — сказал он. — Это твое, оставила в поезде. Теннеро передал. Прости, что я так влез в твою комнату...

— А как ты узнал где я? И вообще... Как ты сюда попал?

— Этот дом принадлежит моей матери, — сказал он. — Я знаю тут все. Часто бывал в детстве.

Он стоял так близко, что слышно было его дыхание, неровное, напряженное.

Я опустила глаза.

— Я пугаю тебя? — спросил он. — Незнакомый мужик пришел и чего-то хочет. Ты ведь не помнишь меня.

— Нет, не пугаешь. Я что-то помню... но еще не все понимаю. У нас ведь что-то было, да? Я любила тебя?

Поняла, что краснею, вспыхнули уши.

— Ты? — Лан шумно вздохнул. — Не думаю, Соле. Я как-то спрашивал, но ты сама сказала, что не знаешь. Там, в Бер-Сухте, я использовал тебя, должен был за тобой следить. За что тут любить? А потом так вышло, что мы много пережили вместе. Ты привязалась, возможно... Это другое...

— Следить? А теперь?

— Теперь они обещали свернуть мне шею, если я к тебе сунусь.

— А ты не послушался?

— Я уже давно перестал их слушаться.

Серебряные нити у него под кожей. Как не послушаться? Отчего-то казалось — так не должно быть. Нитей — не должно. Но ведь он маг, мастер Литьяте. Без присяги никак.

Нити светились неровным светом.

— Да, нити. По второму разу приживаются не очень хорошо, — сказал Лан, усмехнулся. — Чешется очень.

По второму разу? Я вижу, как он лежит на земле, закрыв глаза, из носа, изо рта течет кровь... я...

Вздогнула. Очень страшно стало. До озноба, до дрожащих коленок.

— Все хорошо, — сказал Лан.

— Расскажи мне, — попросила я.

Он кивнул.

Мы сели с ним чуть подальше на берегу, под старой оливой.

Он рассказывал.

И чем больше он говорил, тем больше я вспоминала сама.

Сначала смутные образы, отдельные картинки, отдельные фразы. Потом постепенно начинало складываться. Бер-Сухт, Патеру, Ил-Танка, Джара, Хаген... Словно хоровод вокруг меня, казалось, меня затягивает в какую-то бездонную пропасть. Я лечу. Падаю. Воспоминания наваливаются на меня. Я почти помнила.

Я чувствовала, что он говорит правду. Эти слова, образы — откликались в сердце, рождая собственные воспоминания. Может быть, Лан не договаривал чего-то... не знаю. Но все это было. Я чувствовала.

В какой-то момент вдруг поняла, что он замолчал, что смотрит на меня... так смотрит!

— Соле, прости... но все это ты скоро вспомнишь сама. Обязательно вспомнишь, им так и не удалось надежно запереть твою память. Я хотел о другом...

— О чем? — тихо спросила я.

Что-то очень важное. Личное. Темные-темные его глаза, и колотится сердце. Глубокий вдох...

— Соле... я...

Я молчу, сижу, слушаю... чувствую, как пальцы начинают дрожать.

— Будь осторожна, Соле, — говорит он вслух. — Они однажды уже потеряли тебе память. Они ни перед чем не остановятся. Я переживаю за тебя.

«Я люблю тебя», — мысленно говорит он. Я слышу. Слышу мысли даже яснее, чем слова.

Земля плывет у меня под ногами, мир словно перестает существовать. Мы только вдвоем. Еще море шумит вдалеке.

— Они хотят, чтобы ты принесла присягу, — говорит он, у него вдруг меняется, становится низким и хриплым голос, — они хотят контролировать тебя. Они хотят, чтобы ты делала страшные вещи... Соле...

«Соле, я люблю тебя. Очень. Больше жизни. Я сам не так давно это понял. Может просто боялся признаться сам себе. Я боялся. Не хватало духа... не важно! Но я не могу без тебя. Я люблю тебя».

Он смотрит на меня, и у него мелко, чуть заметно подрагивают губы.

И щиплет глаза. Слезы...

— Я тоже люблю тебя.

Это правда. Я говорю и понимаю — это правда. Это всегда было правдой, что бы я там раньше не говорила. В чем бы не пыталась себя убедить.

Раньше было нельзя. Теперь все можно.

Он выдыхает — резко и порывисто, одним движением вскакивает, подхватывая меня на руки, прижимая к себе.

— Солька... милая...

А я плачу. От счастья, от облегчения, даже не знаю от чего.

Он целует меня. Собирает губами слезы...

— Ну, что ты, Соле... все хорошо.

— Лан...

Пылают щеки и кружится голова.

И ничего больше не имеет значения.

Сейчас — ничего.

Я обнимаю его.

Больше всего боюсь, что ночь кончится слишком рано.

Я хочу быть с ним.

— Слушай, — весело говорю я, — ты такой мокрый. Ты плавал в одежде, так и не высох еще.

— Да, — говорит он, улыбается широко и счастливо. — Ты тоже теперь.

Осторожно стягивает бретельки платья с моих плеч, я помогаю ему снять рубашку.

— Знаешь, — говорит он, — я ведь так толком и не видел никогда тебя без одежды, без одеяла... Всегда было так холодно.

— Видел, — говорю я, — в душе. Когда я поливала тебе.

Он очень заметно смущается.

— Да. Тогда я сильно напугал тебя.

— А я — тебя.

Я улыбаюсь. Мне кажется — это самый близкий и родной человек. Все что было между нами — невероятно важно, я хочу помнить все. Мне так хорошо. Непередаваемо, как никогда в жизни.

Он снова целует меня. Бережно кладет на песок... еще теплый песок, мягкий... и платье мне под голову, чтоб удобней лежать.

Он гладит ладонью мой живот — нежно и чуть-чуть щекотно. Он пахнет морем и кипарисами...

Я тянусь к нему, обнимаю за шею, зарываюсь пальцами в его волосах... его губы такие горячие, мягкие...

Соль на губах.

Горячая соль.

Я сразу не поняла, провела по своим губам пальцем, долго смотрела... маленькая темная капля размазалась...

Подняла глаза на него.

Кровь.

— У тебя кровь из носа... — тихо сказала я.

— Да, — сказал он. — Прости. Я не думал, что так выйдет.

Сел, подобрался, шмыгнул носом, попытался вытереть, но только размазал еще больше.

— Соле, мне нельзя подходить к тебе.

Нельзя. Вот и все...

— Тебе нужно уйти? Да?

— Нет, — сказал он. — Не пойду. Это уже не важно. Это может и выглядит страшно, — посмотрел на свою окровавленную ладонь, — но на самом деле — ничего. Бывало и хуже. Это ерунда. Не страшно. Завтра я уезжаю. На войну. Я ведь боевой маг по основной специальности, мое место там.

И нет шансов.

Я молчала. Ясно чувствовала, как волна счастья и эйфории схлынула. И накрыла боль.

— Прости, Соле.

— Я люблю тебя.

Мы лежали на песке. Я обнимала Лана, положив голову ему на грудь. Слушала, как он дышит — ровно и глубоко. Значит ничего. Пока еще ничего, не так страшно.

Хоть немного побыть вместе. Еще немного.

У меня в целом мире больше нет никого.

Он нежно гладил меня по спине, кончиками пальцев. Улыбался мне.

Мы разговаривали. О прошлом и о будущем, просто так. Шумело море. Трещали цикады в кустах.

Иногда мне казалось — я засыпаю, вижу сны... воспоминания.

Ни о чем плохом не хотелось думать.

Тот страшный сон мне приснился уже под утро.

Площадь, эшафот...

Я проснулась, вскрикнула, села, закрывая лицо руками.

— Тише, тише, — Лан обнял меня. — Это просто сон. Теперь уже просто сон. Все хорошо.

Я чувствовала, как быстро и гулко стучит его сердце. Сон...

Что ждет нас впереди?

* * *

— Соле, — он разбудил меня.

Солнце уже высоко.

— Соле, нужно одеться.

Он показал в сторону дома. Там кто-то был.

Я быстро натянула платье.

— Лан, тебе нужно уйти, да?

Он покачал головой.

— Пока нет.

Мы пошли в дом вместе.

— Они все равно знают, что я тут, — сказал Лан. — Зачем прятаться?

Они знали.

И все равно, я видела, как вытянулись их лица, когда мы появились вдвоем. Их было четверо. Красавчик Мелито, совсем зеленый от злости, какой-то лысый старик и две женщины.

Старик разглядывал Лана с живым интересом, словно подопытного кролика.

— А ты неплохо держишься, мой мальчик, — сказал он. — Как тебе? Не давит?

— Да иди ты... — Лан выругался, впрочем без всякой злобы, просто отмахнулся. Старик покивал чему-то своему.

— Что ты здесь делаешь? — рявкнул на Лана Мелито.

Ему Лан даже не ответил. А то не видно?

И встал так, чтобы закрывать меня своей спиной.

Что-то будет?

— Соле, — вкрадчиво обратился Мелито ко мне, — вы же давали согласие на присягу.

Я видела, как напряглись и расправились у Лана плечи. Он готов был меня защищать. Готов был прямо сейчас кинуться и свернуть этому красавчику шею. И не важно, что ему потом за это будет. Лан боялся не за себя.

Я положила ладонь Лану на плечо. Шагнула вперед.

— Да, — сказала спокойно. — Я давала согласие. Я готова.

— Соле! — а Лан был к этому не готов. — Нет.

— Я знаю, что делаю, — тихо сказала я. — Не волнуйся за меня.

В тот момент мне действительно казалось, что я знаю. Никакие нити присяги не удержат меня, ничего не удержит. Я не боюсь.

А еще одно, может быть самое главное — если буду сейчас отказываться, то Лан вступится за меня. Я уже видела, как он это делает, не останавливаясь ни перед чем. Тогда они убьют его.

Нет. Я справлюсь сама. Я согласна.

Я даже почти поняла, что нужно делать... все связи работают в обе стороны. Они могут привязать меня, но не остановят.

Только старик нахмурился, глядя на меня, сощурил глаза. Он тоже понял.

«Если увидят, какую опасность ты представляешь, — мысленно сказал он, — тебя убьют. Будь осторожна».

Старика звали Эно Эльрих. Мастер Эльрих. Он знал Лана с детства, был другом семьи. Именно его участие во многом повлияло на то, что после нашего побега в лес Лан остался жив. Лану, по сути, простили прямое неподчинение приказу. Мастер убедил трибунал. Ну, и деньги отца, конечно.

Мастер Эльрих был именно тем, кто принимает присягу. Кто вживляет под кожу серебряные нити. Он на такой работе уже больше сорока лет, но впервые пришлось делать это повторно. Он сказал, что увидев Лана, не поверил своим глазам.

— Как ты это сделала? — спросил мастер.

Мы были наедине, и, как ни странно, мне казалось, что мастеру можно доверять.

Он не сомневался, что я помню.

— Не знаю, — честно сказала я. — Просто сделала.

А ведь удалось не только обойти защиту Литьяте, но полностью ее уничтожить. Там, в лесу. Никаких нитей больше не было, они растворились. Лан был свободен.

И все же, он принес присягу по второму разу. Выбора у него не было. Исключительный случай.

— Тебя учили этому?

— Нет, — сказала я.

— Ни заклинаний, ни методики?

Я покачала головой.

— Мастер Патеру говорил, магия — это усилие воли.

Эльрих снисходительно улыбнулся. У него были тонкие губы, сухое подтянутое лицо все в мелких морщинках, и серые, словно выцветшие, глаза.

Мне кажется, он тоже помнил дикую магию.

— Если бы все было так просто, Соле.

И еще:

— Ты не боялась, что убьешь его?

Я отвела глаза.

Боялась, конечно. Но Лану было так плохо, что мне казалось... мне казалось — хуже уже быть не может, это единственная возможность спасти его. Он бы умер прямо там, если бы я ничего не сделала. Даже если бы выжил, попал бы в руки Литьяте, с него содрали бы кожу.

— Могли бы содрать, — сказал мастер. — Ему повезло, что вас взяли вместе.

Повезло. А мы-то надеялись, что сможем скрыться.

— А что с ним будет теперь?

Мастер слегка удивился, моей глупости, наверно.

— Он поедет на войну. Он боевой маг. Солдат.

Война.

Салотто в огне. Мой дом разрушен.

— Неужели это и правда сделали выпускники Бер-Сухта? Как они смогли?

Ил-Танка говорил, что им это не под силу.

Мастер Эльрих вздохнул, меж его бровей пролегла глубокая складка.

— Я не могу говорить об этом, Соле. Даже наедине. Но война никогда не бывает

справедливой. Это всегда столкновение интересов конкретных людей. Не солдаты ведут войну, и не герои. А те, кто стоит в стороне.

Он тяжело поднялся на ноги, чуть прихрамывая, подошел к окну.

Я так много еще хотела спросить, но понимала уже, что ответов не будет.

— За сутки до присяги рекомендуют воздержаться от пищи, — сказал мастер. — Советую не пренебрегать этим, Соле.

Обычно, на отдых и адаптацию после присяги дают два месяца. За это время баланс восстанавливается. А мне дадут сутки. Дальше — как хочешь, но за работу. Скидок мне делать не станут, времени нет.

У Лана тоже времени не было. Но ему еще хуже. По второму разу нити приживались плохо, намного дольше, чем в первый раз. К тому же, его защита стала сильнее, гораздо плотнее сеть. Ему не доверяли окончательно.

Я больше не видела его.

Не знала, где он и что с ним сейчас.

Очень надеялась, что он не выкинет чего-нибудь снова. Я боялась этого и одновременно хотела, не могла не хотеть. Он спасет меня? Если меня еще можно спасти... Главное, чтобы сам не поплатился за это.

Наверно, больше всего хотела, чтобы он был рядом.

Я знала, что тоже поеду в Этор, учить меня будут на месте. Уже сейчас нужна дополнительная сила поддержки, в Илитрии ее не хватает. И я сразу смогу помочь...

Взять силу земли, направить в новое русло, установить связи. Мастер Эльрих сказал, что от меня требуется именно это. Земля Этора огромна, в горах почти никто не живет. Можно взять немного, это не повредит.

Мертвый лес, сухая земля...

Мертвое море Салотто.

Я не могу.

Но и выбора у меня нет.

Мастер обернулся и долго смотрел на меня, словно заново обдумывал, что же все-таки предстоит сказать.

У нас с тобой одинаковый талант, Соле, — сказал он. — Одинаковой направленности. Серебряные нити под кожей — это материализованная магическая энергия. Такие же ниточки, как ты видела, что связывают людей, что идут к сердцу земли. Установление и разрыв таких связей — то, что у нас получается лучше всего. Как и плетение собственных сетей. Таких, как мы — мало. И даже не потому, что это редкий дар. Это заблуждение, не такой уж он и редкий. Просто опасный. Мы плохо поддаемся контролю. Лан пытался работать с тобой еще в Бер-Сухте, пытался воздействовать, подчинить тебя. Он не так уж плох, как псионик, надо сказать. Но с тобой у него не выходило. И чем больше он старался, тем сильнее было отторжение. Обычно бывает наоборот, ментальное воздействие раз за разом пробивает брешь... — мастер вздохнул. — Но я не об этом, Соле. Мы опасны, ты должна это понимать. Нас боятся. Если боевого мага можно сравнить с дрессированной гончей, то мы скорее медведи. Или тигры, если тебе так больше нравится. С нами можно работать, нас можно использовать. Но нас надо держать в клетке или на цепи. Мы не имеем права спать на хозяйской подушке, как какая-нибудь болонка. Ты никогда не будешь свободна. Больше никогда.

Не могу сказать, что это испугало меня. Я слышала версии и похуже.

— Ил-Танка говорил, что меня закопают в землю.

Мастер Эльрих хмыкнул, но ничуть не удивился.

— Не исключено. Я уже говорил, что наш дар не такой уж и редкий. Ты думаешь, куда деваются те, с кем сотрудничество не удалось?

Что-то сжалось и заныло в животе. Признаться, я впервые серьезно оценила реальность такого исхода. Тонкая грань под ногами, чуть оступишься и сорвешься.

— Не хочу пугать тебя, — продолжал мастер, — но будь внимательна. Если хочешь выжить, от тебя потребуется не просто лояльность, но и преданность.

— Преданность? После всего?

— Да, — сурово сказал он. — Иначе никак. Жесткий контроль, либо искренняя преданность. Почему бы и нет? Многие очень честно считают, что делают благое дело. Служат людям.

— Мертвое море, мертвая земля — это благое дело?

— Соле... я понимаю, что ты еще слишком молода, поэтому так реагируешь. Юношеский максимализм. Но подумай, Салотто стоит на том месте, где раньше росли леса. Лес вырубил, построили город. Мы постоянно используем ресурсы земли.

Мастер сам так не думал, смотрел на вещи иначе.

Не знаю. Это слишком сложный вопрос для меня. И все же...

Мастер Патеру на скамеечке... Я помню.

— *Перекрыть всем магию и пойти копать огороды,* — засмеялся парень за моей спиной.

Многие поддержали его, хотя смех вышел не очень веселый.

— *Да,* — серьезно сказал мастер Патеру, — *это было бы лучшее решение.*

Лучшее решение.

Не знаю, что предпочла бы я, если бы это хоть как-то от меня зависело.

— В любом случае, Соле, это будет твой выбор, — спокойно произнес мастер. — Тебе придется решать. Одно из двух. И что бы ты не выбрала — идти до конца. Ты сможешь?

Я не знала ответ.

* * *

Одле в огне.

Мелито зашел ко мне вечером, положил передо мной газету.

Фотографии.

Я глянула, но поняла, что не могу на это смотреть. Сердце замирает. Я видела этот город, я помню... А теперь там руины. Полгорода стерто с лица земли.

Ответный, показательный удар Литьяте. А ведь там были люди... Обычные люди, совсем не те, которые по Салотто били огнем. Невинные.

Я знала — Джара собиралась в Одле. И мастер Ил-Танка. Хотелось верить, что с ними все хорошо, что они оказались в стороне, не дошли еще или укрылись... А еще почти все наши, Ина, Регар, Вэй... не могу сказать, что после того, что сделали с Ланом и Джарой, я испытывала к ним нежные чувства. И все же, такого они не заслуживают.

Небо в огне — это слишком. Так нельзя.

Я смотрела на эту газету и понимала — войны не будет. Будет бойня. Все сметут и

подомнут под себя. Этому просто нечего противопоставить. Ружья и пушки ничто против магии. Заклинатели не справятся. Даже Тарр не справился.

Мастер Мелито довольно ухмылялся мне. Я, конечно, слишком громко думаю, он все слышит. Ну и пусть.

«Самодовольный болван» — мысленно сказала я, глядя ему в глаза. Он поджал губы.

— Напрасно ты так, Соле, — сказал он вслух. — Мы с тобой должны стать друзьями. Я твой куратор. Мы теперь всегда будем вместе.

— Пока смерть не разлучит нас?

— Именно так, — серьезно сказал он.

Его губы растягивались в улыбке, но глаза оставались холодны, полны надменного превосходства. Он был так поразительно похож на Лана, и, в то же время, поразительно непохож. Ухоженные длинные волосы, такие же светлые, но чуть мягче скулы, чуть более тонкий нос и брови, чуть пухлее губы, глаза... да, такие же небесно-голубые, но у Лана в глазах был живой огонь. У Мелито — пустота... глянец и пустота.

Глядя на него я не могла не думать о Лане.

— Если будешь вести себя благоразумно, — сказал Мелито, — с твоим другом ничего не случится.

Интересно, Лану сказали то же самое? Хороший способ прижать нас обоих.

Но что я могу?

— Доверься мне, — говорил Мелито, в его голосе разливался сладкий липкий мед. — Доверься. Будь со мной, и тебе нечего бояться. У тебя будет все, что ты захочешь. Чего ты хочешь, Соле?

Я хочу домой.

Не важно, что дома больше нет. Хочу, чтобы меня оставили в покое. Хочу Лана...да, хочу, чтобы Лан был рядом, чтобы мы были счастливы. Это все, чего я хочу.

— Ты можешь получить намного больше, — говорил Мелито. — Латаре — всего лишь твоя первая детская привязанность, будут и другие. Тебе всего-то восемнадцать. Что ты нашла в нем? Он не станет наследником отцовской корпорации, потому что он маг, у него другой путь. А маг он весьма посредственный. Ты привязалась к нему, но у тебя еще нет опыта, просто он первый, кто обратил на тебя внимание. Будут и другие. Твой дар и твои возможности намного выше, чем у него. В конце концов, вы не сможете быть вместе.

Мне не нужны другие.

Мне ничего не нужно.

Я никогда не собиралась становиться магом. Никогда. Я мечтала о другой жизни.

Да провались все это в бездну! Меня не волнует эта карьера, не волнуют деньги и новые любовники. Это не мое. Я хочу свой дом и спокойную жизнь. Я не буду...

— Литьяте — это система, — говорил Мелито, жестко, холодно. — Ты ничего не сможешь сделать. Если будешь дергаться, это может стоить тебе жизни. Тебе и ему тоже. Учти. Лучше прими это сразу.

Я закрыла глаза.

Тишина вокруг, я ничего не вижу.

Только память дает о себе знать.

Хаген в лаборантской, лежит на кушетке, чуть улыбаясь, глядя мне в глаза. Он верит мне.

Если я все-таки решусь...

— Соль, скажи мне, — Лан задумчиво смотрел на меня, чуть наклонив голову на бок, — ты сама готова идти до конца? Тебе самой это нужно?

— Да, конечно, — поспешила заверить я, хотя больше всего, конечно, хотелось убежать и ни в какие дела не лезть. — Я сделаю все, что в моих силах.

— Возможно, придется сделать больше.

— Больше? Как это?

— Вот так, взять и сделать. Прыгнуть выше головы. Я должен понимать, можно ли на тебя рассчитывать, прежде чем начинать.

— Я... Да, конечно, я все сделаю!

— Не испугаешься?

Испугаюсь.

Тогда я не смогла.

Не хватило сил.

Усилия воли не хватило. Может быть любви.

Старая Юнани, совсем не умеющая колдовать, говорила: магия это любовь. Так и было. Если ты любишь — все получится. Любишь и веришь. У Джары с Ил-Танкой получилось. А мне не хватило.

Идти до конца. Стоит ли начинать, если ты не готова?

Мне кажется, я знаю решение.

Я пока еще не знаю как, но знаю что. Чувствую, что надо делать. Сердце чувствует, а разум отказывается принимать.

Все эти бесчисленные нити, связи... они ведь уходят глубоко, все сходятся в единое целое. Если все разом... Мастер Эльрих сказал — связи работают в обе стороны. Может быть, если я принесу присягу, будет даже проще. Нащупать нить, потянуть.

Смогу ли я?

Не знаю.

Я не готова брать на себя такую ответственность.

Имею ли я право?

Как узнать?

Больше всего на свете хотелось поговорить с отцом... он знал. Он все знал! Почему же он не сказал мне раньше! Так многое нужно было...

И ничего уже нельзя вернуть. Не исправить.

* * *

Я очень боялась, но все оказалось совсем не так страшно.

Я принесу присягу. У меня нет выбора.

В конце концов, я просто хочу жить.

Это просто. Маг читает слова клятвы, потом его отводят в специальную комнату, он засыпает. Когда просыпается — все уже сделано.

Но у меня все будет не так.

После окончания обучения в Литьяте, клятва — роскошная церемония на Белой площади. Огромное количество людей, долгие торжественные речи и фейерверки, поздравления, почести, словно свадьба или даже коронация. Это праздник. За которым

следует таинство. Таинство присяги. Все взволнованы и счастливы. Каждый становится мастером.

У меня все будет иначе.

Мы с мастером Эльрихом зашли в неприметный кабинет, даже без таблички, просто с номером на двери. За столом сидел усталый пожилой человек.

— Наиро? — спросил он, подняв на нас глаза.

Мастер Эльрих кивнул.

Человек порылся в бумагах, достал и протянул мне листок.

— Читай вслух, — велел он.

Слова клятвы.

Я прочитала. Слегка запинаясь от волнения. К моему удивлению, тут не было ни слова о Литьяте. Я клялась в верности своей стране, своему народу. Все честно. И я совершенно честно поклялась.

Человек поставил где-то у себя галочку, забрал листок.

Все.

Официальная часть закончена, дальше техническая.

— Не бойся, — сказал мастер, — это не больно.

Его рабочий кабинет просторный и светлый, огромные окна с видом на море. Говорят, с выпускниками работают в другом зале. Здесь слишком деловая обстановка. Стол, шкафы с книгами.

Медицинская кушетка у стены.

— Раздевайся, ложись, — сказал мастер. — Не смущайся, считай, что я врач. Хочешь, пока накройся простынкой. Вон там, на полке возьми.

Я разделась за ширмой. Поняла, что меня начинает трясти, я краснею, бледнею, покрываюсь пятнами. Не знаю, чего тут было больше — стеснения или страха. Моя жизнь изменится, пути назад не будет. И не убежать.

Хотела бы я убежать, если б могла?

Завернулась в простыню, легла, накрывшись до подбородка.

— Закрой глаза, — сказал мастер.

Я закрыла.

И тут же провалилась в черную бездну.

Пробуждение было неожиданным.

Я очнулась оттого, что стукнулась обо что-то затылком. Попыталась открыть глаза, но вокруг темнота. Руки затекли... руки связаны за спиной! Кругом стены, словно я в каком-то ящике. И даже разогнуться до конца не могу.

И еще — ошейник.

Что это?

Я попыталась закричать, но не могла, открывала рот, но не слышала ни звука.

Паника. Холодный ужас захлестнул меня с головой. Я ничего не понимала. Что это? За что так со мной? Что происходит?

Это гроб? Меня закопают в землю? Неужели это происходит так? Живьем?

Что пошло не так?

Даже на слезы не было сил.

Вначале мне показалось — я задыхаюсь. Забилась, завертелась, судорожно глотая воздух. Потом немного отошло.

Я лежала, уткнувшись лбом в гладкие доски. Даже щелей не было. По крайней мере, я не видела... хотя должен же как-то проникать воздух? Или нет?

Надо успокоиться.

Глубоко вдохнуть... Я чувствовала запах свежих досок. А еще — моря. Что за...

И тут я почувствовала толчок. Словно ящик со мной дернули. Потом приподняли — с одной стороны, с другой... понесли.

— Что там? — услышала я грубый голос. — Тяжелый, мать твою, словно кирпичи.

— Ты тащи, — ответил другой, — тебе не за болтовню платят.

Что происходит?

Меня подняли и понесли.

Сначала по ровному месту, потом куда-то вверх, и по зыбким шатающимся мостикам. Мы в порту? На корабль? Я хорошо помнила эти ощущения легкой качки, сколько раз бегала с отцом на корабли. Меня увозят?

— Легче ставь, давай, не роняй, — велел голос.

Меня поставили. Потом подвинули ящик вбок.

Потом они ушли.

Я слышала и другие голоса, но дальше и глуше.

Ну, по крайней мере, меня не собираются убивать... иначе зачем куда-то вести морем. Как странно.

Я почти успокоилась, почти пришла в себя. И все равно я ничего не понимала.

Я лежала и слушала. Как стихают голоса, потом начинает тарахтеть и стучать, набирая обороты, двигатель где-то в глубине... легкая вибрация. Свист пара.

Я понимала, что мы отплываем. Что меня увозят все дальше и дальше.

Мне снился Океан. Тот, который, по преданиям, в глубине, под землей. Целый океан, полный магии. Бескрайний, бесконечный.

С тихим рокотом катились волны.

Шшшш-шшш, шшшш-шшш...

Но это не вода. Похоже, но нет. Я видела высокие протуберанцы голубых брызг и пены, поднимающиеся на головокружительную высоту. Их можно подхватить... Это чистая магия. Из них рождаются серебряные нити.

Я стояла где-то высоко над Океаном, словно на скале... раскинув руки... Когда-то в детстве мы ныряли с отцом с больших камней в заливе. И вот сейчас мне казалось — я нырну тоже. Глубокий вдох... И я лечу! Счастье.

Крышка открылась резко и с легким хрустом. Свет ударил в глаза, звуки и запахи навалились и оглушили разом, ящик каким-то образом заглушал все, хоть и пропускал воздух. Магия? Закружилась голова.

— Я помогу вам, мисс.

Чьи-то крепкие руки подняли меня и поставили на ноги. Я пошатнулась, чуть не упала, ноги затекли, я почти их не чувствовала. Где я?

— Осторожней, мисс. Сейчас...

Меня поддержали, усадили, освободили руки.

Наконец-то я немного пришла в себя.

Я на корабле, на палубе. Как это вышло?

Голубое небо над головой, и в небе чайки.

Долго щурилась и терла глаза, пока они немного привыкли к свету, терла затекшие руки.

Передо мной стояло двое мужчин.

Один невысокий, сухощавый, лет уже, наверно, за пятьдесят, гладко выбритый, в мягкой темно-синей рубашке, но с револьвером на боку. Другой молодой здоровенный бугай с лохматой черной бородой, кожаная безрукавка открывала мускулистые руки.

— Я капитан Лансо Утер, мисс, — сказал первый, — вы на моем корабле. Вам нечего волноваться, здесь вам никто не причинит вреда.

— Что... — я кашлянула, голос вернулся, но все еще был хриловатым, — что происходит? Почему я здесь?

— Мы идем в Хисир, мисс, в Джен-Кадар. Там вы пересядете на другой корабль. Мне поручено проследить, чтобы с вами все было в порядке, обеспечить вам максимальный комфорт... Простите, мисс, но я не могу вам сказать вам больше.

Комфорт? В этом ящике? В ошейнике? Я так понимаю, ошейник — блокатор, очень сильный, подавляющий магию.

Конечно, я не только громко думаю, но и выражение лица у меня всегда очень красноречивое... капитан все понял без слов.

— Простите за временное неудобство, мисс. Но это было необходимо. Другого надежного способа вывести вас из Салотто не нашлось. Иначе патруль бы засек вас. Этот ящик очень надежно экранирует любую магию, не позволяет почуять вас.

Чем больше я об этом думала, тем меньше понимала, что происходит. Ладно бы ящик,

но...

— Вывезти меня из Салотто? Зачем?

Капитан вздохнул.

— Простите, мисс, но я не знаю подробностей. Мне заплатили только за то, чтобы я доставил в вас в Хисир и передал с рук на руки. Больше я ничего сказать не могу.

— Кто заплатил?

Капитан покачал головой.

— Он не назвал своего имени. Я думаю, он всего лишь посредник, в таких делах заказчик обычно не называет себя.

Меня... похитили? Из Литьяте? Прямо из-под носа мастера Эльриха? Как это возможно? Или это Литьяте стоит за всем, какие-то хитрые ходы, которых я не понимаю?

И тут до меня дошло... Присяга! А присяга вообще состоялась? Вживили нити?

Ошейник забивал почти все, я не чувствовала, не видела магии как раньше. Но все же, мне казалось, что со мной ничего не произошло. Ничего не изменилось. Никаких нитей я не чувствовала. Я даже потеряла руку, пытаюсь хоть что-то прощупать. Но ничего.

Второй, молодой и бородатый, которого я поначалу сочла помощником или матросом, вдруг засмеялся.

— Не три, нет у тебя никаких нитей. Все чисто.

— Нет?

Я смотрела на него во все глаза.

— Мисс, я не представил сразу, — сказал капитан. — Это Роно, он маг.

— Мастер Роно? — сказала я.

Бородатый засмеялся еще громче, сложил на груди руки, глядя на меня свысока.

— Не мастер. Я не учился в Литьяте, и вообще нигде официально. Я работаю только на себя и на того, кто хорошо платит.

Настоящий дикий маг! Я только слышала, что такие бывают, но никогда не видела. Думала, это все байки, от патруля не скрыться. А вот он, стоит передо мной. Что умеет этот дикий маг, интересно?

— Должен сказать, он лучший маг из всех, кого мне доводилось видеть, — сказал капитан. — Намного лучше этих сертифицированных лицензированных колдунов.

— Еще бы, — фыркнул Роно. — Чтобы магу выжить в нашем мире в одиночку, надо обладать настоящей силой.

И самоуверенностью, похоже.

Я все равно ничего не понимала.

Неужели меня на самом деле выдернули прямо из кабинета мастера Эльриха? Каким образом? А как же сам мастер? Или он знал? Это невозможно. Как?

Кому это могло понадобиться?

— Это Лан решил меня спасти?

Мне даже стало страшно. Ведь в Литьяте узнают. Наверняка уже узнали. Что с ним будет?

— Лан? — Роно чуть скривился. — Я не понимаю, о ком ты говоришь.

— Лан Латаре, — поправила я.

— Не знаю... Латаре? Судя по куче денег, которую они отвалили, вполне возможно. Ты кому-то так приглянулась в сенаторской семейке, что ради тебя пошли на такую авантюру? Спасти? Забавно. Я думал, это деловой интерес. Кому такая пигалица может быть

интересна?

— Я...

Почувствовала, как краснею, как горят щеки. Даже зажмурилась на секунду.

— Мисс Наиро, — пришел на помощь капитан, — я покажу вам вашу каюту, вы можете умыться, привести себя в порядок и немного отдохнуть. Через час у нас ужин, заходите.

Я благодарно кивнула.

Море было черное-черное, тяжелые облака скользили у самой воды.

Я стояла на палубе на корме, смотрела вдаль.

Есть хотелось страшно, но, в то же время, кусок не лез в горло. Посидев из вежливости немного за столом, поковыряв, я поняла, что не могу больше, ушла.

Тяжело и беспокойно на сердце.

Почему все так? Если это Лан, то неужели он не мог объяснить все сразу? Или он боялся, что я начну отказываться, что меня снова понесет его спасать и я сорву все планы? Я так и не помогла ему. Лан был прав, не было у нас времени, это иллюзия. Все уже решено. Все зря.

У меня снова ничего не вышло.

От тоски и отчаянья хотелось броситься за борт в море.

Становится лишь хуже.

Ошейник-блокатор с меня так и не сняли, сказали пока рано, но волноваться нечего. Сказали, снимут, как только мы прибудем на место.

Куда меня везут и зачем? Я избежала одной беды, но кто знает, может дальше меня ждет что-то похуже.

Как давно мы в дороге? Кажется, это еще илитрийское море...

Волны разбивались о железные бока с глухим плеском.

Мне показалось... Да, вначале я подумала, что это только кажется, но потом пригляделась. За нами плыла белая тень. Огромная, с круглыми черными провалами глаз. Никогда не видела теней в Илитрии. Она не пыталась приблизиться, держалась чуть в стороне, но и не отставала. Что ей нужно? Говорили, тени — предвестники беды. Только в Эторе их было столько, что уже не знала, стоит ли верить. Там тени — обычное дело. Но там и море — живое. А здесь...

— Надеюсь, ты не подумываешь сбежать?

Я вздрогнула. Это дикий маг Роно подошел. Здоровенный, бородатый, но ведь, если присмотреться, вряд ли он старше Лана или Ил-Танки. Он только хочет казаться старше и сильнее, хочет произвести впечатление.

— Если я сбегу, тебе не заплатят, да? — поинтересовалась я.

Он смерил меня долгим взглядом.

— Мне уже заплатили.

Я тоже разглядывала его. Что-то в нем было не так... Я не столько видела, сколько чувствовала это.

— А почему у тебя магия красная? — спросила вдруг, неожиданно даже для себя.

— Красная? — он не поверил. — Кто тебе сказал?

— Я вижу.

— Видишь? — он подошел ближе, нахмурился, даже голову чуть набок наклонил. — На тебе же блокатор.

Я пожалала плечами, стало немного смешно. Я действительно видела, не так явно как

раньше, но все же. Значит блокатор на меня тоже не действует?

— Может он бракованный? — усмехнулась я.

Мне кажется, впервые Роно посмотрел на меня серьезно.

— Если ты видишь... — он замялся. — Да, ты права, спектр силы действительно может быть разный. Все зависит от источника.

Он поджал губы. Сомнение на его лице, недоверие.

Да ну его в бездну.

Поняла, что мне совсем не хочется с ним говорить. Не интересно. Самодовольный Роно не нравился мне, и я ему, пожалуй, доверяла еще меньше, чем он мне. Пусть присматривает и охраняет, если от этого никуда не деться. Все равно не сбежать.

Я отвернулась, глядя на море.

Заметила, что тень подобралась ближе, теперь она плескалась уже под самым бортом. Казалось, тень смотрит на меня.

Повинуясь какому-то странному порыву, я помахала тени рукой. И тень ответила. Она дрогнула, пошла зыбкой рябью, потом резко нырнула на глубину, потом поднялась снова. Это было так странно... может, просто совпадение. Я помахала еще раз. И тень игриво сделала небольшой круг.

— Что ты делаешь? — не понял Роно.

— Общаюсь с тенью, — широко улыбаясь, сказала я.

Я видела, как у мага вытянулось лицо. Вот сейчас, подумала я, он еще начнет меня бояться.

«Помоги мне, — попросила я тень. — Мне кажется, я знаю что делать, но пока не знаю как. Помоги. Я не могу решиться».

«Хорошо», — ответила тень. Я услышала.

Ил-Танка каким-то образом договорился с алыми корабliками, а я сейчас говорю с тенью. Может быть, я просто схожу с ума?

Или я действительно делаю это? Я могу?

Мне кажется, я сама себя скоро начну бояться.

* * *

Ночь принесла давний кошмар.

Лан и та страшная казнь.

Я проснулась — все лицо, вся подушка в слезах, сердце колотится и нечем дышать. Это сон! Это просто сон!

Почему он до сих пор мне снится?

Я боялась за Лана. И хуже всего, что я ничего не знала наверняка, ничего не могла сделать. Меня погрузили на корабль, словно мешок с мукой, словно куклу, и везут. Никто не спрашивал и никто ничего не объяснял.

Я лежала, не в силах даже закрыть глаза, мне казалось — если закрою, то кошмар вернется. Я не вынесу этого снова.

Но даже не ночных кошмаров я боялась.

Я боялась, что это окажется правдой.

До Джен-Кадара мы шли еще неделю. Встали на рейде в стороне от города, в небольшой бухте за скалами. Чистая прозрачная вода, белый песочек видно на Дне.

Черная хисирская джонка уже ждала нас.

Я видела, как капитан Утер и несколько матросов спустились в лодку и отправились туда. Потом должны были отвезти меня. Передать с рук на руки. Им за это заплатили и они это сделают, мое мнение и моя воля никого не интересует.

Может быть хоть теперь мне что-то объяснят?

— Я поеду с тобой, — сказал Роно. — До Новой Эдры у Китового мыса. На этом моя часть работы закончится, куда тебя повезут дальше я не знаю.

Южный Ригдел, ничего себе. Не думала, что меня может занести так далеко. Или еще дальше? Что там? Берег Мертвой Рыбы? Меня повезут в Этор северо-западным путем?

Я молчала. Смотрела, как огромная белая тень кружит у борта. Она так и плыла за нами, заставляя капитана и всю команду нервничать. Но капитан молчал, он всегда крайне сдержан, и удивительно хорошо воспитан для контрабандиста. А вот команда роптала. Я слышала, как меня за спиной называют проклятой ведьмой и кое-кто даже предлагал бросить за борт. Громко и в лицо не говорил никто, капитана боялись, да и вознаграждение, судя по всему, им обещали хорошее. Но напряжение оставалось. Скоро от меня избавятся. Скоро я стану головной болью для других.

Интересно, тень пойдет дальше со мной?

Иногда мне казалось, тень плывет не просто так, она хочет, чтобы я сделала что-то, может быть пошла за ней, она зовет. Не представляю, как это возможно. Броситься в воду?

— Когда мы пересеем, я сниму блокатор, — сказал Роно. — Если, конечно, ты пообещаешь не делать глупостей.

— А если я не стану обещать? — спросила я.

Роно нахмурился.

— Чего ты добиваешься, Соле?

— Я? Ничего. Я только хочу понять, что происходит, только потом смогу давать какие-то обещания.

Он долго раздумывал.

— У меня есть письмо для тебя, — Роно вытащил из внутреннего кармана толстый конверт. — Держи. Я должен был передать тебе по прибытию в Хисир.

Я протянула руку... дрогнули пальцы.

«Здравствуй, Соле», — было написано там. «Ты читаешь это письмо, наверно, уже очень далеко от дома, в Хисире. Если так — хорошо, надеюсь, все получилось, как я планировал. Солька, милая, ничего не бойся, доверься мне. Они не успели вживить тебе нити и, значит, не смогут дергать, у них нет власти над тобой. Ты свободна. Они не выследят. Конечно, первое время придется спрятаться. Тебя отвезут в северный Ригдел, в небольшое поместье, оформленное на твое имя. Я никогда не был там, но, говорят, хорошее тихо место, правда климат довольно суров, как в Эторе, но зато до Илитрии далеко. А в Эторе сейчас слишком неспокойно. Поживи там несколько лет, потом решишь сама. Наши семейные адвокаты получили для тебя отцовское наследство. Слабое утешение, конечно, но все же — это твое по праву, хорошие деньги. Часть средств я направил в поместье

наличными, часть в Хисирский банк, ты сможешь получить их в любое время. Не торопись.
Ничего не бойся и будь счастлива.
Лан Латаре»
Лан... Это он.
Кроме письма в конверте были все необходимые документы.
Но не было главного. Лан не писал ничего о себе. Как он? Что с ним?
Если это он устроил мне такой грандиозный побег, то это не сойдет ему с рук, несмотря на все деньги и связи отца. Такое не прощают. Он зашел слишком далеко.
Они ведь узнают, рано или поздно, они не могут не узнать.
Зачем?
Я пыталась успокоить себя, пыталась убедить себя, что если ему удалось повернуть такое, то он выкрутится... Что все будет хорошо.
Но сердце было беспокойно. Разрывалось.
Мы слишком далеко.
Если бы я получила это письмо рядом с Салотто, я бы бросилась в воду, вернулась. Если была бы хоть какая-то надежда. Теперь...
Слишком поздно.
Тот сон... Возможно, он уже стал правдой.
Как мне с этим жить?
Роно смотрел на меня.
— Снимай, — велела я, показывая на блокатор.
— Хорошо, — он кивнул.

Черная джонка несла меня в Ригдел.

Белая тень скользила следом.

И ныло сердце.

Стоило закрыть глаза, хоть на мгновение, и я видела Лана. Как во сне. И словно наяву.

Ведь это неправда. Сон... Я изо всех сил пыталась убедить себя.

Конечно, сон.

Лан уехал в Этор. На войну.

Салотто в огне. Одле в огне. Кругом огонь... огонь и пепел.

Я пыталась не думать о Лане. Пыталась не думать о доме, об отце. Ведь сделать я все равно ничего не могла. Что бы ни случилось с ними, я ничего не могла сделать. Уже поздно. Все что могло — уже случилось. Я слишком далеко. От меня вообще ничего не зависит.

Но и поверить не могла.

Без блокатора все чувства резко обострились. Мир взорвался красками и звуком, новыми ощущениями. Я даже испугалась... но это было потрясающе. Удивительно. Магия переполняла меня. Я чувствовала себя частью огромного мира, я видела связи, я видела жизнь вокруг себя.

Я видела, что тень зовет меня. Видела, как она тянется, протягивая невидимые, тонкие, словно паутинка, нити.

«Ты поможешь мне?» — спросила я. Не знаю, на что я надеялась. Разве можно с тенью о чем-то говорить? Наверно, просто не к кому больше обратиться.

«Пойдем со мной», — ответила тень.

«Куда?»

«Пойдем со мной», — повторила тень. «Ты завала. Ты знаешь».

Не уверена, что слышала слова, и не понимала о чем... Я знаю... Мне кажется, я знаю, но как же я смогу? Разве мне такое под силу?

Тень звала меня.

Как пойти? Прыгнуть в воду? Это безумие...

«Ты знаешь, что с Ланом?» — спросила я, не очень-то надеясь на ответ.

«Он далеко», — сказала тень.

Далеко? Он жив? Как он? Сотни вопросов у меня в голове.

Кажется, тень смотрит на меня. «Ты любишь его?»

Да. Я люблю. Зачем тогда сомневаюсь и ищу отговорки?

Я должна была что-то сделать. Невозможно просто оставаться в стороне и смотреть. Спокойно жить в каком-то поместье в северном Ригделе. И ничего не знать.

Да, я хотела тихой жизни, чтобы меня оставили в покое... но не такой ценой. «Доверься мне», — говорила тень. «Пойдем со мной».

Я ведь сама хотела. Сама просила.

Нельзя отступать.

Еще немного, и я пойду. Возьму и прыгну. Глупо, наверно...

Нужно поверить. Поверить, что можешь. И тогда возможно все.

Мне казалось, я слышу голос Лана. Доверься мне, Солька.

Совсем недавно я была готова не отступать. Даже с нитями под кожей. А теперь...

Неужели я готова драться, только если меня окончательно приперли к стенке? А чуть только поспокойней и все?

Я простояла у борта весь день, до самой темноты. Никто даже не пытался подойти и заговорить со мной. Даже Роно поглядывал издали, насторожено.

Небо было ясным, звезды уже начали загораться в вышине. Море — спокойным. И лишь тень волновалась все сильнее.

«Пойдем!» — звала она. «Времени нет».

Если решишься — надо идти до конца. А так...

«Я не могу», — говорила я. У меня не хватало сил для окончательного решения. Не могу.

И тень вдруг исчезла.

Нырнула, ушла на глубину и пропала.

Я смотрела на воду, ждала... но ничего. Очень долго. Я чувствовала магию, чувствовала, что тень рядом, но не видела ее.

Я должна что-то сделать...

Оглянулась по сторонам.

Чуть в отдалении стоял Роно, наблюдая за мной, сложив на груди мускулистые руки. Он стерег меня. Вряд ли он позволит мне убежать просто так.

Но ведь и я сама кое-что могу.

Я улыбнулась ему.

Настоящий дикий маг под носом у Литъяте. Он ведь от самого Салотто на корабле. Он не боится. Значит, возможно все.

Я не буду бояться тоже.

Хватит. Пора.

Если не сделаю этого сейчас, потом будет поздно... потом я себе этого не прощу.

«Я иду!»

Наклонилась, расстегнула и стащила с ног сандалии.

Роно напрягся... несколько широких шагов и он уже рядом.

— Соле, что ты делаешь?

— Хочу искупаться, — сказала я.

— Ты сошла с ума?

Не знаю, понимал ли он, что я задумала. В бездну благоразумие.

Хватит.

Я иду.

Вдруг стало легко.

Если решение принято — бояться нечего.

— Ты не сможешь помешать мне, — сказала я.

Никто не сможет.

И почти сразу почувствовала толчок... Джонка вдруг замедлила ход, едва ли не встала, несмотря на наполненные ветром паруса. Не резко, не налетев на рифы, а словно увязнув в чем-то...

Я слышала испуганные крики.

— Смотри! Смотри!

И еще:

— Тени! Смотри сколько их!

— Что за... — выругался Роно, выглядывая за борт.

Тени всплыли из-под воды. Их было так много! Я никогда не видела столько теней. Словно медузы... Они заполняли собой все вокруг, так, что даже воды почти не осталось.

Даже мне страшно.

— Ведьма! — кричит кто-то.

— Это из-за нее!

— Это ты, да? — Роно смотрит на меня. Он тоже боится. В его глазах — паника.

На палубе собирается толпа. Матросы, боцман, капитан — все они смотрят на меня. Ненавидят.

Дикий маг Роно стоит между ними и мной.

Неужели он решил меня защищать? Оттого, что ему хорошо заплатили? Это его долг? Он стоит, поджав губы, расправив плечи, чуть подавшись вперед, словно собираясь сорваться, броситься в атаку... я вижу магию, собирающуюся вокруг него. Словно пламя. Роно в огне, и этот огонь полыхает в ночи...

Невозможно...

Не надо. Я справлюсь сама.

Тени собираются вокруг, все море — белое. Словно молоко. Черное небо глядит на нас мириадами звезд.

— Ведьма! За борт ее! — кричат матросы.

Капитан говорит что-то, пытается успокоить. Но паника сильнее.

Еще немного...

— Стойте! — отчаянно кричит Роно. Языки пламени взвиваются над ним.

— Нет, — спокойно говорю я. — Все правильно. Тени пришли за мной.

Я хотела знать, хотела помощи — и вот, помощь пришла.

Я понимала, что деваться мне некуда. Мы посреди моря, кругом вода и от теней не убежишь. Страшно? Не знаю... столько всего случилось со мной, что страх куда-то ушел... Совсем. Чувство нереальности... Словно это сон, словно происходит не со мной, я смотрю со стороны. Я иду.

Я вижу... вижу, словно со стороны, как я подбираю длинный полоч платья, как перелезаю... Стою, собираясь с силами.

Глубокий вдох.

И я прыгаю за борт.

В белое молоко подо мной.

И тени подхватывают меня.

— Нет! — кричит дикий маг Роно.

Небо в огне.

* * *

Тени несли меня прочь, куда-то на юг, в бескрайний океан.

Страх ушел и ушло даже волнение. Я сидела на мягком плотном лбу тени, словно на огромном плоту. Море было таким теплым, волны легко касались меня, словно ласкали.

Я даже не пыталась понять, что будет.

Нереально и невозможно.

Я слышала, что стоит коснуться тени, и она выпьет всю память. Но я помнила. Моя память со мной.

Я слышала, что алые кораблики набрасываются и обгладывают до костей. Но они же дают жизнь. Они вернули жизнь Ил-Танке.

Тени пришли по моему зову.

У всего есть две стороны.

Жизнь и смерть, как стороны одной монеты. Орел или решка.

Штука в том, что мы видим всего одну сторону, не в состоянии перевернуть.

Белая тень несла меня...

Я сняла платье, намокшее, тяжелое. Подумав, сняла сорочку, разделась совсем... Легла на спину, кожей чувствуя плотную, чуть ноздреватую и прохладную поверхность тени. Я глядела в небо, а небо глядело на меня. Мне казалось — я лечу, проваливаюсь в бездну, полную звезд.

Я все смогу. Главное верить.

Как долго это продолжалось? Я не чувствовала ни усталости, ни голода, ни жажды.

Небо застыло и не менялось. Где-то начинал брезжить рассвет, но солнце не вставало, не уходили звезды. Легкий ветерок охлаждал кожу.

Тень несла меня.

А потом появился морской змей.

Огромный, словно водонапорная башня.

Его шея, его голова поднимались надо мной. Зеленые, словно прибрежные воды, глаза следили за мной не мигая.

Тень остановилась, подплыв к нему.

Я села.

«Ты готова? Пойдем», — беззвучно сказал змей.

Лег кольцом, обвивая мою тень собой.

Я поднялась на ноги, сначала несмело прикоснулась, потом обняла его шею, теплую, чуть шершавую. Чуть заползла, оседлав его.

Магия заполняла собой все. Я видела всполохи серебристо голубые и огненные. Сияние.

Змей дрогнул подо мной.

На мгновение взмыл в небеса и тут же нырнул, уходя на глубину, все ниже... Я чуть не закричала от страха. Я же утону, задохнусь!

«Дыши, не бойся, — сказал змей, — только не отпускай».

Я вцепилась в него, что есть силы.

И все же, сколько могла, старалась держаться и не дышать. Сколько могла... так, что легкие начали разрываться и кружить голова, в глазах темнело. Потом вдохнула. И внутри все обожгло...

Потом отпустило, успокоилось.

Я поняла, что ничего страшного тут нет.

Мы неслись сквозь темные воды.

Я хотела сама. Уже не свернуть.

Надо идти до конца.

Я... я люблю тебя.

А потом я вдруг поняла, что Океан подо мной. Что мы летим.

Огромный и безбрежный Океан... неспешно катятся волны, высокие всполохи

поднимаются и гаснут. Я почти не ощущала своего тела, не ощущала ничего вокруг. Словно это сон... только сон. Сейчас я проснусь... в Литьяте, в кабинете мастера Эльриха, с нитями под кожей. Это все бред...

Я не боялась. Поздно бояться.

За моим плечом парил морской змей.

«Ныряй», — сказал он.

«Зачем?» — спросила я.

«Это чистая магия. Решай сама».

Решать?

Я зажмурилась. Давай!

Главное — не бояться. Решить и идти до конца.

Чего я хочу?

Я хочу знать...

Я хочу спасти Лана. Только это.

И я нырнула.

* * *

Меня подобрал на берегу старый рыбак из крошечной ригдельской деревушки. Он вытащил меня из воды, принес домой... я почти ничего не понимала, сил не было, и даже говорить я могла с трудом.

Он выходил меня, поставил на ноги. Мне было уже почти все равно.

Он сказал, что в бреду я болтала что-то про тени... теней сейчас много, все море наполнено тенями. Море сошло с ума. Я сказала ему, что ничего не помню. Корабль разбился, кажется, и меня унесло... Я не могла рассказать как есть, не в силах все это объяснить. Как я расскажу про Литьяте и морского змея? Про целый океан, полный магии? Разве можно в это поверить?

Может быть, не только море, но и я сошла с ума.

Было ли все это на самом деле? Или только приснилось?

Не было?

Тот Океан.

Я пришла туда с надеждой помочь.

С надеждой узнать.

Я потянулась к Лану сквозь Океан... ведь это магия, волшебные связи, они пронизывают весь мир. Я потянулась. Я надеялась увидеть его. Узнать, что с ним. Помочь...

Но увидела смерть.

Увидела казнь, как во сне.

Правда ли это?

Так реально...

Правда, поняла я. И я видела больше. Слышала обвинения. Из-за меня. Действия противоречащие интересам Литьяте. Саботаж и диверсия. Предательство.

Я видела Лана. Ему зачитывали обвинения, а он стоял и улыбался, весело, как ни в чем не бывало, словно все не о нем. «И все же, я обманул вас, — сказал он. — Оказался сильнее. И вы ничего не смогли сделать». Смеялся им в лицо. Он доказал, что действительно может.

Что он круче всех, лучше всех, не смотря ни на что. И ничего не боится.

Он всю жизнь только это и пытался доказать. Что он может.

А потом они содрали с него кожу.

Лан не кричал. Молчал, стиснув зубы. До самого конца.

Они смотрели.

Я опоздала.

Его кожу растянули, повесили на Белой Площади, там, где выпускники дают присягу. В назидание. Чтобы все видели и знали. Чтоб не смели повторять.

А Лан умирал ее три дня.

Я видела...

И надежда, моя любовь — превратилась в ненависть.

Страшную ненависть. Даже без слез, без горя... просто холодное желание убивать.

И тогда я принялась рвать нити. Все, до которых только могла дотянуться. Вокруг Океан... все нити, все связи тянутся сюда. Магия — кровь, Океан — сердце... Сейчас я ненавидела магию. Я хотела, чтобы она исчезла, совсем! Чтобы никто и ничто больше не смог...

Мне все равно, что со мной будет. Казалось, сейчас все схлопнется, Океан поглотит меня. Я слишком много на себя взяла.

Ну и пусть.

Я делала то, что, как мне тогда казалось — должна была.

Нечего бояться. Внутри только жгучая пустота.

У меня больше ничего не осталось в этом мире. Совсем. Даже надежды.

Если бы могла тогда, я бы, наверно, уничтожила мир.

Я кричала... я рвала тонкие серебряные нити, вытягивала, заставляла распадаться все связи. Я пыталась уничтожить все.

Мне казалось, я сама уже перестала существовать...

Безумие.

Океан потемнел, налился гневом, вздыбился волнами. Девятый вал...

Меня накрыло...

А потом все пропало.

Дикий берег. И одинокий старик.

Море полно теней.

Я сама как тень, хожу по берегу и не нахожу себе места. Все зря. Пустота...

— Пойдем?

Он нашел меня. Этот дикий маг Роно. Или он уже не маг?

Я сидела не берегу, а он подошел и встал рядом, словно всегда жил где-то поблизости, а не искал меня в море несколько недель.

Сколько времени прошло? Я уже потеряла счет дням. Пока еще лето. Было почти все равно.

Подняла на него глаза.

— Как ты нашел меня? — спросила я. — Зачем ты искал?

— Мне заплатили, помнишь? — он криво ухмыльнулся в свою черную бороду. — Я должен был доставить тебя в Южный Ригдел.

— Должен? Даже теперь? — удивилась я.

— Конечно, — сказал он. — Ничего не изменилось.

— Изменилось. Лан умер, — сказала я. Мне не хотелось никуда идти, вообще ничего не хотелось.

Маг Роно покачал головой. Его черные глаза смотрели прямо и спокойно, никакой надменности и насмешки в них больше не осталось. Мне вдруг показалось, он чем-то похож на Хагена... но нет, просто такой же здоровенный бородатый ригделец, только и всего.

— Не изменилось, — сказал он. — Я привык доводить дело до конца. Я никогда не видел твоего Лана, и мне, честно говоря, плевать что с ним стало. Но свою работу я выполнить должен. Я могу даже проводить тебя до твоего нового дома. Я читал письмо, не обижайся, нужно было понять, где искать.

Он достал из кармана и протянул толстый конверт с бумагами. Тот, что я оставила на корабле, прыгая в воду.

Честный маг.

— А если я не захочу идти с тобой?

Он пожал плечами.

— Возьми это.

Я послушно взяла, глупо отказываться. Лан отдал за это жизнь. А я... Что еще мне остается. Будет не честно, если я откажусь.

— Вот и молодец, — сказал он. — Ты же не собиралась остаться в этой деревушке навсегда?

Нет, конечно. Мне давно пора уходить. Я и так слишком злоупотребляю гостеприимством.

У меня ничего не осталось.

— Скажи, — вдруг попросила я, — ведь Роно это не настоящее имя?

Он мягко улыбнулся, сел рядом со мной на траву, вытянул ноги в тяжелых сапогах.

— Не настоящее, — его глаза улыбнулись тоже, почти по-дружески. — Роно — значит «гром» на одном из старых ригдельских диалектов, и все называют меня именно так. Отличное имя для мага. Но раньше меня звали Йорхен.

— Йорхен, — повторила я.

Он фыркнул.

— Ну и натворила же ты дел.

Я вздрогнула, прикусила губу. И даже, кажется, начала краснеть. Я натворила... Неужели это все правда? Океан, змей, тысячи порванных нитей...

— Я даже не знаю, что сделала, — тихо сказала я. — Иногда мне кажется, это был только сон.

— Не знаешь? — Роно засмеялся, сначала неуверенно и недоверчиво, потом, глянув мне в глаза, все веселее, его смех гремел как раскаты грома. — Ну ты даешь, маленькая Соле! Правда не знаешь?

Он хлопнул себя ладонью по колену... мне показалось, совсем как Лан когда-то. Но у Лана это был скорее жест отчаянья, выдающий напряжение, а тут... Роно было весело.

— Не знаю, — сказала я.

— Ты грохнула по ним не хуже огненной горы. Настоящая кровавая буря. Поломала всю систему Литьяте, не до основания, конечно, не полностью, но... — его глаза вдруг жестко сверкнули. — Ты расправилась едва ли не с половиной лицензированных магов.

— Расправилась?

Мне было сложно вот так вдруг осознать. Я порвала связи...

— Ты убила их, — сказал Роно.

— Я?

Это не правда.

Мне казалось — земля уходит из-под ног, все закружилось... Нет. Я не верю. Я не хотела... Я ненавидела магию, но людей.

— Для большинства магов лишиться магии — значит умереть, — сказал Роно. — Ты порвала связи. Не только паутину, сплетенную людьми, но глубинные связи. Ты не понимала этого?

Мотнула головой. Я не думала... Разве такое возможно?

Я чудовище.

Это просто не укладывалось в голове. Разве могла я...

«Если надумаешь порвать — отойди подальше, а то ошметками забрызгает».

Лан не шутил, говоря это. От мага останется лишь кучка фарша, если оборвать его связь с Литьяте. Я ведь понимала, просто отказывалась верить.

— Значит, ты еще опаснее, — сказал Роно. — Тебя уже ищут. У них, конечно, сейчас хватает других забот, но тебя ищут все равно. Тебе повезло, что я нашел тебя первым. Нам нужно идти.

Зачем? Может, честнее убить меня на месте?

Если все это правда...

— Возможно, ты спасла землю, — сказал Роно. — Магия истощила ее, еще немного, и было бы поздно для всех нас. Но теперь есть небольшой шанс.

Я молчала.

Он легко поднялся на ноги, протянул мне руку.

— Пойдем, — сказал Роно.

Я закрыла глаза.

— Солька, милая... ну, что ты... все хорошо...

Мне все казалось, я слышу его голос. Но нет, лишь шелест ветра.

Слезы застилают глаза.

Почти год прошел, но разве это что-то значит?

Столько изменилось за этот год.

И вот я снова здесь.

Салотто. Каталау. Смотровая площадка.

Я снова стою, смотрю вниз. Подо мной — город.

Пустые улицы и сухая земля. Совсем сухая. Как во сне. Ветер гонит мусор по розовым мостовым.

Это все из-за меня. Это я порвала и уничтожила всю магию. Все связи. Магия ушла водой в песок, растворилась. Я не этого хотела, но... Или как раз этого? Порвать все. Вывернуть паутину из земли. Освободить.

— Соле, ты здесь?

Он подошел незаметно, неслышно. Или я просто была слишком занята собой.

Я промолчала.

— Ну что ты, Соле? — он взял меня за плечи.

Эторская военная форма, офицерские нашивки на рукаве. Сейчас в городе полно военных, если нет магии — в ход идут ружья. У него на плече карабин. Рыжий, зеленоглазый, чуть лопоухий. Мне кажется, совсем как в том давнем сне, только я уже все сделала, поздно... Мне больше не нужно ничье одобрение. Поздно. Ничего не вернуть.

— Я не знаю, что мне делать, Олиш, — тихо сказала я. — Это я виновата.

— Ты, — согласился он, чуть улыбнулся. — Пойдем, я кое-что тебе покажу.

Протянул мне руку. Повел в горы. Я покорно пошла за ним следом.

— Это Джара нашла, — сказал он. — Тебе тоже понравится.

Узкая дорожка убегает ввысь, здесь почти никто не ходил, камни кругом, сухие сучья, прошлогодняя трава давно рассыпалась в прах. Ничего не осталось. Без магии... Вся жизнь в Салотто держалась на магии.

Да, у всего есть две стороны. Но вторая сторона оказалась такой... Я же знала.

— Смотри, Соле!

Когда я увидела — замерло сердце.

— Как... — не поверила я.

Олиш улыбался мне.

Чуть дальше, на солнечном склоне рассыпались мелкие беленькие звездочки камнеломки. То тут, то там, разбегаясь, цепляясь корнями за сухую почву... кое-где лишь крохотные зеленые ростки, кое-где еще зеленые бутоны...

— Ты успела, Соле, — Олиш Ил-Танка говорил так, что не поверить невозможно, он всегда был убедителен. Я успела.

— Магия? — осторожно спросила я, уже зная ответ. Магии тут больше не было.

— Нет. Ты успела, земля еще жива.

Я смотрела на белые звездочки... Жива.

Все будет хорошо.

